АЛЬБЕРТ ИВАНОВ

Обычные приключения «олимпийца» Михаила Енохина

АЛЬБЕРТ ИВАНОВ

Обычные приключение «олимпийца» Михаила Енохина

(повесть)

Часть I

ПУТЬ СВОБОДЕН!

«Плакать завтра будете!»

В этом июне Женьке исполнилось девять лет, но он был вот уже почти две недели чуть ли не самым несчастным человеком на свете. А ведь ему так везло. Живет он у Черного моря, мальчишки всей страны наверняка ему завидуют. Отец у него — капитан дальнего плавания, мальчишки всего города Женьке завидуют. А друзья у Женьки какие: второклассники братья-двойняшки Мошкины — в лупу не отличишь, и даже говорят одно и то же в один голос, — мальчишки всей улицы ему завидуют. И внешность у Женьки бравая: посмотрит в зеркало — вылитый Котовский, только в детстве, без усов, ну и волос погуще!.. А тут на тебе!

Пока Женька не перешел в третий класс, все было хорошо. Раньше он играл и играл себе во дворе с Мошкиными. Никто его не трогал.

А улица — это не двор. На улице свои порядки. Они установлены плечистым пятиклассником Борисом и его компанией: четвероклассниками Витькой Молчуном и Славкой Хихикало. Такие прозвища им дали за то, что Витька все время молчит, а Славка хихикает. «Отчаюги», как называет их Женькина тетка.

За последний год Женька вытянулся на целых полголовы. Увидев, что Женька вырос, Борис и «компания» сразу за него взялись. Только и утешение: от них не он один, а вся улица стонала, все младшеклассники. В любой момент «компания» может ни за что ни про что тебе гулкий щелчок по макушке отвесить; дернуть девчонку за косу, если она у нее есть; отнять стакан газировки прямо у автомата; выбить из рук в пыль сливочное мороженое или поставить тебя в длиннющую очередь за билетами в кино — для себя. Им было скучно, и они развлекались, как могли. Хорошо еще, что они часами играли в домино, как пенсионеры, возле дома Молчуна, тогда они никого не трогали. Конечно, если ты не идешь мимо них. А как же тут не пройти, самая короткая дорога к морю, а дом Молчуна — последний на улице. В обход — за час не обойдешь, кругом понастроены санатории, пансионаты, везде высоченные ограды. А у ворот сердитые дядьки в фуражках дежурят, чуть что: «Ты куда, мальчик? Ты здесь отдыхаешь? Иди-иди, не хулигань, у нас пляж закрытый!..» А кто хулиганит! Борька с компанией хулиганит, раз к морю не пропускает. Идешь тихонько мимо, почти не дышишь, а они — гнилыми яблоками. Им кричишь:

— Вас же не трогают!

— Как же не трогаешь?! — возмущаются они. — А сам мимо идешь! Кто тебе разрешил?

Женькина тетя Клава, сестра его мамы, не раз Борькиному отцу жаловалась, а он одно твердит:

— Я в ребячьи дела не встреваю! А если вы настаиваете, могу своего оболтуса прямо при вас выдрать. — И грозно добавлял: — До полусмерти!

— Не надо, не надо, — враз пугалась тетя Клава. — Может, я ошиблась.

— То-то, — басил он. — Лучше глядеть надо. А еще ходят... —

И кричал вдогонку: — Очки купите на нос! А потом говорил Борьке:

— За то, что я тебя спас, ты сегодня тележку с фруктами на базар повезешь! — Отец его был очень жадный, целыми днями торчал на базаре. И вообще Борькина семья летом спала на раскладушках во дворе — весь дом сдавали отдыхающим «дикарям», от пола до крыши, вместе с чердаком. И летнюю кухню, и сарай, и навес дровяной. Собачью конуру, наверное, тоже бы сдали, да только ее у них не было.

Тетя Клава называла Бориса «переростком».

— Ума у него меньше, — объясняла она Женьке, — чем росту.

— Значит, он недоросток, — спорил с ней Женька. — У него ум не вырос.

Попробовал бы он это самому Борису сказать!

Знал бы Женькин отец, капитан, что такое случится, ни за что не ушел бы в дальнее плавание. А может, и ушел, но, уходя, сказал бы:

— Сын моряка должен твердо на ногах стоять, а не хныкать.

Нет, он, Женька, не стал бы отцу ябедничать. Вот маме он, наверно, рассказал бы... Ну, чтобы посоветоваться. Но мама уехала к отцу в город Жданов, где его сухогруз по возвращении стал на срочный ремонт.

Ни отца сейчас у Женьки, ни мамы, а жизнь становится все несчастнее, и никакая тетя Клава не может ему помочь. Разве с Борькой, Молчуном и Хихикало сладишь?! Да ведь у Витьки Молчуна еще и огромнейшая собака, помесь дога с овчаркой! Встанет на задние лапы и, пожалуй, будет выше Женькиного папы. Ну, может, и не выше. Но если она уши поднимет, то уж точно! И кличка жуткая — Фантомас.

Вот недавно загорали на гальке пустынного дикого пляжа братья-близнецы Мошкины и Женька. И вдруг заявляются Борис, Хихикало и Молчун со своей собакой.

— Я домой! — вскочил Женька.

— И я! — вскочили Мошкины.

— Стоп! — усмехнулся Борис. Они остановились.

— Ко мне! — приказал Борис.

Они подбежали. Он не спеша разделся.

— Натрите меня, — и достал из кармана баночку вазелина. Хихикало захихикал, Молчун кивнул, а Фантомас посмотрел на хозяина, тоже кивнул, разинул зубастую пасть и, видать, в

насмешку высунул длинный розовый язык.

Пришлось подчиниться... Мошкины натирали Борису ноги, а Женька — спину.

— Сильней!

И они, вздрогнув, так поднажали, что... Борис упал.

Хихикало хотел захихикать, издал горлом булькающий звук, но спохватился и угрюмо засопел. Молчун хотел кивнуть, но спохватился и сдвинул брови. Фантомас, посмотрев на хозяина, тоже хотел кивнуть, но тоже передумал и сдвинул брови. И зарычал так, как будто перекатывал в пасти морскую гальку.

— Так... — угрожающе процедил Борис не вставая.

Женька и Мошкины, внутренне содрогаясь от «дела рук своих», заискивающе глядели на него.

— За это... — сказал Борис, подумав, — рабы отнесут меня в море. «Рабы» подхватили его и, спотыкаясь, внесли в море. Он посидел немного у берега, пошевелил в воде пальцами ног и заявил:

— А теперь я хочу... яичницу из-под курки.

Хихикало опять захихикал. А Молчун и пес опять кивнули.

Мошкиных и Женьку как ветром сдуло. Попробуй, не выполни Борькин приказ! И так жизни нет, а тогда и подавно не будет!!! Не первый случай, знали, что делать. Наскребли восемнадцать копеек — и в магазин. Купили два яйца — и к Женьке. Тетя Клава держала в сарайчике трех кур. Но разве у нее допросишься?.. И без спроса яйца не заберешь, они считанные. Тетя хорошо знает, сколько куры за день несут.

Поэтому Женька, взяв в сарайчике два яйца, положил на их место покупные, из магазина.

Трещит у моря маленький костерчик. Аппетитно шипит на листке жести яичница-глазунья. Борис снимает щепочкой пробу. Фантомас глотает слюну.

— Соль! — коротко произносит Борис. Мошкины и Женька срываются с места.

— И квасу! Только похолодней! С изюмом! — кричит Борис вдогонку.

А потом... А потом тетя Клава спокойно забрала у Женьки солонку и жбан с квасом, спокойно поставила все на крыльцо и дала любимому племяннику такого шлепка, что он невольно вынесся на улицу, где его беспокойно поджидали братья Мошкины.

После этого случая Борис вообще на Женьку взъелся. Наверно, потому, что пришлось съесть несоленую яичницу. Да еще без кваса с изюмом.

Вечером тетя Клава попыталась подольститься к племяннику, в таких случаях она почему-то называла себя бабушкой:

— Ну, ты чего? Обиделся на бабушку? Я тебе сейчас яишенку сготовлю.

Она вошла в сарай. Вышла. На ладони у нее лежали два яйца. Она ошеломленно взирала на них. На яйцах был штамп: «Made in Poland». Это означало: «Сделано в Польше».

Или другой случай, совсем недавний, позавчера. Сидел восьмилетний Женькин сосед Кеша на причале с удочкой. А Борька, Молчун, Хихикало и пес Фантомас подкрались к нему.

— Голос, — шепнул Борис на ухо Фантомасу.

Пес оглушительно рявкнул, и Кеша от испуга полетел в воду вместе с удочкой. Он отчаянно забарахтался, беззвучно разевая рот. Борис мгновенно прыгнул и вытащил его на берег.

— Я тебя спас, — гордо заявил он испуганному Кеше. — Мне медаль не нужна. И, если тебя спросят, кто тебя спас, скажи: «Неизвестный». А половину всей рыбы, какую поймаешь, мне теперь приноси. Ты мне жизнью обязан!

— С-спасибо, — растерянно пробормотал Кеша. — Я — ладно.

— Ловись, рыбка, большая и маленькая, — ласково пожелал ему удачи Борис и направился к дружкам, которые, ухмыляясь, стояли у причала.

Рядом прыгали через веревочку девочки.

— Ну-ка... — строго сказал Борис. Хихикало и Молчун вырвали у девочек «прыгалку» и растянули ее поперек причала.

— Олимпийские соревнования по «прыг-скоку» торжественно считаю, — Борис достал из кармана перочинный ножик и перерезал веревку,— открытыми! ,

Девочки заплакали. Фантомас зарычал, и они умолкли.

Компания продолжала свой путь. А на их пути кипела работа: братья-близнецы Мошкины возводили «Эйфе-леву башню» из палочек и мокрого песка.

— Развалится... Вот-вот, — переживал их единственный зритель Женька.

— У меня не развалится, — в один голос самоуверенно ответили братья Мошкины. — Я умею.

Они настолько увлеклись, что не заметили, как к ним подошла Борькина компания. Борис выставил ногу вперед и подмигнул Молчуну. Молчун кивнул и подмигнул псу Фантомасу. Фантомас кивнул и оглушительно гавкнул за Женькиной спиной. Женька отшатнулся, споткнулся о подставленную Борисом ногу и рухнул на башню, похоронив ее под собой.

— Какую башню разрушили! — захныкали братья Мошкины.

— Башня Крылова! Подумаешь! — захохотал Борис, отвесив каждому по щелчку.

Хихикало захихикал. Молчун кивнул. А пес Фантомас улыбнулся своей глупой собачьей улыбкой.

Ночью Женьке приснился сон, похожий на правду. А на правду он был похож потому, что был у Женьки в Москве старший двоюродный брат Мишка. И даже не Мишка. А дядя Миша! Миша — сын родного дяди отца, значит, Миша тоже, наверное, дядя?! Сколько ему было лет, Женька точно не знал, но знал, что много! Может, четырнадцать а может, пятнадцать. Его каждый год приглашают к ним на море в гости, а он все никак собраться не может. То у него спортивные соревнования, то родители не отпускают. Так что Женькина мама уже просто по привычке в письмах спрашивала: «Когда же к нам на море Миша приедет?»... И этим летом его приглашала, да пока ответа не было. И вот снится Женьке, что—представьте себе!—этот дядя Миша наконец приезжает к нему. А ведь дядя Миша — не кто-нибудь, а известный спортсмен-яхтсмен! Была даже такая фотография в журнале «Пионер»: дядя Миша на швертботе класса «Оптимист» штурмует волны Московского моря. Он гордо натягивает шкоты, и каждый кулак у него на снимке чуть меньше большого арбуза.

«Мой двоюродный дядька приезжает! — кричит Женька во сне хулиганам. — Из Москвы! Сегодня! Всем влетит! И тебе, и тебе, и тебе!— перечисляет Женька обидчиков. — Тебе тоже достанется, бесхвостый!»— грозит Женька и псу Фантомасу...

Стоит возле разрушенной песчаной башни Борькина компания.

Ву-у-у—взвывает ветер, почти что вихрь, почти что смерч, почти что самум, унося с собою Фантомаса.

Перед задрожавшей от страха Борькиной компанией, скрестив на груди могучие руки, появляется детина — дядя Миша — в пионерской панаме, коротких штанах и кедах. А плечи у него шириной с футбольные ворота. Детина, шагнув вперед, спотыкается о громадный валун. В ярости он поднимает его и швыряет в море, валун падает где-то в территориальных водах Турции.

Затем дядя Миша, широко растопырив пальцы, опирается одной рукой на затылки Молчуна и Хихикало, другой — на голову Бориса и легко выжимает гимнастический угол. Компания хулиганов тут же уходит по грудь в песок.

Борис, Молчун и Хихикало дергаются, не в силах высвободиться, и жалобно смотрят детине вслед, который невозмутимо уходит прочь со словами: «Сделал дело, гуляй смело!»

...Женька проснулся. Тетя Клава трясла его за плечо:

— К тебе Миша прилетает из Москвы, — затараторила она. — Завтра вечером встречаем. Вместе отдыхать будете, слава богу. Он за тобой последит.

Как говорится, сон в руку!

— Плакать завтра будут! — обрадовано вскричал Женька.

«Я на тебя надеялся...»

Борькина компания, как всегда, играла в домино, а пес Фантомас отчаянно зевал от скуки.

Женька, размахивая прошлогодним заветным журналом «Пионер», как флагом победы, торжественно выпалил издали:

— Эй вы! Все! Завтра вечером мой дядька прилетает из Москвы!— Он раскрыл журнал на нужной странице и показал фотографию.— Вот он дяденька, вот он! Он вам даст!

Борис, Молчун, Хихикало и Фантомас встали.

— И тебе, Борька, даст! И тебе, Молчун, шею намылит, и тебе, Хихикало! — ликовал Женька. — И тебе, Фантомас бесхвостый!..

— Покажи дяденьку своего поближе, не бойся! — вкрадчиво сказал Борис.

— Я ему все расскажу, все! — кричал Женька, опрометчиво не замечая, что Молчун и Хихикало проскользнули в Борькин двор. А ведь из этого двора легко проникнуть в соседний и выйти за Женькиной спиной, отрезав всякую попытку к бегству.

— Все расскажу, все! — праздничным голосом орал Женька. Борис сделал шаг к нему, Женька попятился и, как заводной, пробормотал:

— Все расскажу... — но уже не так уверенно, как раньше.

— Ну, покажи своего дядьку, Енохин, — успокаивающе улыбнулся Борис.

И в этот момент коварные Молчун и Хихикало, выскочив из ворот соседнего двора, мертвой хваткой вцепились в журнал.

Женька помчался прочь с обложкой в руке, оборачиваясь и голося:

— Плакать!.. Плакать будете завтра!.. И послезавтра плакать!..

Молчун и Хихикало почтительно поднесли журнал Борису. Он взглянул на фотографию детины, сжимающего шкоты в «арбузных» кулаках, и, запинаясь, прочитал подпись:

— Чемпион Москвы.... в классе швертботов «Оптимист»... Михаил... Енохин...

Не отрывая взгляда от кулачищ на снимке, Хихикало сдавленно произнес:

— Все сходится — Енохин.

— Во сколько прилетает московский? — озабоченно спросил Борис.

— А-а... — отрешенно сказал Хихикало, — когда б ни прилетел, все равно нам конец. А он нас не утопит? — испуганно спросил он Молчуна.— Утопит?

Молчун мрачно кивнул. И собака кивнула.

Весь день они перебирали возможные варианты страшной мести Женькиного дядьки.

— А он додумается еще и так сделать, — ужасался Борис, — схватит кобеля за хвост и так им нас отхлещет — будьте здоровы!

— Это что... — бубнил Хихикало, — как двинет каждому по сопатке, нос будет, как резиновый, без хряща!

А Молчун кивал.

Вечером на следующий день, за час до прихода в город автобуса из аэропорта, компания Борьки спряталась за спинкой скамейки. Здесь их никто не мог заметить. Зато через щели можно было спокойно следить за автобусной остановкой.

Они настолько ошалели от страха, что, когда пришел нужный автобус и первым из него вышел здоровенный негр, Хихикало толкнул Бориса локтем в бок:

— Он???

Борис неуверенно ответил:

— Слабо похож.

Потом вышли Женька с теткой. За ними повалил поток приезжих.

— Что-то я его не вижу, — успокоился Борис. — Женьку вижу, а дядьки нету.

— Ждите здесь, я кефиру куплю, — сказала тетя Клава. И заспешила в молочный магазин.

Женька уныло смотрел, как великан-негр поднимает свой здоровенный чемодан, похожий на средневековый сундук с сокровищами. За чемоданом стоял старший дядя Миша. Дядя, дядя... А еще старший... Мишка-Мишунчик, а не Михайло Потапыч.

Компания изумленно воззрилась на Михаила.

— Мужичок с ноготок, — хмыкнул Борька. Хихикало захихикал, Молчун кивнул,

— И лицо настырное, — продолжал Борис.

— Значит, трус, — определил Хихикало. — Я тоже всегда настырничаю, если трушу. Трус — кто же еще?!

— Маменькин сынок, — насмешливо заметил Борис. — Глянь-глянь, на проборчик причесан и брючки наглажены, как в театр! Хы-гы...

— А ты на Женьку глянь, — хохотнул Хихикало. — Конец света!

На Женьку было жалко смотреть. Еще в аэропорту он так расстроился, что всю дорогу до города не разговаривал с Михаилом. А тут не выдержал.

— На фотографии ты больше был, — протянул Женька, — помнишь, какие кулаки!

— Перспектива, — коротко ответил Михаил, с любопытством глазея по сторонам.

— Чего?

— Ты вот сейчас вблизи, — охотно разъяснил Михаил. — Если тебя отсюда сфотографировать, ты выше фонаря на снимке выйдешь...

— Тебе точно тринадцать? — с сомнением спросил Женька.

— Двенадцать с половиной, — с сожалением ответил Михаил.— А что?

— Маленький ты какой-то,—недоверчиво заметил Женька. — Я на тебя надеялся, а ты маленький. Подвел...

— Ну, чего ты такой скучный? Ты что, меня боишься?

— Нет, — печально промолвил Женька и повторил: — Маленький ты какой-то...

— Наполеон тоже маленький был, — отпарировал Мишка.

— Так то Наполеон, — безысходно произнес Женька.

Лавируя в толпе, Борькина компания, усмехаясь, подошла к Мишке и Женьке.

Женька замер.

— У меня есть старший брат, он ходит утром в детский сад, — громко сказал Борис, пренебрежительно окинув Михаила взглядом с ног до головы. Хихикало захихикал. Молчун кивнул.

Женька попятился. Михаил тоже невольно отступил и неожиданно отчеканил:

— Рот до ушей и губы в масле. С таким умом ходил бы в ясли.

Хихикало закудахтал. Борис взглянул на него, и тот беззвучно задвигал ртом, сдерживая смех.

Борис поставил на скамейку ногу и развязал длинный шнурок башмака. Молчун и Хихикало сделали то же самое, хотя еще и не понимали, в чем тут дело. Но они привыкли во всем подражать своему вожаку.

— Шнурочки нам завяжи. Бантиком, — подчеркнул Борис. Переглянувшись, Хихикало и Молчун схватили Михаила за плечи и согнули его к башмакам, поставленным рядом.

— Давай-давай, завязывай, — хихикнул Хихикало. — Все три башмака.

А Молчун кивнул три раза.

Михаил послушно начал завязывать шнурки. Женька, окаменев, смотрел на Бориса, как лягушка на питона.

— Журнальчик посмотрим, — веселился Борис, доставая из-за пазухи заветный журнал с фотографией Михаила. — Похож... Похож дядя.

Тетя Клава вышла из магазина с авоськой, наполненной бутылками кефира.

— Мальчики! — зычно позвала она, оглядываясь по сторонам.

— Тетя Клава! — завопил Женька.

Борис, Молчун и Хихикало рванулись в сторону и разом шлепнулись наземь. Они отчаянно брыкались ногами, не в силах освободиться друг от друга — Михаил связал вместе шнурки их трех башмаков.

— Ку-ку! — сказал Михаил, взял свой чемоданчик и зашагал вслед за Женькой к тете Клаве.

Борис, Молчун и Хихикало сидели у мусорной урны и угрюмо развязывали шнурки.

— Морской узел. Мертвый, — пожаловался Хихикало. — Жалко, Фантомаса не взяли. Я зубами не дотянусь, а он бы запросто...

Борис молча вынул из кармана платок и завязал узелок, глядя вслед уходящему Михаилу:

— Не забуду.

«Напавтал»

Женькина комната находилась на чердаке. Крыша дома была высокая, вот и сделали когда-то из чердака комнату.

— Мансарда — по-научному, — заявил Женька, когда они втаскивали наверх раскладушку для Михаила.

Жилье Михаилу понравилось: косые стены, как в шалаше/ круглое окно, похожее на иллюминатор, а к маленькому балкончику, напоминающему капитанский мостик, ведет со двора узкая лестница с поручнями из канатов, которую он сразу же окрестил штормтрапом.

Отсюда, сверху, был виден порт с огнями больших кораблей. Их многоярусные огни отражались в воде, и поэтому корабли казались издали небоскребами. Ветер надувал занавески, слышалось неумолчное бормотание моря. Проезжали по улице машины, выхватывая светом фар в раскрытом чемодане Михаила книжки, книжицы и брошюрки: «Оснащение парусников», «Словарь морских терминов», «Как построить шлюпку», «Таинственный остров» Жюля Верна, а еще — компас, сигнальные флажки, морской флаг и подзорную трубу с позеленевшими от времени медными коленцами. Женька зачарованно смотрел на все эти богатства. А Михаил при свете карманного фонарика расстилал на полу

географическую карту.

— Может, лампу зажечь? — шепотом сказал Женька. В темноте, и даже в полумраке, почему-то всегда невольно понижаешь голос.

— Не надо. Так интересней, — не поднимая головы, ответил Михаил тоже шепотом. И показал Женьке на загадочную ломаную линию, проложенную красным карандашом на карте. — Значит... Из Черного моря через Керченский пролив выходим в Азовское... Пересекаем...— он показывал путь карандашом. — Далее — Дон... Волго-Донской канал... Волга... Саратов... Куйбышев... Ульяновск... Казань... Горький... Ярославль...

Женька зачарованно смотрел и слушал.

— ...Минуем Рыбинское водохранилище... И по Волго-Балтийскому каналу попадаем в Онежское озеро... Затем по реке Свирь—в Ладожское озеро... Теперь по Неве мимо Ленинграда — в Финский залив... А потом — Копорская губа... Нарвский залив... И в Таллине!

— Клуб кинопутешествий! Разрази меня атом! — восторженно сказал Женька, развитый не по годам при помощи телевизора. Он не пропускал почти ни одной интересной передачи, почти ни одного фильма. И, наверное, именно поэтому подчас вворачивал «словечки», казалось бы, не свойственные его возрасту. Но ведь как-никак, а конец XX века уже не за горами. «Атомные» дети!..

— Не клуб и не кино, а наше настоящее путешествие, — строго заметил в ответ Михаил. — В Таллин.

— В Таллин? Наше?! — ахнул Женька и лег на пол рядом с Михаилом.— Там в 1980 году на Олимпиаду со всего мира яхты соберутся! Вот бы поглядеть — не по телевизору!

— А ты думаешь, зачем я сюда приехал, а? Зачем тебе водный путь на карте в Таллин показывал?

— Зачем-зачем... Я думал, просто так... Интересно ж все-таки...

— Еще бы... Но не все-таки, — усмехнулся Михаил. — Строим парусную шлюпку, тренируемся, у нас два лета впереди, и... двинем в Таллин. Представляешь? — мечтательно произнес он. — Отовсюду приедут или прилетят парусную регату смотреть. А мы — приплывем!

— Через всю страну? — с сомнением сказал Женька, взглянув на карту.

— Это еще только начало, — отмахнулся Михаил. — Проба сил... А затем мы, может, и в кругосветку махнем!

Женька представил себе, как они с Михаилом под парусом штурмуют бурный океан, как сверкают в небе молнии, как полосует их ливень... А шлюпка идет точно по компасу. Женька — за рулем. «Какой курс, капитан?» — громогласно кричит он Михаилу, перекрывая грохот бури. «Зюйд-вест! — кричит Михаил. — Так держать!» — «Есть так держать!» — кричит Женька, зажав в зубах короткую матросскую трубочку. «Мыс Горн! — кричит Михаил. — Бери круче к подветренной стороне». — «Есть, капитан!» — кричит Женька. Стихает буря... Коварный мыс Горн остается позади... Шлюпка скользит по спокойной морской глади. Проплывающий мимо китобойный корабль дает в их честь салют из китобойной пушки. «Друзья-болгары», — говорит Михаил, опустив подзорную трубу. Все дальше и дальше мчится шлюпка, а под ней... вращается земной шар.

— Но это когда еще... А пока вот, гляди! — раздался голос Михаила, и Женька очнулся.

Михаил положил перед ним большущий альбом, на обложке было написано крупными красивыми буквами: «НАПАВТАЛ».

— На-па-втал, — прочитал Женька. — А что это такое?

— Кодовое название. Шифр. На парусах в Таллин! — гордо разъяснил Михаил.

— Миш... — поерзал Женька, продолжая сомневаться. — А мы плавание выдержим?

— Люди океаны переплывали — выдерживали. А мы у себя дома и подавно должны выдержать!.. Французский доктор Бомбар выдержал, английский старик Чичестер выдержал, ему английская королева медаль дала! — горячо говорил Мишка, листая альбом и показывая фотоснимки знаменитых мореплавателей. — Тур Хейердал на «Ра» плавал с Сенкевичем! Александр Роуд тоже выдержал! А наши на лодке «Щелья»! Или вот капитан Эмилия!

— Эмилия? — изумился Женька. — Капитан?

— Ну, знаменитая бабушка! Семидесятилетняя старушка! Она из Англии в австралийский порт Дарвин приплыла! Одна!

— Вплавь? — вытаращил глаза Женька. — Брассом или кролем?

— На яхте, дурень, — благодушно сказал Михаил. — Смотри, сколько проплыла! — и Михаил на глазок провел карандашом по карте линию от Лондона до порта Дарвин, показывая путь бабушки Эмилии.

Женька, растопырив пальцы циркулем, измерил пройденное ею расстояние. Потом замерил на карте путь, намеченный Михаилом: им предстояло пройти больше.

— Э-э... — протянул Женька. — А нам вон сколько! — он широко развел руки. — А хотя... — он задумался, — мы ведь можем в любой день домой повернуть. Плывем, сколько сможем, да?

Михаил сожалеюще посмотрел на него.

— Ты что волнуешься?! Каких-то тысячи четыре километров, самое большее! Если хотя бы по сто километров в день плыть, то дней за сорок доплывем.

— Сто — в день?! — вновь засомневался Женька.

— Десять часов по десять километров в час — вот тебе и сто! Даже мало, — разъяснял Михаил. — Ну, бывает непредвиденное. Бывает... Набрасываем еще дней двадцать... Уж за месяца-то два доплывем!.. Взрослые не на такие расстояния плавали! Без воды, без пищи! И доказали, что можно! Мальчишки — еще нет! Вот мы и докажем! Всему миру!

— Без воды, без пищи? — испугался Женька.

— То-то и оно, с водой и с пищей, — поскучнел Михаил. — Ну, да еще все впереди! — взбодрился он. — Через несколько лет, я же тебе говорил, вокруг света махнем, когда после плавания в Таллин опыта поднаберемся!

— Вот мой отец через два года ахнет, когда вдруг вернется из плавания и узнает, что я в плавание ушел! — рассмеялся Женька.— А я смогу парусом управлять?

— Сможешь. Научу... Я уже три года в нашем яхт-клубе на швертботе хожу. Опыта не занимать, — солидно сказал Михаил.

Они мечтали и спорили и не подозревали о том, что в этот момент злопамятная компания

Бориса готовила страшную месть.

Борис, Молчун и Хихикало тайно проникли к ним во двор. Тетя Клава очень боялась пожаров, и поэтому у крыльца на стене вот уже вечность висел огнетушитель внушительных размеров. Борис и Хихикало бережно сняли его, а Молчун влез на дерево, раскинувшее свои ветви прямо над домом, и перебрался оттуда на крышу. Затем он спустил приятелям веревку, и они привязали к ней огнетушитель. Молчун, удобно усевшись на самом краю крыши, подтянул к себе огнетушитель и стал осторожно опускать его на подоконник Женькиного окна таким образом, чтобы, ударившись бойком, огнетушитель выпалил прямо в комнату.

Злорадно улыбаясь, Борис и Хихикало стояли у дома и смотрели на тени «врагов», мелькавшие в открытом окне.

Молчун ударил бойком о подоконник, огнетушитель взревел, но тут перекрутилась веревка, и струя ударила не в комнату, а вниз, на Бориса и Хихикало.

Раздались истошные вопли! Послышались грохот упавшего огнетушителя и торопливые шаги Молчуна по крыше!

Высунувшись из окна, Михаил и Женька с изумлением смотрели на удиравшие прочь «взмыленные» фигуры:

— Они!.. — ужаснувшись, догадался Женька.— Я с тобой куда хочешь согласен плыть... лишь бы от Борьки подальше.

А Михаил вдруг захохотал, хватаясь за живот.

— Ой, помру-у!!! — завывал он от смеха. На крыльцо выскочила перепуганная тетя Клава.

— Пожар? — она недоуменно уставилась на огнетушитель, все еще изрыгавший пену. — Ну надо же... с гвоздя сорвался!

Внезапно затрещало дерево, Молчун с обломившейся веткой рухнул на кусты роз и унесся за ограду. Тетя Клава так и села на крыльцо:

— Видали? Обезьяна.

— Ой, не могу! Держите меня! — стонали в окне Михаил и Женька, заходясь от хохота. — Обезьяна! Целых три! Ха-ха-ха-а!

— А вы не смейтесь, — обиделась тетя Клава. — Слепые? Как сиганула! Их, знаете, сколько в Крыму развелось! И в газете писали! Они к нам из Сухумского питомника кочуют. Человекообразные шимпанзе! Заметили — очень на человека была похожа!

И побежала к соседке рассказывать про обезьяну.

«Никуда мы не поплывем!»

Рано утром, когда зычные молочницы пронзительно кричали всему городу «Молоко-о!», Михаил и Женька отправились на море.

— Солнцем не увлекаться, — предупредила тетя Клава. — Особенно ты, Михаил. Сгоришь! Ясно?

— Ладно, — откликнулся он уже за воротами.

— Обедать в два, не опаздывайте! — тетя Клава сокрушенно принялась наводить порядок в изломанном «обезьяной» розарии.

Велико же было ее удивление, когда на шипах роз и обломках веток она обнаружила загадочные лоскутья! Если бы у нее была возможность приложить их к дырам штанов и рубахи Молчуна, то она... неизвестно что сделала бы с ним за свои любимые розы!

А Михаил с Женькой шли к морю, оно неправдоподобно возвышалось высоко над домами, отделенное от неба тонкой ниткой горизонта. И казалось, что если эту ниточку вдруг перережет своим килем какой-нибудь пароходик, море и небо сольются.

— Я тут деньги привез,— рассказывал Михаил Женьке,— на школьных завтраках за год сэкономил, старался поменьше есть... Десять рублей.

— Ого! — поразился Женька.

— Мало, — огорчался Михаил, — на четверть паруса. А уж на шлюпку и подавно не хватит. Знаешь, на нее сколько материалов уйдет?!

— Много, — подтвердил Женька. — Несколько тысяч.

— Чего несколько тысяч? — удивился Михаил. — Рублей?

— Не-а, материалов, — невозмутимо ответил Женька.

— Чудак ты, — засмеялся Михаил и вновь посерьезнел: — Хорошо б старую шлюпку найти и починить. У тебя ничего на примете нет?

— Есть! — с жаром сказал Женька. — На брошенной пристани их навалом! Там всякие, — затараторил он, — и маленькие, и большие, и шаланды рыбацкие, и ялики, и баркасы, и плоскодонки.

— Живем! — обрадовано воскликнул Михаил.

Женька покосился на подзорную трубу, торчащую из Мишкиного кармана, и попросил:

— Дай посмотреть, а? Ты не думай, я не просто так. Я хочу на старую пристань посмотреть: дежурит сегодня сторож или нет.

— Сторож, — огорчился Михаил, — кто ж нам шлюпку отдаст, если сторож. Раз их караулят, значит, они нужны.

— Попросим, — убеждал его Женька. — Купим ему поллитра, он и отдаст.

Михаил даже вздрогнул:

— У тебя сумасшедших в роду не было?

— Не было, — с достоинством сказал Женька. — А-а, это ты про поллитра. Я ж в «Крокодиле» сколько раз на картинках сторожей видел. Они все пьяницы с красными носами, а в кармане бутылка. Сторожа без бутылки никогда не рисуют! Ему нарочно ее дают разные жулики, чтобы он не увидел, как они склад грабят!

— Но мы же не жулики и не грабители, — возмущался Михаил. Женька озадачился и грустно сказал:

— Правда...

— Выпросим, — теперь уже Михаил начал его успокаивать.— А рыбаки, может быть, нам парус дадут, рваный какой-нибудь, ненужный.

— А мы починим! — подхватил Женька. — Не маленькие!

Они свернули за угол, и вдруг Женька остановился, испуганно вытаращив глаза.

— Никуда мы не поплывем! — в отчаянии вырвалось у него. Прямо перед ними, поперек дороги, зловеще стояла Борькина компания. Михаил и Женька заворожено смотрели, как Борис, ухмыляясь, медленно вытягивает из кармана платок с «памятным» узелком.

— Сказал: не забуду, — процедил он, размеренно похлопывая узелком по ладони.

— Мишка, беги! — вскричал Женька и помчался прочь что есть духу. Он петлял из переулка в переулок, проносился через чужие дворы, распугивая кричащих кур, перелезал через заборы, нырял в какие-то ворота, подворотни, и ему все время казалось, что за ним раздавался топот погони.

Когда Женька, обессилев, остановился и оглянулся назад, никаких преследователей не было вовсе. И он никак не мог понять, почудилось ему или на самом деле за ним гнались и отстали.

Женька поплелся назад, к дому. Чем ближе он подходил к дому, тем больше казнили его заячью душу безжалостные мысли: «Струсил! Бросил Мишку одного! Мишка, наверное и убежать-то не знал куда, потому что города не знает! Нет, спишет теперь его Мишка на берег!» Выйдя на свою улицу, Женька увидел Михаила. Старший «дядя» медленно поднимался к дому, и спина у него выглядела такой унылой, что Женька чуть не всхлипнул.

Он побежал за Михаилом и, нагнав, пробурчал:

— Я ведь говорил, не пропустят...

Михаил молча шагал, не оборачиваясь к семенящему позади Женьке. А тот жалобно оправдывался:

— От Борьки никуда не скроешься, и лодки у нас не будет никакой — сломают. Они никому проходу не дают: и Кольке лысому, и Кеше рыболову, и Вовочке, и Петюне большому! А девчонок не сосчитать!

— Сколько всех? — все так же не оборачиваясь, спросил Михаил.

— Сейчас сосчитаю! — Женька, нахмурив лоб, начал сосредоточенно загибать пальцы и беззвучно шевелить губами. — Вместе со мной... Двадцать семь! — наконец сосчитал он.

Михаил обернулся:

— Двадцать восемь.

Под глазом у него красовался синяк.

«Психическая атака»

Если бы вы знали, сколько надо затратить времени и энергии, чтобы собрать всех обиженных и оскорбленных — двадцать семь мальчишек и девчонок. Полдня собирали! С ног валились от усталости! А сколько надо терпения, чтобы уговорить всех, как одного, выступить против компании Бориса?.. Полдня уговаривали! Языки во рту не помещались, так распухли!

— У них собака агромадная! — твердил Кеша-рыболов.

— Да не натравят они на людей! Кому в тюрьму охота? — хрипло доказывал Михаил.

— А у Борьки кулаки какие!.. — в один голос тянули братья Мошкины. — Как стукнет меня!

— Да у нас-то, посчитайте, сколько кулаков! Пятьдесят восемь с Женькиными против шести! На пятьдесят два кулака больше! — убеждал Михаил.

Это подействовало. Посчитали кулаки, и, правда, выходило на пятьдесят два больше!

— Веди! — закричал Кеша-рыболов, свирепо подняв над головой длинную удочку.

— Вперед, за мной! — завопил маленький пузатый мальчик, привстав на педалях трехколесного велосипеда и размахивая деревянной саблей.

Толпа мальчишек и девчонок, словно девятый вал, неслась по улице к морю, вбирая в себя на пути все новых и новых, не охваченных Женькиными подсчетами ребят, прослышавших о великом наступлении.

— У них сила, потому что они всегда втроем! — возбужденно говорил Михаил своей «армии». — А нас вон сколько!

— Не посмеют теперь нас лупить по одному! — ликовал Женька.

«Армия» свернула за угол и замедлила ход, увидев компанию Бориса, которая, как обычно, сражалась в «козла» на лавочке возле железных ворот.

— Уря-я! — пузатый мальчик на велосипеде, оказавшийся впереди всех, резко затормозил и обернулся, призывно взмахнув своею саблей.— Уря-уря-я!

Передние ряды остановились, но задние напирали, и толпа неуклонно надвигалась на лавочку.

— Ну? — многозначительно сказал Михаил хулиганам. А те, рассеянно посмотрев на толпу, снова склонились над костяшками.

— Рыба! — Борис оглушительно хлопнул костяшкой по лавочке. Вся толпа, кроме Михаила, вздрогнула.

— Мама... — пискнула какая-то девочка, уронив куклу.

— В порошок сотрем! — одиноко выкрикнул Женька из самой гущи «наступающих».

Борис встал.

— Считаю до трех, — лениво произнес он и гаркнул: — Рраз!!!

В толпе кто-то нервно вскрикнул, и все мгновенно повернули назад. Толпа с визгом бросилась в бегство.

Напрасно Михаил кричал, пытаясь остановить бегущих:

— Не бойтесь! Нас же много!

Вся его «армия» спешила поскорей унести ноги, причем пузатый мальчик опять катил впереди на своем велосипеде. И может, потому, что ехал он быстро, все невольно равнялись на него.

«Поле боя» было усеяно брошенными в панике пластмассовыми винтовками, автоматами, пулеметами «Максим» на больших колесах и «боевыми» ракетами с резиновыми присосками.

Михаил вновь остался один, даже Женька его вновь покинул. Борис, хохотнув, вырвал у Михаила подзорную трубу и сказал:

— Иди гуляй, пока я добрый. — И добавил: — Паганель, — обидно намекая на Мишкин рост. Ведь, как известно, жюльверновский ученый Паганель был очень длинным.

Михаил храбро попытался вернуть трубу. Но Молчун и Хихикало, схватив его за плечи, так дружно толкнули его, что он невольно пробежался несколько метров, пока его не остановили гулкие железные ворота.

Компания спокойненько проследовала во двор Молчуна. Калитка захлопнулась, звякнул крючок.

Михаил перелез через забор.

Женька, наблюдавший издали, из-за дерева, увидел, как открылась калитка и Михаила вытолкнули. Он опять перелез. Опять открылась калитка, снова показался Михаил, вцепившийся в подзорную трубу. Невидимый Женьке противник тянул ее к себе, а Михаил—к себе. Она раздвинулась во всю длину — крак! — и Михаил шлепнулся наземь. Трубу разорвали пополам.

Михаил снова полез на забор. К нему с грозным рыком кинулся выпущенный из дома пес Фантомас. Михаил поспешно спрыгнул на улицу. Теперь и ему пришлось отступить.

Он вновь побрел домой, и вновь спина у него имела такой унылый вид, что Женька вновь чуть не всхлипнул, вновь догнал Мишку и вновь заныл:

— Они нас теперь каждый день лупить будут! И вместе, и по одному!

«Нитроглицерин»

Стемнело. Дальний шум моря сразу приблизился. На веранде зажгли лампочку, вокруг нее хороводом засновали ослепленные мотыльки, жучки и мошкара.

Михаил сидел на раскладушке с толстенной книгой «Таинственный остров», но мысли его были где-то далеко. Строчки расплывались перед глазами. И только одна четко выступала на странице: «Что же делать?» — сказал матрос».

— Что же делать? — тихо сказал Михаил. Женька заворочался на кровати и глухо сказал:

— Миш, я трус?

— Ты? Трус. И я трус. Ты Борьки испугался, а я собаки.

— Нет, я не трус, — засопел Женька. — Я просто его боюсь. Внезапно Михаил с интересом уткнулся в книгу.

— «Чтобы получить... — громко читал он, — серную кислоту, инженеру осталось произвести еще только одну операцию». — Он лихорадочно перевернул страницу. — Так... «Сайрес Смит принес товарищам сосуд с жидкостью и кратко сказал: «Вот вам нитроглицерин!» Действительно, это был нитроглицерин — ужасное вещество, обладающее в десять раз большей взрывчатой силой, чем порох, и причинившее уже так много несчастий».

Михаил поднял голову, глаза у него блестели. Женька прошлепал босиком к нему и с любопытством посмотрел на рисунок в книге, изображавший чудовищный взрыв.

— Вот это да! — восхитился Женька.

— Погоди, — отмахнулся Михаил, осененный какой-то идеей, и снова склонился над книгой. — Так... «Составление смеси Сайрес Смит произвел один». Так... «Серный колчедан, пирит, азотная кислота, глицерин и вода пресная»... И вода пресная, — задумчиво повторил Михаил.— Есть рецепт! Жень, погляди, тетя Клава легла спать?

— Сейчас, — Женька подбежал к окну и выглянул. — Света на веранде нет.

— Одевайся, — вскочил Михаил. — Айда!

— Куда?

— Потом узнаешь, — Михаил торопливо просунул ноги в брюки. Ребята потихоньку спустились по лестнице, такой скрипучей в этот поздний вечер. Днем она почему-то не скрипела. На цыпочках пересекли двор и вышли за калитку. Такую неимоверно скрипучую сейчас. Днем она почему-то не скрипела. Пустынно было на улице. И каждый их крадущийся шаг звучал в темноте. Под ногами скрипели шлак, песок и галька, которые также почему-то не скрипят днем. Они подкрались к железным воротам у дома Молчуна, где обычно собиралась Борькина компания. И эти ворота, оказывается, тоже скрипели. Да еще как! Ветер раскачивал ржавые створки, и они рычали, будто цепные псы.

Женька проскользнул во двор, чувствуя, как мечется в груди сердце, как оно не хочет, чтобы Женька входил во двор. Но в третий-то раз Женька не мог предать Михаила. Даже у неистребимой трусости есть свои пределы. Тем более они такое задумали, такое! Когда Михаил сказал ему по пути о том, что они сделают, Женька аж затрясся.

— Ну чего ты? — послышался свистящий шепот Михаила с улицы.— Быстро!

Михаил нарисовал на воротах мелом кружок, а Женька со двора тихонько постучал согнутым пальцем по воротам.

— Выше, — сказал Михаил. Женька постучал выше.

— Ниже.

Женька постучал ниже.

— Левее, — приказал Михаил.

Женька постучал левее.

— Хорош! — сказал Михаил.

И Женька тоже нарисовал мелом кружок на воротах со двора, точь-в-точь совпадающий с

Мишкиным кружком на улице. Михаил проскользнул во двор. При свете луны были видны валуны, укрепляющие песчаный откос. Таких валунов в каждом дворе — пруд пруди.

— Выбирай подходящий по весу, — сказал Михаил. Женька ухватился за самый большой.

— Не сможешь, — проворчал Мишка и выбрал для него сам, поменьше.

Женька взвесил камень на руках:

— Годится.

Михаил положил камень метрах в трех от ворот.

— Докинешь?

— За-запросто, — заикаясь от волнения, ответил Женька.

— Чур, по моей команде. Как скажу: три! — кидай.

Они вышли на улицу и двинулись домой уже не таясь. Поглядывали друг на друга, подмигивали, посмеивались и заговорщицки прикладывали палец к губам. Мостовая теперь совсем уж не страшно, а как бы задорно, весело и ободрительно поскрипывала под ногами.

Всю ночь Женьке снились взрывы: гранатные, снарядные... И термоядерные!

«Путь свободен!»

Наступило утро, с четкими гранями тени и света во всех дворах, с пробуждающимся шумом дня, с молчанием спокойного моря и криками петухов, вероятно, радующихся тому, что они не попали в суп.

Михаил и Женька шли по улице.

— Думаешь, выйдет? — волновался Женька.

— Еще как грохнет! — уверенно заявлял Михаил.

На пересечении двух проулков они крепко пожали друг другу руки.

— Не забудь, — предупредил Михаил, — считаю до трех. Бей в ту же точку.

— Не промахнусь, — сказал Женька. И они расстались. Женька свернул в правый проулок, Михаил — в левый. Он нарочно помедлил, выжидая, когда Женька, петляя дворами, подберется к тем самым железным воротам, что стояли напротив дома Молчуна.

Возле этих ворот на лавочке, как издавна повелось, уже играли в домино Борис, Молчун и Хихикало. Пес Фантомас лениво лежал на земле, косил глаз на пролетающих мимо мух и для острастки щелкал зубами.

Завидев Мишку, Борис направил на него половинку подзорной трубы и сказал:

— Труба твое дело, — встал и, скорчив зверскую рожу, затопал ногами, так обычно пугают маленьких.

Пес тоже встал и отчаянно зевнул с такой скукой, что проходящий мимо моряк тоже зевнул и

неодобрительно покосился на него.

Михаил решительно подошел к лавочке и сунул руку в карман.

— Понял, — «догадался» Борис, повернулся к своим и, рисуясь, сказал: — Подмазывается. От подзорной трубы хвост принес. То-то! — подмигнул он Михаилу.

Пес снова зевнул, и Борис, подавляя невольный зевок, прикрикнул:

— Фантомас, брысь!

Михаил с величайшей осторожностью достал из кармана пробирку с прозрачной жидкостью и вынул пробку.

— Нитроглицерин, — коротко сообщил он. — Взрывается от сотрясения.

— Ой-ой-ой! — дурашливо запричитал Борис и, попятившись, упал на услужливо подставленные руки Молчуна и Хихикало. — Сейчас от нас яма останется. Ой, Мишенька, пощади, — умолял он, — прости меня, пожалуйста, я больше никогда не буду, Мишенька! Я хороший, Мишенька!

— Отдай трубу, — спокойно сказал Михаил.

— Я добрый, Мишенька! — стонал Борис, входя во вкус. — Прости меня, пожалуйста!

— Отдай трубу, — повторил Михаил.

— Какую трубу? — «недоумевал» Борис, взглядом призывая дружков в свидетели. — Эту? Сейчас, сейчас, сейчас, внимание... Снимаю. Снимочек завтра, за пять рублей. Цветной!

— Спасибо, — сказал Михаил. — Вот теперь понимаю, наконец, выражение «валять Ваньку».

— Какую Ваньку? — растерялся Борис.

— Дурака валять, — пояснил Михаил.

— Я тебя не валял, — нашелся Борис. — А могу.

— Взрывается! — снова поднял Мишка пробирку.

— Ах-ах-ах! Боюсь! Витя, — повернулся к Молчуну хихикающий Хихикало. — Посмотри, я не бледный? А?

Молчун кивнул, раздвинув губы в улыбке.

— Ох, бледный! — захныкал Хихикало. — Что со мною будет?!

Михаил вытащил из пробирки пробку:

— Отдайте трубу. Считаю до трех.

Борис, Молчун и Хихикало, став на колени и раскачиваясь из стороны в сторону, дружно заныли:

— Раз, — сказал Михаил, украдкой взглянув на меловой кружок на воротах. А за воротами стоял Женька, замахнувшись гранитной булыгой. В руках у него был не вчерашний камень, выбранный Михаилом. Женька на всякий случай взял почти вдвое больший, руки у него дрожали от напряжения.

— Два, — сказал Михаил.

— Два с половиной, — захохотал Борис.

— Три! — и Михаил плеснул капельку из пробирки на ворота в намеченный вчера вечером кружок.

Раздался страшный грохот!!! Всех осыпало ржавчиной — это Женька с той стороны метнул тяжеленный камень! Ворота, металлически всхлипнув, рухнули!

Что тут случилось! Борькина компания и пес Фантомас, обгоняя друг друга, вихрем помчались прочь. Перепуганный Михаил, не ожидавший такого эффекта, тоже обратился в бегство. Ноги, словно сами по себе, стремительно понесли его вдогонку за неразлучной троицей и Фантомасом. А Женька, ужаснувшись, мгновенно нырнул в прореху забора.

Михаил, невольно нагнавший Борисову компанию, споткнулся и...

— Держи! — закричал Борис и залег, прикрыв голову руками. Хихикало и Молчун заботливо поддержали Михаила.

Борис встал и начал отряхиваться.

— Хулиган... — ворчал Борис. — У него в кармане этот... глицерин взрывной, а он спотыкается! Нас не жалко, себя пожалей!

— Ты там что-то про трубу говорил, — равнодушно, как бы невзначай «вспомнил» Михаил.

Борис суетливо достал из-за пазухи половинку подзорной трубы, но подходить не стал — кинул издали. Михаил молча поймал, повернулся и зашагал к морю.

Женька нашел Михаила на берегу моря. Волны разбивались у его ног, а он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел вдаль, словно капитан дальнего плавания.

— Ух, упарился. В горле пересохло, — весело сказал Женька. Михаил, улыбнувшись, достал пробирку. Женька открыл ее и осушил залпом.

— Хороша! — он расстегнул рубашку и звонко похлопал себя по пузу. — Вода пресная, колодезная!

А Михаил вытащил из-за пазухи свои сигнальные флажки и что-то ликующе просемафорил пустынному морю.

— Чего? — спросил Женька.

— Путь свободен!

Часть II

ТАК ДЕРЖАТЬ!

«В двух кабельтовых отсюда!»

На старую пристань они проникли без труда, сторожа не было. Пристань пропахла мазутом, трухлявыми досками, ржавым железом и каким-то больничным запахом. Это морские водоросли пахли йодом. Космы их, высушенные солнцем, висели на столбах вдалеке от берега, словно специальные отметки, показывающие границы осенних штормов.

Женька не обманул: кругом в беспорядке валялись старые баркасы, шлюпки и ялы. Среди них, как орел среди ворон, вздымался искореженный торпедный катер, прошитый удивительно ровными дырами очередей из крупнокалиберных пулеметов.

Михаил с уважением воззрился на героический торпедный катер. А Женька, неправильно истолковав его взгляд, тут же деловито сказал:

— На нем?

— На нем... — хмыкнул Михаил.

— А-а, — понимающе кивнул Женька. — Большой... А вот поменьше! — он словно гид шагал впереди своего «дяди», лавируя между лодками, и махал рукой налево и направо. — А вот! А вот! А вон тот! Полным полно!

Но Михаил не останавливался.

— Погляди, какая лодочка! — схватил его за рукав Женька.

— Надо у самого берега искать, а то на воду не спустим, — мудро заметил Михаил.

На берегу моря тоже было множество лодок. Иные совсем рассохлись, отвалилась обшивка, и шпангоуты торчали, словно ребра доисторических рыб.

— Во лодочка! — облюбовал Женька здоровенную шаланду. Михаил снова хмыкнул.

— А эта? — кинулся Женька к небольшому ялу, изъеденному древоточцами так, что он светился, будто марля.

— А эта — корыто — передразнил его Михаил.

— Ну, почему корыто? — недоумевал Женька. — Починим, и будет лодка.

— А ну-ка подожди, — Михаил неожиданно заинтересовался шлюпкой, лежащей на песчаном откосе. Нос шлюпки был задран, в корме стояла темная гнилая вода.

— Хороша! — Женька похлопал по облезлому борту и нахально сказал: — Я ее уже давно заприметил.

Михаил обошел вокруг шлюпки и пнул ее ногой. Толстым слоем отвалилась смола.

Женька печально вздохнул. Михаил забрался внутрь шлюпки и стукнул каблуком по шпангоуту: '

— Крепкая.

Женька заулыбался, Михаил постучал по другим шпангоутам и сказал:

— Годится. Легче эту починить, чем новую построить. А она, правда, списанная?

— Ничейная, — Женька оседлал нос шлюпки и закричал:—Полный вперед!

— Под парусом пойдет! — бормотал Михаил, выстукивая борта.— Но ремонту много... Вдвоем не справиться... Слушай, у тебя ребята надежные есть? Посильней?

— Есть. Сколько хочешь! — заверил Женька.

— Много не надо, — усмехнулся Михаил.—Человек двух. Надежных.

Из-за пирамиды пустых ящиков вышел пожилой человек в промасленной куртке.

— Мы у вас эту шлюпку... — и Женька выпалил: — Заберем... Насовсем... — испуганно добавил он.

— Мы можем заплатить, если недорого,—торопливо сказал Михаил.

— Мы вам тоже заплатим, если вы нас от этой развалюхи избавите.

— А много? — машинально спросил Женька.

— Ну ладно, хватит, — человек был не настроен больше шутить. — Берите. У нас здесь хламу хватает, сожгем и баста. —Он двинулся по проходу между ящиками, считая их и что-то записывая в книжечку.

— Полундра! — радостно сказал Михаил. — Наша!

— Ура! — воскликнул Женька. — А как мы ее заберем? — спросил он.

Михаил ничего не ответил. Они сидели на борту шлюпки и думали... Солнце вспыхивало в изломах ряби. К пристани, взламывая тишину гудком, полз чумазый буксир с красной полосой на трубе.

Михаил внезапно встал, не сводя глаз с буксира:

— А куда отвозить, знаешь?

— Да знаю... Вон туда, на заброшенный пляж, там никто не шляется, мусору много, — вяло ответил Женька.

— Пошли, — твердо сказал Михаил.

...Капитан буксира, осторожно брившийся перед зеркальцем, повернул голову на стук в дверь.

Михаил, чеканя шаг, сделал четкий разворот и, щелкнув каблуками, застыл по стойке «смирно».

— Товарищ капитан, разрешите обратиться?

Капитан покосился на Михаила и хоть удивился, но не подал виду.

— Разрешаю, — коротко сказал он, продолжая бриться.

— У нас к вам пионерская просьба, — звонко начал Михаил,— доставить списанную посудину... — он умолк, подыскивая слова. — Тут недалеко, а не то шлюпку могут сжечь, — подумал и уточнил: — Как хлам.

— Как что? — переспросил капитан.

— Как ненужный хлам, — на всякий случай снова уточнил Михаил.

— Сожгут! — просунул голову сквозь открытый иллюминатор Женька и исчез.

Капитан от неожиданности даже отшатнулся и порезался.

— Да вы не пионеры, а головорезы какие-то! — в сердцах сказал он, заклеивая пластырем царапину. Взглянув на отчаявшегося Михаила, он смягчился: — Мечтаешь стать моряком?

— Мечтаю, товарищ капитан.

— Отец, конечно, моряк?

— Никак нет. Рабочий. Завод имени Лихачева знаете? Потомственный москвич, как и я!

— А мать? — улыбнулся капитан.

— Учительница, товарищ капитан... Сожгут ведь лодку, — жалобно сказал Михаил.

— Сожгут! — снова просунулся в иллюминатор Женька и снова исчез.

Капитан снова отшатнулся, а Михаил яростно погрозил в иллюминатор кулаком, в душе проклиная настырного племянника.

— Вот что, москвич, — сердито заявил капитан, заклеивая вторую царапину на подбородке. — Чему тебя мать-учительница учила? Не приставать к занятым людям! Все!

— Но ведь сожгут... — промямлил Михаил, потеряв всякую надежду.

Дверь приоткрылась...

— Сожгут! — протиснулся в рубку Женька. — Жалко вам, да? Жалко?

— Тьфу ты, черт! — капитан бросил бритву на стол... и вдруг захохотал. — Пристали с ножом... к горлу... — задыхаясь от смеха, сказал он. — Согласен. Мы сейчас уходим на три дня. Вернемся, вывезем вашу посудину. Решено?

— Никак нет, товарищ капитан, — помотал головой Михаил.

— Не решено, — пискнул Женька.

— Что? — удивился капитан такой неблагодарности.

— Необходимо вывезти сегодня, товарищ капитан, — стоял на своем Михаил.

А Женька бубнил как заводной одно только слово:

— Сожгут.

— Да поймите же, — капитан взволнованно заходил по рубке, даже забыв вытереть мыльную пену с лица. — Мы сейчас запасаемся топливом и отчаливаем.

— Я настаиваю, товарищ капитан, — не сдавался Михаил.

— И я, — поддакнул Женька.

— Нам каждый час дорог, — занервничал капитан.

— Нам тоже, товарищ капитан. Другой нам не найти, а шлюпку сжечь могут, — твердил Михаил.

— Сожгут! — опять заголосил Женька.

— Сожгут!!! Сожгут!!! — рявкнул капитан. — С ума сойти! Показывайте, где и куда!

Обрадованные ребята выскочили на палубу.

— Нестерчук, отдать швартовы! — приказал капитан молодому матросу.

Когда шлюпку погрузили на борт буксира, Михаил и Женька сразу забрались в свою «посудину» и сели на среднюю банку, словно боясь, что капитан передумает. Матросы, посмеиваясь, глядели на них.

— Куда? — мрачно пропыхтел капитан, сжимая в зубах трубку. Михаил вскочил:

— Курс зюйд-вест, в двух кабельтовых отсюда!

— На ремонт, — закипел Женька.

— В двух? — улыбнулся капитан Михаилу. — А что такое «кабельтов», знаешь?

— Э... — на мгновение задумался Михаил и лихо отбарабанил: — Десятая часть морской мили, сто восемьдесят пять и две десятые метра.

Капитан поперхнулся дымом и зашагал к рубке. Матросы весело посмотрели на Михаила.

— Дизель? — не без важности спросил Михаил, как только задрожала палуба и за кормой вспенилась вода.

— Он, — ответил матрос Нестерчук и присел рядом.

— Старый? — Михаил прислушался к гулу.

— Старичок, — согласился Нестерчук.

Пристань поплыла назад... Вскоре буксир причалил к пляжу. Взвизгнули тали, подняв шлюпку с палубы. Шлюпка трещала и раскачивалась.

— Осторожней, осторожней... — умолял Михаил.

— А то развалится, — строго предупреждал Женька. — А нам на ней плавать.

Кран мягко опустил злополучную шлюпку на песок между гранитными грядами в самое укромное место, которое показал Михаил, присмотревшись к местности.

Место и впрямь было отличное — на берегу тихой бухточки. Михаил и Женька попрощались с капитаном и матросами за руку.

— Счастливого плавания! — пожелал капитан ребятам.

Буксир отчалил и начал уменьшаться. Михаил, стоя в шлюпке, семафорил флажками, подавая буксиру какие-то сигналы. А Женька, зайдя по колени в воду, махал рубашкой.

— Ты что передаешь? — спросил Женька.

— Счастливого плавания!

— И я тоже, — удивился Женька.

Удаляющийся буксир ответил прощальной сиреной, грустной, как голос одинокой птицы над

пустынным простором.

«Страшная месть»

Ярко светило солнце, и тени были короткие, словно обрубленные хвосты черных собак. Борис, Молчун и Хихикало сидели под необъятным платаном на набережной. Влажный ветер, как бы с каждой новой волной налетающий с моря, шевелил листья, и стаи солнечных зайчиков, мельтеша, пробегали по угрюмым лицам ребят, их обдавало то мимолетным жаром, то прохладой.

— Голыми руками его не возьмешь, — мрачно сказал Борис.

— Не возьмешь, — поддакнул Хихикало.

— Нужны наемники,— рассуждал Борис.— Надо кого-нибудь подговорить, ему накостыляют по шее, враз к себе в Москву удерет.

Молчун кивнул.

Борис с интересом посмотрел на двух мужчин, которые сняли рекламный щит «Лейли и Меджнун» у кинотеатра напротив и водрузили новый — «Фантомас разбушевался».

Со всех сторон к кассам заспешили люди.

— За мной! — воскликнул Борис.

Уж в чем-в чем, а в «наживном» деле голова у Бориса работала!

Компания наскребла один рубль по собственным карманам. Затем несколько раз покупали и перепродавали билеты подороже тем, кто не хочет изнывать в длинной очереди на жаре.

Борька тут не был оригинален, его отец каждый сезон загребал у отдыхающих квартирантов деньги будто лопатой, приговаривая: «Они у них дурные, денежки-то. Цельный год копют, девать некуда!»

Весело гремя в кармане мелочью, Борис важно сказал приятелям, удаляясь от кинотеатра:

— Четыре восемьдесят, как одна копеечка!

— Делить будем? — засиял Хихикало. Молчун широко улыбнулся. — А наемники?! — прищурился Борис. — Забыли?!

— Наемники... — разочарованно протянул Хихикало. Молчун вздохнул.

В приморском скверике сидели и изнывали от скуки два косматых парня в джинсах с кожаными заплатами в виде сердец и треугольников.

Борис нерешительно подошел к ним.

— Ну, чего? — спросил один из парней.

— Тут одному врезать надо, чтобы на всю жизнь запомнил.

— Отзынь! — буркнул парень, что на их «морском» языке означало «отстань».

— Мы вам за это... — Борис полез в карман. Парень скосил глаза на деньги. И сгреб их...

— Пошли,— заторопился Борис. И, подмигнув своим, прошептал:— Я им не все отдал.

Второй парень одобрительно похлопал своего дружка по плечу и, ухмыльнувшись, тоже сказал:

— Пошли.

— Ну, сейчас они Мишке треснут! — захихикал Славка.

— Да не туда, — бросился за уходившими парнями Борис. — А вон туда!

— Отчаливай! — вдруг рявкнули те. — Чего привязался? Компания поспешно отступила.

— Я же вам деньги дал... — заныл Борис. — Верните... или пойдем...

— Ну? — гаркнули парни. — Сейчас как треснем! Они сделали шаг в их сторону, и компания отбежала.

— Деньги верните! — плаксиво закричал издали Борис.

Парни молча показали каждый по огромному кулаку и спокойно зашагали прочь. Компания просеменила за ними, но тут парней внезапно остановил милиционер в белой накрахмаленной фуражке:

— Все шляетесь, бездельники! Смотреть на вас стыдно, город позорите!

Парни опасливо оглянулись на ребят:

— Скоро на работу оформимся, товарищ старшина! Не верите, в ЖЭКе справьтесь!

— Может, скажем милиционеру: деньги у нас отняли! Он нам с ходу поверит! — зашептал Борису Хихикало.

— ...А если кто на нас наговорит, — парни снова оглянулись на компанию и со значением произнесли, — то мы с ними сами поговорим! Век жизни не увидят!

— Айда отсюда, — в сердцах сказал Борис. — Плакали наши денежки.

— Лучше пусть денежки плачут, нежели мы, — мудро заметил Хихикало. — А то потом век жизни не видать!

И компания поплелась в другую сторону.

— Все им отдал? — спросил Хихикало. Борис пересчитал оставшуюся мелочь:

— Пятьдесят... семьдесят... Рубль и одна копейка.

— То ж на то, — простонал Хихикало. — Сколько и было. Четыре восемьдесят, как одна копеечка, — передразнил он Бориса. — Стоило за копейку стараться?!

— Не забуду, — вновь мрачно процедил Борис.

— Парней? — сказал Хихикало.

— Мишку.

Хихикало невесело рассмеялся каким-то козлиным смешком. А Молчун кивнул.

Пионерский патруль

— Слышь, Мишк,— горячо говорил Женька, — мы как проучили Борьку, мне даже купаться идти неохота. Иди, куда хочешь, никто не тронет, а расхотелось. А тебе? — он помолчал, наблюдая, как Мишка разгибает ржавые гвозди клещами и плоскогубцами. — Пошли окунемся?

— Окунемся, — разъярился Михаил, бросив выпрямленный гвоздь в кучу других на дне шлюпки. — А кто в плавание за тебя готовиться будет? Тут, знаешь, какую выносливость надо!

— А я про что — не хочу купаться! — перестроился Женька.

— У вас теплые вещи есть? — загадочно произнес Михаил.

— Есть. А зачем?

— Спортивное испытание на солнце, — многозначительно сказал Михаил. — Ну, на выносливость. Надо к трудностям привыкать!

— Привыкнем, — заявил Женька. — Бежим быстрей, пока тетя Клава с базара не вернулась. У нас в шкафу всего полно: два моих пальто зимних, одно на вырост, шапки, кашне! Ты думаешь, если у нас юг, то не холодно?! Бывает зимою так холодно, что зубы стучат: тук-тук-тук! — постучал зубами Женька для пущей видимости.

— Только тихо, — предупредил Михаил.

Пока они «добывали» теплую одежду, Борис с приятелями тоже не дремал. Неожиданно встретив на улице трех мальчиков и девочку, на руках у которых были красные повязки «Пионерский патруль», Борис поспешно подошел к ним.

— Ребята, — деловито начал он, — тут одного курортника наказать треба.

— Иди, иди, — сказали ему. — Не хулигань.

— Нам нельзя, — ответил Борис. — Нам сейчас на пароход, в Азов. А подвалить ему треба обязательно, чтоб на всю жизнь запомнил, как маленьких обижать!

— Маленьких? — разом обернулся патруль.

— Ага, — подтвердил Хихикало, поняв план Бориса. — Дошкольников. — И показал на Молчуна.

Молчун кивнул.

— Это он так здоровый вырос, — продолжил Хихикало, — а сам дошкольник, — и покрутил пальцем у виска Витьки. — Глухонемой. А с ним еще двое были, вот настолько меньше. — И показал, насколько. Выходило, что остальные двое были Молчуну по пояс.

Молчун кивнул.

— Идут они вчера, — подхватил Борис. — И никого не трогают. Песню поют, жизнерадостные, а слова ему, глухонемому, на бумажке пишут, чтоб он не скучал.

— Правда? — пионерский патруль жалостно посмотрел на Молчуна. Молчун кивнул.

— Идемте, идемте, — с обидой правдоискателя сказал Борис.— Я вам покажу, где он прячется!

Патруль двинулся за компанией Бориса.. Борис шел и рассказывал:

— Фамилия — Енохин. Имя — Михаил. Отчество — неизвестное. По национальности — русский, но хуже американца! Идет наш Витюня,— Борис ткнул Молчуна в живот, и тот изобразил на лице глупую улыбку,— с двумя малышами купаться. С мылом!—подчеркнул Борис.— Баня у нас в микрорайоне закрытая. А навстречу ему — этот самый Мишка! Вы не смотрите, что Мишка с виду маленький! Он на днях трем пенсионерам так шнурки связал, что они неделю развязаться не могли! Притворился овечкой, сел у «конечной» с аэропорта, разложил щетки, баночки с ваксой... «Кому хочешь, — кричит, — почистю, деньги нужны! Подходи по одному или по трое!» А они, пенсионеры, и подошли доверчиво. Мало того, что он с них деньги большущие взял — четыре восемьдесят!—он еще их и по ногам связал! Для смеху,— ужаснулся Борис. — Старость ему не в радость!

— Это что! — вторил ему Хихикало. — Они, значит, идут, — и тоже ткнул Молчуна пальцем в живот,—он и двое совсем маленьких, а Мишка им навстречу! «А ну, прочь с дороги!» — рявкнул он. А там позади них железные ворота...

Патруль и компания как раз вошли в тот самый переулок, где Михаил недавно испробовал свой «нитроглицерин».

— ...Вон там! — воскликнул Борис, перебивая Хихикало.—Убежали маленькие ребята, — он снова указал на сопевшего Молчуна, — за ворота, а Мишка этот, так называемый гость нашего города, словно американский ковбой, вынимает из заднего кармана плоскую фляжку. Очень темную, — понизил голос Борис. — А на фляжке... череп и две кости нарисованы, ниже написано: «Маде ин ЮСА».

— Что? — ахнул патруль.

— Сделано в Америке,—снисходительно сказал Борис. — У капиталистов! Малыши задрожали, а он как шваркнет флягой о ворота! Взрыв!!! А малыши, — тут Борис «всплакнул» и смахнул с ресниц воображаемые слезы, — чумазые и оборванные, повисли вот на этих деревьях и заревели.

— А Мишка? — оторопел патруль.

— Мишка? Ему что! Он захохотал, уперев руки в бока!—заявил Борис. — Да вот они... ворота!

Патруль ошеломленно уставился на ржавые половинки ворот, валяющиеся на земле.

— Молоко-о-о! — закричала около них молочница.

— Тетя, скажите, пожалуйста,— вежливо обратился к ней Борис.— Тут недавно взрыв был, вы слышали?

— Еще какой! — всплеснула она руками. — Говорят, тут немецкая бомба под землей лежала! Слухи ходят!

— Слыхали? — шепотом сказал Борис патрулю. — Бомба... Слухи. У нас на глазах он это... самое... Мишкой его зовут!

— Где он сейчас? — строго спросила девочка с косичками.

— Найдем, — уверенно сказал Борис. — Из-под земли достанем. Воображала! Думает, если он приезжий, ему все дозволено! Глицерином швыряться... в живых людей! Правда? — вгорячах обратился он к Молчуну. — Подтверди!

Молчун кивнул.

— А как же он, глухонемой, а слышит?! — с подозрением сказала девочка. — Ушами?!

— И не ушами слышит он вовсе, — спохватился Борис. — Он глазами по губам понимает!

— А зачем же ему песню на бумаге писали, если он и так по губам понимает? — дотошничала девочка.

— Ха, — сказал Борис. — А чтоб запомнить! Песню надо десять раз услышать, чтоб один раз запомнить! А записал—твоя!

— А зачем же запоминать? — все еще сомневалась девочка, — он же петь не может?

— Может, — сказал Борис. — Он не вслух поет, а про себя! Что, с тобою такого не бывает?

— Бывает, — призналась девочка. Хихикало хихикнул.

Борис уничтожающе взглянул на него и положил руку Молчуну на плечо.

— Он и не то умеет, — расхвастался Борис. — Он уже немножко и напевать умеет, одну букву «у» тянет — и порядок! Вот так у-у-у-у... заукал Борис, напевая мелодию песни «Расцветали яблони и груши».— Молчун, подтверди.

Молчун кивнул и подхватил мелодию дальше:

— У-у-у...

— У-у-у... — подхватили Борис и Хихикало.

Пионерский патруль с некоторым испугом посмотрел на компанию.

— Ведите, — девочка топнула ногой.

— Тронулись! — воскликнул Борис, и компания ринулась вперед. А девочка, покрутив пальцем в воздухе, озабоченно сказала:

— Они тут все, по-моему, тронулись.

— Я знаю, где они, знаю, — бубнил Борис, оглядываясь на патруль.— Он со своим Женькой на заброшенном пляже чего-то химичит.

— Чего-чего? — переспросила девочка.

— Готовит чего-то, — ответил Борис. — Невероятно страшное!

Мишку и Женьку они действительно увидели на заброшенном пляже. Облаченные в теплые полушубки, в шапках, Енохины ворочали валуны на самом солнцепеке.

— Чокнулись... — прошептал Хихикало.

— Я дальше не пойду, — попятился Борис, показав на них издали. — Видали??? Во какие! Чудища-страшилища! — он и сам не ожидал застать их в таком виде.

Михаил покатил валун в их сторону, и компания на всякий случай стремительно помчалась

назад. И скрылась вдали.

Патруль невольно хотел последовать за ними, но положение обязывало быть храбрыми. Девочка поправила красную повязку на рукаве и не без робости пошла навстречу Михаилу. Мальчики тоже поправили повязки и двинулись за своей предводительницей.

— Что, жарко? — пот заливал Михаилу лицо, все кругом расплывалось перед ним, в глазах прыгали какие-то белые точки и взрывались красными фонтанчиками. — Привыкай к трудностям! Когда поплывем в Таллин, нам будет не легче — не думай.

— А я уже... давно не думаю, — с трудом ответил Женька. — Не могу... думать... Все! — неожиданно громко вскричал он и стал срывать с себя шарф и расстегивать пуговицы полушубка. — С ума схожу!

Подошел патруль.

— Ты Мишка? — с испуганной смелостью спросила девочка.

— Ну, я, — точки в глазах перестали прыгать, и Михаил увидел перед собой в зыбком мареве пионерский патруль.

— Следуй за нами в детскую комнату милиции, — приказала девочка и, взглянув на своих, снова покрутила пальцем в воздухе.— Я же говорила, они тут все...

— Зачем? — удивился Михаил и тяжело сел на валун. Пронзительные точки опять замельтешили в глазах.

— Там разберемся, — ответили ему.

— Пошли! — рассердился Михаил. Он вскочил. И вдруг покачнулся.

— Ты что, больной? — вконец испугалась девочка.

— Нет, — ответил он и упал в обморок.

Женька, снисходительно взглянув на него, небрежно заметил потрясенному патрулю:

— Слабей меня оказался... Чего глазеете? — вдруг закричал он.— Домой несите! А не то отвечать будете! В детской комнате милиции!

«Ненормальные»

Пионерский патруль, покачиваясь от усталости, внес на руках Михаила во двор. Борис с приятелями, подглядывавшие сквозь щели забора, удовлетворенно переглянулись.

Мальчики и девочка положили «бездыханное тело» на крыльцо, и Борис возликовал:

— Во уработали! С доставкой на дом!

Из дома вылетела тетя Клава:

— Боже ты мой! Жив?

— Солнечный удар, — сказала девочка.

— Заливает, — восхитился Борис. — Удар... но не солнечный.

Хихикало захихикал. Молчун кивнул.

— Айда! — сказал Борис. — Больше тут смотреть нечего.

Ушел и патруль...

— Я же говорила, — затараторила девочка, снова вертя пальцами в воздухе. — Они все с ума посходили. И те, и эти.

Тетя Клава окатила Михаила ведром воды. Он очнулся, сел и замотал головой.

— Что случилось? — спросили из-за соседской ограды встревоженные отпускники.

— Ничего, — буркнула тетя Клава. — Мальчик перегрелся.

И тут притопал Женька, в шапке и полушубке, согнувшись под тяжестью одежды Михаила.

— Кошмар! — ахнула тетя Клава. — В прошлый год сюда землетрясение из Турции докатилось, и то такого не было!

— Видала? — тихо сказал за оградой толстый мужчина своей не менее обширной супруге, державшей за руку пухлого отпрыска.— Дети по соседству явно ненормальные.

— Вася, собирай вещи, — так же тихо сказала ему супруга. — У нас ребенок.

— Мы тоже уходим, — шепотом заявила другая пара с ребенком.

— А ну в дом! Живо! — приказала тетя Клава и сгребла в охапку шубы. — Ну, Михаил... А с тобой-то, Евгений, мы отдельно поговорим, вот приедут папа и мама! Хорошо, что сундук не унес!

— Зато я выносливей! — похвалился Женька.

Несмотря ни на какие протесты, тетя Клава сразу уложила Михаила в кровать.

— Ты у меня никуда сегодня не выйдешь. Ты тоже дома сиди! — прикрикнула она на Женьку.

— Да я здоровый, — обижался Михаил. — Случайно вышло.

— Лежи, лежи, не волнуйся... Тысячу раз говорила, предупреждала: не шутите с солнцем!

— Ну, можно я пойду погуляю, — умолял Михаил.

— И я, — вторил Женька.

— Ни за что, — тетя Клава решительно встала. — Я за врачом.

Щелкнул ключ в замке, и торопливо застучали шаги вниз по лестнице. Михаил вскочил с кровати и на всякий случай подергал ручку двери. Нет, дверь была надежно заперта.

— С разбегу-то мы вдвоем можем высадить, — глубокомысленно произнес Женька.

— Нет уж, — сказал Михаил. —Тогда нас и завтра не выпустят.

— Да чего там завтра,— так же глубокомысленно произнес Женька. — Никогда.

— А ты все-таки выносливый. Крепче меня на жару, — признался Михаил.

Женька расцвел от похвалы:

— Я с детства на юге живу!

— Но ты за меня не бойся, я еще закалюсь, — заверил его Михаил.

— Конечно, конечно, — поддакнул Женька. — Я тебя научу.

— Как? — заинтересовался Михаил.

— Ну как... — задумался Женька и, просияв, ответил: — Как-нибудь.

Внизу послышались голоса.

— Товарищ профессор, вы только не обижайтесь, я ведь к вам как к специалисту, хоть вы и по соседству отдыхающий, — говорила кому-то тетя Клава.

— Ничего, ничего, пожалуйста, — бодро ответил пожилой голосок.

Михаил мгновенно нырнул в постель. Заскрипели ступеньки.

— Хорошо тут у вас, — остановился на балкончике седенький невысокий мужчина. — Как на капитанском мостике.

Он подергал дверь и прижал лицо к круглому оконцу, подслеповато вглядываясь в глубину комнаты.

— Тут, кажется, заперто... И никого нет...

— Как нет?! — взволновалась тетя Клава. — Неужто удрали?! Я же закрыла!

Она лихорадочно принялась вертеть ключом в замке:

— Они такие... Особенно Михаил. Сквозь стену пройти может! И Женька такой же проходимец!

Женька засмеялся. Услышав смех, тетя Клава успокоилась и, наверное, поэтому сразу сумела открыть дверь.

— Сюда, товарищ профессор, — пропустила она врача вперед. — Помогите.

Врач был очень похож на Айболита, вот разве только без халата, да и на саквояже у него не было красного креста.

— На что жалуетесь? — спросил он Женьку.

— Я не жалуюсь, — отпрянул тот и прошмыгнул за дверь на балкончик. Женька боялся врачей.

— Это я жалуюсь, — поспешно сказала тетя Клава, показав пальцем на Михаила. — На него. Перегрелся!

— Ага... — профессор раскрыл саквояж. Внутри неожиданно пискнуло что-то живое.

Тетя Клава вздрогнула, а Михаил привстал и заглянул. В саквояже были какие-то бумаги, стетоскоп и стояла клетка с морской свинкой.

— И у меня недавно жила морская свинка, — радостно сообщил Михаил.

— Убежала? — спросил профессор.

— Подарил. В школьный живой уголок.

— Нам нельзя, — сказал профессор. — Наука.

— Я понимаю, — солидно кивнул Михаил. — Генетика?

Профессор тоже кивнул:

— Мутации, — и сел рядом на стул.

Так говорили они очень серьезно, забыв о тете Клаве. А Женька таращил на них глаза в «иллюминатор».

— ...Второй год бьемся, — охотно рассказывал профессор.

Он оживленно разворачивал какие-то графики, показывал Михаилу, тот с интересом смотрел, о чем-то спрашивал. Тетя Клава изумленно глядела на них, ничего не понимала, и ей слышалось только сплошное: ж-ж-ж-ж... А сквозь жужжание прорывались загадочные слова: «Повторный опыт... пересадка... лабораторные исследования...»

— А что же теперь делать? — громко сказала она. — Я очень беспокоюсь!

Профессор и Михаил, умолкнув, недоуменно подняли головы.

— Ах, да, — спохватился профессор. — Заболтался. Садитесь, — сказал он тете Клаве.

Она послушно села. Он взял ее за руку и выудил на цепочке из кармана часы-луковку. Последил за секундной стрелкой, звонко хлопнул крышкой и быстренько выписал рецепт:

— Вот, принимать по четыре раза в день. До свидания... До свидания, молодой человек. Был очень рад познакомиться... с акселератом...— он пожевал губами, улыбнулся. — Вам побольше гулять надо.— И вышел.

Тетя Клава, не успев даже и рта раскрыть, сидела как приклеенная на стуле и бессмысленно смотрела на рецепт. Михаил взглянул:

— Валерианус, — прочитал он. — Капли валериановые очень успокаивают.

— Хороший человек,— растрогалась тетя Клава.— Вы о чем с ним говорили?

— О нуклеиновых кислотах, — ответил Михаил. — Я о них в «Знание— сила» читал.

— В «Известиях» тоже было, — вспомнила тетя. — Это что-то, связанное с живыми клетками, да? — И вдруг рассердилась: — А ну, марш на улицу! Что тебе профессор сказал? Сидит здесь в четырех стенах, словно симулянт!

Михаил опрометью бросился из комнаты.

А тетя Клава подошла к шкафчику. Взяла пузырек валерьянки и начала капать на ложечку.

«Словечко спиши...»

В этот день они еще многое успели сделать. Подружились со сторожем старой пристани:

помогли ему выкрасить белой масляной краской две оконные рамы в сторожке, пока он сидел на крыше и латал дыры толью, благосклонно поглядывая сквозь прорехи кровли на помощников внутри домика. А познакомились они очень просто. Сторож красил рамы, ворчал на «такую жизнь»: и крышей, мол, надо заняться, и окнами, а у него только две руки, и сторожка, мол, не на сторожку похожа, а на «логово Змея Горыныча». Михаил и Женька как раз проходили мимо.

— Хотите, поможем? — великодушно предложил Михаил.

— А умеешь? — засомневался сторож.

— Да мы с отцом в Дорохово, под Москвой, садовый домик построили сами!—сказал Михаил.

— Держи, — сторож спорить не стал и поспешно протянул ему банку с краской и кисть.

— Нужно больно! — запоздало заныл Женька. — У нас своих забот полон рот! А шлюпка?

— Ты, Женька, глупый лентяи. — умно заметил Михаил.— Мы ему поможем, а он — нам.

— Это что же? — остановился сторож, который было уже полез на крышу. — Баш на баш?

— Нет,—замялся Михаил. — Но... мы вообще-то хотели у вас какие-нибудь досочки попросить... Со старых лодок, — горячо подчеркнул он. — Все равно их жгут! А они хоть и старые, но не совсем. Есть что из деталей выбрать, ну, фальшборт там подходящий или шпангоут какой. А еще я видел: ненужная шпаклевка валяется, куски смолы пропадают! А мы их в дело!

— Хм... — произнес сторож. — А если не дам, не поможете?

— Нет, — очень искренне заявил Женька.

Михаил гневно взглянул на него и твердо сказал:

— Поможем. Раз вызвались, значит, поможем.

— Ну, тогда помогайте, — таинственно хмыкнул сторож. Женька прямо-таки извел Михаила, пока они помогали:

— Вызвался... Кто тебя за язык длинный тянул?.. Умный...

Но зато когда сторож после работы самолично отодрал от старого яла «почти новый» фальшборт и вручил им, Женька хладнокровно сказал Михаилу:

— А ты хотел задаром работать.

Сторож, видимо, восхищенный Женькиной мудростью (во всяком случае, сам Женька именно так считал!) подарил им остаток краски вместе с банкой и дал на время кисть.

— Обязательно верните, кисть у меня оприходована, — словно извиняясь, сказал он. — Если что нужно, приходите снова, — пожалуйста, — он широко показал рукой на «кладбище» лодок, — найдем.

— А вы нас снова не заставите работать? — поинтересовался Женька.

Михаил щелкнул его пальцем в лоб, а Женька почему-то принялся чесать затылок.

— Мы поможем, только скажите, — заверил Михаил. — А он... он еще маленький, вот и...

— Ладно, — рассмеялся сторож. — А ты этого маленького воспитывай, а то вырастет большой.

— Конечно, вырасту, — удивился Женька. — Не век же таким останусь.

И сторож вновь рассмеялся.

Фальшборт оказался тяжелым, хотя и был сильно высушен солнцем. Михаил и Женька еле-еле донесли эту длинную и изогнутую доску, с трудом разворачиваясь в узких приморских переулках, до своей укромной бухточки.

— Длинноват, — определил Михаил.

— Сам вижу, — огорчался Женька. — А зачем же тащили, надрывались?!

— Отрежем, — успокаивал его Михаил.

— А тогда изгиб не подойдет, — сокрушался Женька, повторяя:— Тащили... надрывались...

— Распарим в кипятке и загнем как надо, — отмахнулся Михаил.

— Не... загибаешь? — обрадовался Женька. — Не врешь? Конечно, загнем!

— Еще как загнем! — в тон ему ответил Михаил и, взяв кисть, стал писать красивыми буквами на носу шлюпки кодовое название «НА-ПАВТАЛ».

...Ночью, когда Михаил и Женька спокойно спали на своей мансарде, компания Бориса не дремала. Еще днем Хихикало проследил за ними, когда они несли фальшборт до потайной бухты.

Водя лучом фонарика по названию шлюпки, Борис хмурым голосом громко прочитал:

— «На-па-втал»...

— Нацелься патроном — вталкуем! — определил Хихикало.

— Э-э-э... — протянул Борис. — Я хоть на тройки учусь, и то знаю: «втолкуем» — от слова «толк», а не «талк».

— Вот это названьице! — присвистнул Хихикало.

Молчун закивал, в его глазах отражалась луна, в каждом глазу — по луне, и странно было видеть, как исчезали эти луны, когда он наклонялся, чтобы получше рассмотреть название шлюпки.

— Названьице... — повторил Хихикало. — Может, это японское или турецкое?

— Разберемся, — процедил Борис.

— А чего разбираться, давай продырявим! — предложил Хихикало.

Глухо и как-то неодобрительно урчало невидимое море, и только вблизи можно было заметить белые пятна пены.

Борис забрался в шлюпку и поводил фонариком.

— Продырявим, — передразнил он Хихикало. — Мишка тебя продырявит, если догадается, кто... Продырявить всегда успеем.

— А зачем им шлюпка? — буркнул Хихикало.

— Вот... — одобрительно постучал его пальцем по лбу Борис.— Следить надо.

— Ясно и без слежки, — невозмутимо сказал Хихикало.

— Ну, зачем?

— Плавать, — выпалил Хихикало.

— Ясно, не летать, — усмехнулся Борис. — Плавать. А куда? Словечко спиши, разберемся.

И Хихикало, сопя от усердия, начал писать химическим карандашом на щепке секретное и таинственное название.

Часть III

«ДЕЛАЙ, КАК Я!»

«Сильные, выносливые!»

Весь какой-то шишковатый, суставчатый краб — «подкаменщик», напоминающий огромного добродушного паука, заскользил сначала влево, затем — вправо, когда его накрыла тень пловца. И, почувствовав себя беззащитным на таком ровненьком песке, сам притворился камнем. Обросший нежным зеленым пухом мельчайших водорослей, он и впрямь напоминал теперь камень. В другой раз Михаил остановился бы и нырнул за крабом, но сейчас ему было не до того. Вчера он нашел под водой очень подходящую цепь для будущего якоря, вдруг и якорь найдется?! Поправив подводную маску и покрепче зажав в зубах резиновый загубник дыхательной трубки, Михаил заработал ластами и двинулся к старой пристани. Он ощутил ее приближение, увидев на дне дырявый протектор, такой большущий, как все под водой, потом — рельс, густо покрытый мидиями, угловатые камни, еще не отшлифованные морем, ржавую трубу, в которую сразу юркнула нарядная, зеленуха, взметнув мутное облачко песка...

Стало темней, в этой темноте горели яркими линиями солнечные лучи, падавшие сквозь дыры в настиле причала, высоко стоящего над морем на толстых бетонных сваях. Вокруг свай шныряли плоские глазастые зубаны и сверкающие ставридки. Золотистой пылью зажглась стайка крохотных рыбок, исчезнув, как вспышка.

— У-у-у-у-а-а-у, — монотонно донеслось откуда-то сверху.

Михаил поднял голову.

— Мишка-а! — это надрывался Женька, призывно махая рукой — Скоре-е-ей!

Снова опустив голову, Михаил поплыл назад, вспугивая рыбу. Здоровенные кефали стремительно понеслись прочь, и еще долго их пунктирный, прерывистый блеск пропадал вдали.

Михаил снял в воде ласты и вышел на берег.

— Ну, чего тебе? — он сдвинул маску на лоб.

— Слепой? — обиделся Женька.— Вот! Привел! В нашу команду!

И тут только увидел Михаил две головы, торчащие над бортом шлюпки. Два невероятно похожих мальчика вышли из-за лодки и с надеждой улыбнулись Михаилу. Это были братья Мошкины. Один прижимал к груди большой рубанок, другой — пушистого ленивого кота.

— Сильные, выносливые! — расхваливал Женька своих худых низкорослых друзей. — Я их давно знаю! Всю жизнь! — подчеркнул он;

Братья Мошкины засмущались и потупили головы.

Михаил уничтожающе взглянул на Женьку, ничего не сказал и снова «ушел» в море.

— Вы не бойтесь, — успокаивал Женька братьев. — Он меня слушается. Кто ему шлюпку добыл? Я! Кто ему сюда шлюпочку перевез? Я! Прихожу на буксир... А чего вы стоите? — вдруг напустился он на Мошкиных.— Давайте работайте, вон тот фальшборт обстругайте, а то он корявый.

Братья, посадив кота в тень, суетливо закрепили доску фальшборта между камнями, как на верстаке, и ловко застрогали одним рубанком в четыре руки.

Женька, поглаживая кота, продолжал) рассказывать, а Мошкины строгали и почтительно слушали. И перед ними возникала потрясающая картина, нарисованная Женькиным воображением...

Выстроились вдоль борта матросы буксира, капитан — правофланговым. Женька, сопровождаемый Михаилом, словно адъютантом, важно прохаживается перед строем, заложив руки за спину. Строй, не спуская с Женьки глаз, делает на него равнение: то туда, то сюда. Женька останавливается перед капитаном, застывшим по стойке «смирно», поднимает его послушную руку и смотрит на часы, потому что своих часов, как известно, у Женьки нет и даже пока не предвидится.

«Вольно, — скомандовал Женька. — Прошу сверить часы».

Матросы поспешно сверяют часы, кое-кто переводит стрелки.

Новая команда: «По местам!»

Матросы разбегаются, а капитан семенит в рубку.

«Вира!» — кричит Женька.

Кран поднимает шлюпку.

«Майна!» — шлюпка опускается на палубу.

«Благодарю за службу», — устало говорит Женька.

«Ура-а!» — бодро откликаются матросы.

«А теперь я попросил бы товарищей офицеров в кают-компанию на чашку чая».

Вслед за Женькой, которого по-прежнему сопровождает молчаливый Михаил, идут, печатая шаг, как на параде, капитан и боцман.

— Ну и врать же ты способный! — вдруг раздался голос Михаила. Женька от неожиданности

уронил кота, а Мошкины — рубанок.

Они так увлеклись, что не заметили, как подошел Михаил. Он бросил на песок небольшой медный лист, усеянный ракушками, и покачал головой.

— Ну и враль... Барон Мюнхгаузен!

Женька втянул голову в плечи, заморгал часто-часто:

— Я ребят уговорил... Еле-еле... А ты... Они согласны быть матросами...

— Примите меня в свою команду, — сказали они в один голос. — Я тоже хочу в Таллин на Олимпийские игры!

— Выдал?! — ахнул Михаил. Женька шмыгнул носом и отвернулся.

— Примите, а? — снова попросили Мошкины.

Михаил с любопытством посмотрел на обструганный фальшборт, подошел и задумчиво провел по доске ладонью, доска была гладкой как стекло.

— Где научились? — сдержанно спросил Михаил.

— А у меня отец красный деревщик, — широко улыбнулись Мошкины.

— Видал? — тут же заметил Женька.

— Умеете, — довольно сказал Михаил, снова погладив доску.

— Эй вы, Мошки, — из-за угла полуразвалившейся трансформаторной будки выглянул Борис. — Вот вы где! Ко мне!

— И поживей! — за ним выглянул Хихикало. Следом высунулся Молчун и угрожающе поманил Мошкиных пальцем.

Мошкины съежились и бросили умоляющий взгляд на Михаила.

— Не отпускай, — зашептали они. — А то опять заставят нас яичницу готовить, и квас таскать, и за яблоками лазать, и барабульку для них ловить, и...

— Достаточно, — прервал их Михаил и направился к трансформаторной будке.

Борис, Молчун и Хихикало настороженно переглянулись.

— Слушайте меня внимательно, — спокойно сказал Михаил, остановившись в нескольких шагах от компании. — Кто их тронет...

— Мы же тебя не трогаем, — проворчал Борис. — При чем тут они?

— А я как раз о них, — подчеркнул Михаил. — Кто их тронет...— тому от них не поздоровится, — закончил Михаил.

— От них-то?! Да я их одной рукой! — сразу осмелел Борис. Хихикало захохотал. Молчун кивнул.

— Ладно, — приветливо улыбнулся Михаил и подозвал Мошкиных. Они робко подошли.

— Не бойтесь, — напутствовал их издали Женька. — Я их раньше тоже чуть-чуть боялся! А теперь совсем не боюсь!

— Не испугаетесь, возьму в плавание, — тишайшим шепотом сказал Мошкиным Михаил. — Зачем мне трусливые матросы?

Мошкины нерешительно переминались.

— Ну? — громко сказал Михаил.

— Да я их одной рукой! — угрожающе повторил Борис, осмотрительно обходя Михаила.

— Чур, на слове ловлю, — заметил Михаил и подчеркнул. — Одной рукой!

— Пожалуйста, — засмеялся Борис.

— Вас же двое, — убеждал Михаил близнецов. — Ну, покажите ему, что ни капли не боитесь, — он вас всегда обходить будет.

— Кто — я? — вновь засмеялся Борис. Хихикало захихикал, Молчун кивнул.

— А ты не уйдешь? — вдруг, решившись, спросили близнецы Михаила.

— Не уйду. Я послежу, чтоб по-честному.

— Хорошо, — сказали они. — Только пусть ему руку к поясу привяжут, а то он такой.

— Привязывайте, — хмыкнул Борис.

— Женька, веревку! — приказал Михаил.

Женька принес веревку, но близко подходить не стал — кинул. Михаил начал привязывать руку Бориса к поясу.

— Не правую, а левую, — неожиданно забеспокоился Борис.

— Уговора не было, — запротестовали Мошкины.

— Ну, ладно, — прошипел Борис.

Михаил завязал узел и, будто судья на ковре, отскочив в сторону, крикнул:

— Борьба!

Борис кинулся на Мошкиных и схватил одного за плечо:

— Попался!

Но тут второй бросился ему под ноги, и Борис полетел кубарем. Не успел он опомниться, как близнецы оседлали его и стали заламывать ему свободную руку за спину. Борис елозил подбородком по песку, дергал ногами, но никак не мог высвободиться. Он даже не мог перевернуться на бок, Мошкины плотно сидели на нем, не выпуская его руки.

— Сломаете! — вскричал он. — Четыре руки — на одну, да? Сладили, да?

Мошкины надавили ему на голову, так что она уткнулась в песок.

— Задо-х-х-нусь... — прохрипел Борис и позвал на помощь, отплевываясь: — К-ко мне-е!

Хихикало и Молчун шагнули было к нему, но Михаил преградил им дорогу, и они отступили.

— Не пускает, — виновато сказал Хихикало.

Собрав все силы, Борис отчаянным рывком перевернулся и... оказался на спине. Мошкины припечатали его плечи к песку.

— На лопатках! — возликовал Михаил. Мошкины отпустили Бориса. А он, рассвирепев, вскочил и заметался, гоняясь за близнецами. Но они ловко шныряли у него под рукой, как мореплаватели Одиссея «в гостях» у циклопа. Ставили ему подножки — Борис падал, вскакивал снова. А Мошкины так носились вокруг, выбирая новый удобный момент нападения, что можно было подумать: их не двое, а трое-четверо-пятеро... Борис только головой крутил.

— Все! Все! Конец! — кричал Михаил.

Хихикало попытался было подставить исподтишка ногу пробегавшему Мошкину, но тот перепрыгнул. А второй близнец, метнувшись на выручку, так двинул босой пяткой под сгиб колена Хихикало, что Славка сразу рухнул, сбив с ног Молчуна.

Быть бы тут жаркому побоищу, но Михаил сунул руку в карман и вынул свою знаменитую пробирку, вновь наполненную «нитроглицерином».

— Стоп!

Молчун и Хихикало угрюмо развязывали руку сопящего Бориса, а братья Мошкины «кровожадно» прохаживались мимо них.

— Все ведь, все! — с опаской предупредил Хихикало близнецов.— Миша, скажи им!

— Все, — подтвердил Михаил. — Победа за Мошкиными!

— Подумаешь, на лопатки положили, — буркнул Борис, приходя в себя. — Если б у меня две руки было...

— Давай две! — свирепо сказали Мошкины, еще не остыв от за пала борьбы.

— Ну, зачем? — улыбнулся Михаил. — Теперь вы давайте вот с ними,— и показал на Молчуна и Хихикало.

— Давай!—загорелись Мошкины.

— Боря, пойдем, не связывайся, — сказал Хихикало, мгновенно заторопившись. — Они ж бешеные...

— Кто, я?! — взревели Мошкины.

Хихикало и Молчун, не сговариваясь, двинулись к пристани. А Борис постоял немного, высыпал из карманов по нескольку пригоршней песка и, достав платок, вновь завязал, как когда-то, узел:

— Не забуду.

— А если вы нашу шлюпку тронете, — проорал вслед Женька, — мы вам ночью дом разнесем! У каждого!

— Я теперь никого не боюсь, — напыжились братья Мошкины. — Показывай, с кем? — Они воинственно размахивали кулаками. — Показывай! Давай против Женьки?

Женька благоразумно спрятался за громадный валун.

— Аут, — строго сказал Михаил.—Теперь за работу... матросы.

— Принял! — возликовали близнецы.

— О Таллине — тайна!—предупредил Михаил.— А не то отчислю!..

Возвращаясь вечером домой, они встретили на улице каких-то мальчишек, тоже лет девяти. Мошкины шли по самой середине тротуара, выпятив грудь и широко развернув плечи. Мальчишки невольно уступили дорогу.

Спортзанятие: «По азимуту...»

Здание детской библиотеки было старинное, над входом в серой штукатурке выбиты цифры: «1875». Два атланта поддерживали на руках и плечах («На своем горбу» — как определил Борис) тяжкий балкон. Толстые стены смягчали жару, приглушали сумятицу звуков улицы, и в зале царили нежная прохлада и особая тишина, нарушаемые разве что шелестом переворачиваемых страниц.

Борис и его приятели перерыли тома энциклопедий: Большой Советской, Брокгауза и Эфрона на букву «Н», словари: морской, Даля,

Ушакова — нигде не было такого слова «НАПАВТАЛ».

— Извините, пожалуйста, за беспокойство, — с тихой благопристойностью обратился отчаявшийся Борис к библиотекарю, — вы не знаете, как, вот, переводится слово «Напавтал»?

Библиотекарь приглушенно ответила:

— Такого слова нет. Это аббревиатура.

— Чего? — изумился Борис.

— Ну, как бы тебе объяснить... Вроде бы из слогов разных слов составлено. — Например; «КБ» или «СМУ»: конструкторское бюро и строительно-монтажное управление.

— Это я и без вас знаю, — разочаровался в ее познаниях Борис.

— А если знаешь, — рассердилась она, — не мешай. Так они и ушли ни с чем: Борис, Молчун и Хихикало.

По улице прохаживался ветер и вздымал полотняные навесы над витринами магазинов.

— Надо следить, — вздохнул Борис. — Следить и подслушивать. Сами проболтаются.

Хихикало захихикал. Молчун кивнул.

— Вот придумали, — восхищенно покрутил головой Хихикало.— Я уж пять лет не думаю никогда, а тут заставили.

— Следить, — повторил Борис. — Во все глаза.

И вынул из-за пазухи половинку театрального бинокля.

— Дай, — сразу же попросил Хихикало.

— Не дам, — отрезал Борис. — Нечего бинокль порожняком гонять. Как увидим их, дам. Только сначала сам посмотрю, — предупредил он. — Бинокль, он —мой.

Возле Женькиного дома они остановились и прильнули к щелям забора.

— Никого, — сказал Борис, опуская бинокль.

— А ну-ка, — Хихикало протянул руку и тоже посмотрел в бинокль.

— Как на ладони, — с удовольствием сказал он, — Никого.

Потом Молчун посмотрел в бинокль. И кивнул. И снова кивнул, показывая пальцем в сторону сарая с распахнутыми дверями. В глубине сарая виднелись Михаил, Женька и Мошкины

— За мной, — приказал Борис. Они быстренько перелезли через забор, подкрались к сараю и приложили уши к стене.

— А ждать я вас буду вот здесь, — донесся голос Михаила. Борис обнаружил в доске трухлявый сучок, выковырнул его щепкой и уставился в образовавшуюся дырочку.

— Женька... Мошкины... Они стоят перед Михаилом... А что это у него в руках?.. Ага, какой-то картонный лист, на нем нарисованы непонятные стрелки... Михаил зачем-то кладет на этот лист компас.

— А ждать я буду вас здесь,— втолковывает он своей команде,— где вот эта звездочка, — он тычет пальцем в чертеж. — Вот! Все поняли?

— Все, — отвечает Женька.

— И я, — вторят ему Мошкины.

— Ну-ка, повтори, — говорит Михаил Женьке.

— Значит, так... — и Женька бойко тараторит. — Чтобы правильно прокладывать курс по морю, мы должны научиться ходить по азимуту на берегу. Стрелка компаса всегда показывает на север.—Мошкины склоняются над чертежом. — Она должна совпадать вот с этой стрелой, — продолжает Женька, показывая. — А мы пойдем на северо-запад вот по этой стреле. А ты нас будешь ждать вот здесь, где эта звездочка.

— А сколько до тебя идти? — спрашивают Мошкины.

— Ну, тысяч пять метров. Считайте, десять тысяч шагов, — говорит Михаил. — А вообще-то неважно, будете идти, пока на меня не наткнетесь.

Борис сделал знак своим, и они снова по-быстрому перелезли через забор— назад, на улицу.

Михаил выбежал из сарая и исчез за калиткой. Минуты через три из сарая вышли Женька и Мошкины, чуть ли не уткнувшись носами в карту с компасом. Женька был в середине, он держал лист, а Мошкины как бы вели Женьку под руки.

Северо-западная стрелка вывела их со двора, они пересекли улочку. Они шли и считали шаги:

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

— Интересно... — протянул Борис.—Сюда!

Мишкина команда, увлеченная делом, не заметила, как Борисова компания прошмыгнула буквально за спиной на пустырь, заросший пыльным бурьяном.

— А как мы пойдем? — спросил Хихикало.

— А по их компасу, — возбужденно ответил Борис. — И шаги считать будем!

Молчун кивнул.

Улицу от пустыря отделяла невысокая стенка, сложенная из камней. Головы Женьки и Мошкиных плыли над стенкой, а компания Бориса, пригнувшись, шагала рядом, почти бок о бок.

— Сто один, сто два, сто три... — громко считали Женька и Мошкины.

— Сто один, сто два, сто три, — шепотом считали Борис и Хихикало, а Молчун ритмично кивал, отсчитывая шаги про себя. Так они и шли, две «поисковые группы», разделенные то каменными оградами, то дощатыми заборами, то кустами газонов.

— Про словечко «Напавтал» ни слова не говорят, — сокрушался Хихикало. — Только считают.

— Не сбивай, — огрызался Борис. — Тысяча двести три, тысяча двести четыре...

А когда Женька неожиданно споткнулся о камень, Борис рассмеялся: «Вот дурень! Обойти не мог!»—не заметив, что переходит вброд лужу, настолько сам увлекся.

Женька и Мошкины часто сбивались с курса, кружили на месте, несколько раз им приходилось возвращаться и начинать сначала. Борис, Молчун и Хихикало, в душе проклиная тупость врагов, даже выдохлись, ведь им самим-то гораздо труднее: надо быть начеку, скрываться, всякий раз выбирать труднопроходимую дорогу, да еще не спускать глаз с этих «глупарей».

Вечерело, исчезли тени, море стало серым, на проходившем вдалеке пароходе зажглись бортовые огни.

— Три тысячи триста одиннадцать, три тысячи триста двенадцать...— считал Борис, пробираясь сквозь заросли бузины приморского парка и стараясь не потерять из виду Мишкину команду. — Не отставайте, — прошипел он пыхтевшим сзади приятелям.

В парке вспыхнули редкие фонари. Теперь следить стало легче. Между фонарями были темные зоны, компания Бориса старалась держаться в темноте, пока Женька и Мошкины пересекают освещенные места, а затем молниеносным броском проносилась мимо очередного фонаря.

Светящиеся румбы компаса вели Мишкину команду вперед. И так как ни Женька, ни Мошкины не отрывали взгляда от листа с компасом, они—бац! — крепко стукнулись лбами о высокую стену, преградившую путь. Тупик!..

— Ну, вот! — жалобно вскрикнул Женька. — Не пойду дальше!

— Да ладно! Да брось! — начали уговаривать его Мошкины, заботливо потирая друг другу лбы. Они оглянулись. Одинокая лампочка над дверью какого-то закрытого ларька выхватила из тьмы груду пустых ящиков. Мошкины бегом натаскали ящиков и сложили их пирамидой у стены.

Женька, не выпуская из рук лист с компасом, стал осторожно подниматься по ящикам, как по

ступенькам. Мошкины поднимались за ним.

Борис, Молчун и Хихикало, уже успевшие перебраться через стенку в другом месте, там, где она была ниже, нетерпеливо поджидали «землепроходцев» с той стороны. И тут раздались какой-то сильный треск, грохот, крики! Цепляясь за выступы камней, Борис с приятелями поспешно взобрались на стену.

— Гы-гы-гы! — не выдержав, захохотал Хихикало. — Эй вы, чего развалились!

Неустойчивые ящики валялись на земле, а среди них барахтались Женька и Мошкины. Борис дал Хихикало подзатыльник, но было поздно. Женька и Мошкины с ужасом взглянули вверх, вскочили, Женька схватил картон, компас и — словно ветер свистнул! — ребята помчались по аллее.

— Куда вы? До Мишки всего восемьсот два шага осталось! — прокричал Борис. — Салаги... Нашел он кого учить...

— Ха, я и то сразу понял! — сказал Хихикало.

Женька и Мошкины не чуя ног бежали бы, наверное, до самой «отправной точки», до сарая, если 6 их не остановила возле дома обеспокоенная тетя Клава.

— Полуночник!—это Женьке.—А вы тоже хороши!—это Мошкиным. Они потупились.

— Гена! Юра! —разносился по улице голос их мамы.

— Я домой! — заторопились они.

— А Михаил где?—встряхнула тетя1 Клава Женьку.

А Михаил грустно сидел на пеньке у мостика через ручей, в восьмистах двух шагах от коварной стены, и раздраженно думал: «Связался с младенцами... Им бы не в плавание, а в тепленькую постельку! Им бы не шлюпку с парусом, а соску с погремушкой!»

Но вот вдалеке засветился глазок фонарика, и Михаил воспрянул духом: «Молодец Женька!— решил он. — Догадался фонарик прихватить!»

Круг фонарика разгорался все ярче, и вскоре слепящий луч уставился в лицо Михаила. По мостику зазвучали шаги.

— Наконец-то!—сердито сказал Михаил, прикрывая ладонью глаза. — Дождался!

— Вот именно... Дождешься ты у меня! — сердито сказала тетя

Клава, пришедшая точно по азимуту. С фонариком в одной руке, с картой и компасом — в другой.

Под шлюпкой

В доме тихо позванивала гитара, квартиранты-студенты приглушенно пели, чтобы не будить соседей на чердаке, веранде, летней кухне, а также самих хозяев, почивающих на раскладушках под тентом в саду. Накрывшись одеялом с головой, Борис в дремотном полузабытьи слышал и этот робкий гитарный звон, и пение, и храп отца, и мерное дыхание матери, и далекий голос моря, и совсем далекую музыку в парке, и говор проходящих мимо

забора запоздалых прохожих. «Дурак дураком,—ругал он себя.— И чего я за Мишкой увязался?

Да если захочу, буду целыми днями и ночами по азимуту ходить! Куплю компас, почитаю в книжке как — и начну. Чепуха-чепуховина-чепухенция. С ходу научусь! И шлюпку могу построить, плавать буду. И нитроглицерин изобрету, подумаешь! Приехал тут из Москвы и задается! Но куда Мишка задумал плыть? Не иначе, Очень далеко, если азимут изучают! А, пустое это...» И, успокоенный, заснул. Ночью ему ничего не снилось. Ему вообще никогда ничего не снилось. Как-то он сказал об этом отцу, а тот его похвалил: «Здоровье, значит, хорошее и лишних мыслей в голове нету. До ста лет доживешь, как я». И хоть отцу было всего сорок пять, слова его надо было понимать так: он, мол, обязательно до ста доживет, чего и сыну желает.

Но как только рассвело и Борис проснулся (на свежем воздухе всегда быстрее высыпаешься), в голову опять полезли «лишние мысли»— баркас, азимут, Мишка, загадочная, интересная жизнь... Куда они задумали плыть? Вдруг решили махнуть в Севастополь? От зависти ну прямо умереть можно! Увидят боевые корабли, памятники, Малахов курган, а он, Борис, видел это только в кино, один раз. -

И вдруг у него родилась идея, такая простая, что можно только диву даваться. Он быстро оделся и поскорей унесся со двора, пока не проснулись родители и не послали его продавать фрукты. И несмотря на то, что отец отчислял ему определенный (им самим, отцом) процент от выручки, Борису было стыдно торговать фруктами, уж лучше билеты в кино перепродавать, билеты хоть взвешивать не надо в сетке на допотопном безмене. Тем более отец запрятал в сетке рыболовные грузила и покрасил черным, чтобы незаметно было, что обвешивают.

Как и ожидал Борис, у шлюпки «НАПАВТАЛ» никого не было. Шлюпка лежала вверх дном, потому что Мишкина команда вот уже второй день конопатила днище. Борис приподнял борт и юркнул внутрь. Он надеялся: вдруг удастся услышать, что означает название шлюпки. Начнут болтать о чем-нибудь, глядишь, и проболтаются.

Ждать ему пришлось недолго, каких-то полчаса. Мишкина команда тоже подолгу не залеживалась в кровати. Не то, что, например, Хихикало. Его и в десять не добудишься. Ну, Молчун еще куда ни шло, рано встает, собаку прогуливает, а так бы тоже спал до обеда.

— Я у сторожа четыре молотка достал и четыре долота,— послышался голос Михаила. — Теперь-то работа быстрей пойдет! — Он помолчал:— Трусы несчастные... От Борьки бегаете! Вы же его тогда повалили!

— Ну, повалил, — заискивающе сказали Мошкины. — Так у него же тогда рука была связанная!

— А вчера у него были руки развязанные, — заметил Женька. — Он же сильнее, это они случайно тогда.

Борис удовлетворенно улыбнулся под шлюпкой.

— А Борис еще и собаку может науськать, — продолжали оправдываться Мошкины.

— Вот дам вам испытание на смелость, — пригрозил Михаил.

— Что? — испугались Мошкины. Женька сказал:

— Не надо.

— Ты меня уже испытывал, — запротестовали Мошкины.

— Мало. Могу еще. Тут недалеко я склад обнаружил: две злющие собаки охраняют. Через двор склада две проволоки натянуты. А цепи у собак сквозь эти проволоки продеты. Ну, собаки вдоль них и носятся на цепях. Если даже друг на друга кинутся, не могут достать, — полметра не хватает. Вот и пробежите между ними, — сурово сказал Михаил.

Мошкины убедительно молчали.

— Не надо, а? — повторил Женька. — У меня грудь шириной, наверное, в сорок девять сантиметров, а между собаками, говоришь, полметра!

— И я вдвоем — тоже широкий, — как всегда, в один голос с опаской заметили Мошкины.

— А вы — боком, — насмешливо посоветовал Михаил.

— Я не умею, — заныли Мошкины.

— Потренируетесь, — все так же насмешливо заметил Михаил.

«Во дает!» — с уважением подумал Борис.

— Нет, давай так, — предложил Женька. — Мы никого теперь — втроем! — уточнил он,— больше бояться не будем — никогда! — снова уточнил он, — только, пожалуйста, не надо испытания на собак!

— На что? — спросил Михаил. — Я сказал: «Испытание на смелость...» Ну ладно, — смягчился он. — Раз вы обещаете никого не бояться, придется вам снова поверить. — Испытание... на собак отменяется. Я шутил. Я вам верю.

Женька и Мошкины облегченно вздохнули.

— Начали! — скомандовал Михаил.

И тут... над головой Бориса застучало, загрохотало! Это Михаил, Женька и Мошкины вставляли жгуты пакли в пазы и дружно колотили тяжелыми молотками по долотам, шпаклюя днище баркаса. В голове Бориса тоже неимоверно застучало и загрохотало, как и над головой! Он зажал уши руками. Ему казалось, что он сидит внутри огромного барабана. Сверху сыпались труха, пыль, кусочки смолы лезли в глаза, в нос, за пазуху. Борис на четвереньках перебрался под самую корму шлюпки, но и здесь все сотрясалось, стучало и стонало, хотя и не так сильно. Тончайшие, как волосок, солнечные просветы вверху, в пазах днища, наглухо закрывались темнотой, которая неумолимо приближалась к нему вместе с яростным грохотом молотков, забивающих паклю в щели.

В редкие секунды передышек, когда казалось, что лоб расколется от невыносимого стука, Борис услышал несколько обрывков фраз:

— А скоро мы шлюпку сделаем? — спросил Женька.

— Скоро, — сказал Михаил. Опять грохот.

...Грохот стих. Борис насторожился, но в ушах по-прежнему колотили молотки.

— Нужно бухту спокойную найти, походить под парусами... для «Напавтала» пригодится...

Снова грохот, на этот раз колотят вразнобой, будто на весь мир отстукивают «точки» и «тире», как в азбуке Морзе. И в паузах между этими «точками» и «тире» можно услышать голоса Мошкиных:

— ...тут...азные...ухты! — галдят они. — ...Капита... кая.... ухта! ...олу-бой...алив!

«Тут разные бухты! — догадался Борис. — Капитанская бухта! Голубой залив!»

И вновь дружный стук, от которого волосы встают дыбом. Больше он ничего не услышал. И если бы «мореплаватели» не сделали перерыв, чтоб искупаться, Борис, наверное, оглох бы на своем посту.

Выбравшись из-под баркаса, Борис пополз к старой пристани, скрываясь за валунами. В ушах гудело, стучало, барабанило. «Неужели навсегда!» — испугался Борис. Стук то нарастал, то затихал, то начинался с новой силой. Борис даже оборачивался не один раз на шлюпку (может, оттуда стук доносится?), но там никого не было. Мальчишки кружили в море у скалы, которая то скрывалась под волной, то высовывалась, как тонущий пловец.

Молотки стучали у Бориса в голове почти весь день. Когда он слышал цоканье женских каблуков на улице, или звяканье ведра, или стук яблок, срывающихся в саду, его передергивало. И когда Хихикало, слушая его рассказ, машинально забарабанил пальцами по колену, ну совсем-пресовсем беззвучно, Борис вскочил и закричал:

— Да тише ты! Тебя бы туда!

Молчун кивнул.

— А ты молчи, — обиделся на Молчуна Хихикало, хотя тот не сказал ни слова. — Тебя не спрашивают!

— Что такое «Напавтал», я не узнал, — закончил Борис. — Одно ясно: собираются пока в бухты плыть.

— Надо быстрей ломать, — заявил Хихикало, — пока в бухты не поплыли.

Борис недвижно глядел куда-то сквозь него. В себя.

— Спокойно, — не сразу сказал он. —Шлюпка будет наша.

— Уведем? — загорелся Хихикало.

— Уведем, — подмигнул Борис. — Только не сейчас.. Не сейчас.

Спортучеба: «Делай, как я!»

Михаил был доволен. Он ворчал на Женьку и Мошкиных, подгонял их: «Надо спешить, спешить!», но в душе был доволен. Он был доволен потому, что с каждым днем шлюпка все больше напоминала Настоящую Шлюпку. Заменили оба фальшборта и срединные неустойчивые шпангоуты, зашпаклевали днище и борта, вставили уключины для будущих весел, а главное, сделали новую транцевую доску кормы.

— Транцевая доска, сокращенно транец, — объяснял команде Михаил и показывал, — изготовлена из двух — дубовых! — досок. Транец врезан в ахтерштевень нашего шестивесельного яла. Видите? — снова показывал он и сожалеюще причмокивал. — Рассохся наш транец от старости. А с таким корма шлюпки развалится.

— Развалится, — соглашалась команда.

Михаил замерил портновским сантиметром размеры двух досок транца:

— Надо доски искать — дубовые. Можно было бы на «кладбище шаланд и шлюпок» выпросить, да там нет — я уже ходил, смотрел. Других-то деталей полно, а подходящего транца там нет, — повторил он.

Поначалу опять выручил старый знакомый, как называл сторожа пристани Женька Енохин. Михаил как-то с ним заспорил: «Новый знакомый»! На что Женька сказал: «Но он же старый. И он знакомый. Значит, старый знакомый». Они вновь помогли сторожу: на этот раз починить ворота — особенно Мошкины старались. Ну и сторож помог: подарил обширный дубовый пень. Из такого пня не один, три транца можно сделать! Свободно.

А сделали так. Пень сплавили морем, в бухточку к шлюпке. Михаил наметил мелом на срезе силуэт транца точно по размерам прежнего. Мошкины углубили этот чертеж долотом. А затем взялись за ножовку. Ножовка сразу застряла.

— Коротка, — посочувствовал Женька.

— Дуб! Тут и двуручной пилой не управиться! — расстроился Михаил, и «мореплаватели» сели на «чертеж», размышляя, что же такое предпринять умное.

— Я знаю,— вскочили Мошкины и куда-то унеслись. Вернулись они с тележкой.

— Где взяли? — нахмурился Михаил.

— Наша тележка,—рассердились Мошкины. — Домашняя.

— Куда повезем? — засуетился Женька.

— В порт, — ответили Мошкины. — Там лесопильная мастерская. И пила должна быть. Циркулярная.

Борис и компания, как всегда подглядывающие за врагами, страшно поразились, завидев пень, который дружно везли куда-то на тележке ребята.

— Опять что-то задумали, — с завистью сказал Борис.

Пень был срочно доставлен в лесопильную мастерскую, где, как правильно подозревали Мошкины, обязательно должна была быть циркулярная пила. Она была! Она с воем перегрызала толстые бревна! Она разбрасывала опилки, сверкая быстрыми зубьями!

Борис, Молчун и Хихикало, взобравшись на дерево, продолжали наблюдение. Мишкина команда о чем-то просила человека в спецовке, заведовавшего пилой. За шумом пилы не было слышно голосов. Человек отмахнулся и снова принялся за работу. Но мальчишки не отставали, они подкатили свой чурбан поближе и сели на него. Человек оглянулся. Они жалобно глядели на него. Он застеснялся и отвернулся, чтобы их не видеть. Они тут же встали, перекатили чурбан на другое место и снова оказались на виду. Человек, опять отвернувшись, мрачно продолжал распиливать бревна, выползающие на помост по конвейеру.

Вот он распилил очередное бревно и машинально протянул руку за новым. Вместо бревна по конвейеру поднялся дубовый чурбан. Человек выключил рубильник, наступила тишина. Он строго взглянул на мальчишек внизу. Теперь они отвернулись.

Снова взвыла пила, и они заулыбались.

— Доконали все-таки, — невольно улыбнулся и Борис.

Когда мальчишки положили две дубовые доски транца на тележку и весело замахали руками,

прощаясь с человеком в спецовке, Борис сказал:

— Доски какие-то выточили. А зачем? — И сам себе ответил: — Для шлюпки, конечно.

Хихикало деланно поморщился. Молчун кивнул.

И это было не единственным, что поразило их воображение в последние дни. Компания Бориса забросила свои прежние занятия, все время только и следила за Михаилом и его друзьями. Следила и завидовала, боясь признаться в этом друг другу. Они видели издали, как Михаил обучает мальчишек плести канаты, читает им вслух какие-то толстые, наверняка морские, книги, что-то объясняет, чертит палочкой на песке.

А сама шлюпка! Она становилась все новей и новей, она как будто молодела прямо на завистливых глазах: новенькая корма, новенькие сиденья, днище покрашено красным свинцовым суриком, а уключины, оттертые наждаком, чуть ли не вспыхивали, будто никелированные!.. А Мишкина команда то и дело наведывалась на «кладбище» шаланд и шлюпок и, придирчиво выбирая, отдирала всякие нужные детали от списанных посудин.

«Себе, что ли, баркас отгрохать?» — не раз мелькала у Бориса увлекательная мысль, но он чувствовал, что не сладит с таким сложным делом. «Знаний мало», — честно признавался он сам себе.

К тому же — это его совсем доконало! — Мишкина команда подружилась с бывалым капитаном портового буксира. Это был тот самый капитан, который помог Михаилу с Женькой доставить шлюпку на заброшенный пляж. Он уже дважды приходил на ребячью «верфь», придирчиво осматривал ял и подсказывал что-то, наверное, очень умное. А он, Борис, перед которым дрожала не одна приморская улочка, должен был глядеть на все это издали, прячась со своими бездарными дружками, вместо того, чтобы самому сооружать взаправдашнюю шлюпку и водить знакомство с капитаном буксира.

«Почему у меня отец не капитан? — задавал себе Борис вопрос, который, вероятно, задают себе сотни тысяч мальчишек земного шара. — Вон у Женьки отец — капитан. А они себе еще и второго капитана завели! Ну, пусть у меня отец не капитан, — размышлял Борис,— но кто мешает капитанам со мной водиться? Неужели я хуже какого-то Мишки?! Я тоже могу подзубрить какие-нибудь нужные книжки и выучить морское дело назубок. Запросто! Стоит только захотеть!»

Но хотеть-то он хотел, желания было много, а толку... Дни пролетали в какой-то пустоте, а дальше желания дело не шло. Все оставалось на своих местах, и все оставались при своем: Михаил, Женька и Мошкины — при шлюпке, а Борис, Хихикало и Молчун — где-нибудь за валунами или забором, откуда удобно следить. Вот хотя бы вчера! Что они увидели?

Капитан буксира опять пришел на ребячью «верфь», поговорил с мальчишками, и они разделились — Женька с Мошкиными побежали куда-то в город, а Михаил с капитаном зашагали к порту. Борис хотел было послать своих дружков за Женькой и близнецами, а сам отправиться за капитаном и Михаилом. Но дружки воспротивились: за капитаном и Михаилом следить было гораздо заманчивей. Надавал бы им Борис за своевольство, да боялся упустить Михаила.

— Попомню, — он показал Молчуну и Хихикало два кулака — каждому по одному — и заторопился к порту.

Капитан с Михаилом остановились у «яхт-клуба». Это был списанный по старости пароход, с яркими спортивными флагами, пришвартованный к гулкому железному причалу на бетонных сваях. С борта парохода свисали автомобильные скаты, чтобы он не бился корпусом о причал. Возле причала, на берегу, в эллинге за зеленым штакетником стояли большие,

«взрослые» яхты и маленькие, «детские» швертботы. Борису было давно известно, что у этих швертботов с обрубленными носом и кормой звучное название «Оптимист». Класс такой, спортивный. А слово «оптимист», как объяснил когда-то Борису один знаток, переводится на русский язык так: «Веселый и смелый человек». Удачно назвали, на такой скорлупке, не намного длиннее обычной ванны, могли отчаяться выйти в море, конечно же, только веселые и смелые люди. Таковых в городе еще не было. «Яхт-клуб» всего лишь с месяц назад получил несколько детских швертботов. Собирались открыть пионерскую секцию, но объявление пока не вывешивали. Борис пытался разведать, что и как И ему четко сказали: будут брать только «сознательных», отличников (и то не всех!) и, главное, — ПЛАВАТЬ разрешат только тем, кто на «отлично» станет учиться в секции (снова — не всем!). Да и случится это разве что на следующее лето (значит — не сразу!), а в этот год, может, начнут пока лишь занятия по теории.

Сплошное расстройство, уж лучше бы и не привозили эти замечательные швертботы, потому что плавать на них ему, Борису, при его-то отметках в школе, совсем не придется. Борису оставалось только беспомощно любоваться недосягаемыми яхточками, сверкающими белой эмалевой краской. А вот плавать на них будут совсем другие...

Гладкие рельсы спускались от эллинга в воду, электрический тельфер мог легко поставить любую яхту прямо навстречу морскому солнечному простору. А там — лети, расправив крыло паруса, если... ты умеешь и если тебе разрешат.

Капитан поговорил с дежурным, тот вынес невысокую мачту со свернутым парусом, а Михаил помог укрепить ее в гнезда, сел в швертбот, поставленный на специальную тележку, — и заскользил по рельсам в море. И вот металлическая тележка ушла под воду, и освободившийся «Оптимист» — с Михаилом! — закачался на волнах.

Михаил мгновенно развернул парус, натянул шкоты, и швертбот, выгнув парус, поплыл вдоль берега.

— Правым галсом пошел, — одобрительно заметил дежурный капитану и нажал рубильник, тележка со скрипом выползла на тросе из-под воды. — Пусть в любое время приходит, раз такое дело.

Борис чуть не застонал от беспомощной злости. Его, коренного жителя, старожила, ни за что не примут в «яхт-клуб», и не надейся: поведение не такое, учится не так, то да се... А тут приезжему, курортнику, доверили — по блату!

— Чемпион, — коротко сказал капитан, глядя вслед уносящемуся швертботу.

И Борис раздраженно вспомнил, что Михаил — чемпион Москвы, судя по тому самому снимку с «кулаками» в Женькином журнале, и разозлился еще больше. «Все равно по блату дали, даже документик свой чемпионский не показывал!» — расстроился он.

А парус нырял уже вдали от берега, уходя в сторону ребячьей «верфи».

Капитан попрощался с дежурным и направился в ту же сторону. Борис мигнул Молчуну и Хихикало, и они двинулись за капитаном с таким видом, будто им по пути.

Перед «верфью» пришлось отстать, капитан встал на валун рядом со шлюпкой «Напавтал» и, хотя он смотрел на парус швертбота, все равно мог их заметить, если вдруг оглянется. А Борису не хотелось, чтобы капитан догадался, что они шпионят. Кому это охота?!

Поэтому они обогнули заброшенный пляж и укрылись за скалистой грядой, довольно далеко от капитана. Мишкин швертбот приближался к берегу. Внезапно троица наблюдателей увидела, что капитан почему-то шагает к ним, к их укрытию.

Борис, Молчун и Хихикало, отступая, поползли, отчаянно работая локтями и коленями, к другой скалистой гряде и спрятались за ней. Когда они осторожно высунули головы, капитан стоял на камнях над их прежним укрытием и смотрел на море.

С нового места Борису и компании не видно было даже берега, лишь парус швертбота, который плыл, казалось, у самых ног капитана. Приложив руку козырьком ко лбу, он смотрел куда-то влево от паруса. И неожиданно Борис увидел другой парус за обрезом скал, большой квадратный парус на высокой мачте и три головы — это были Женька и братья Мошкины. Мачта гнулась, плескался парус, они тянули за шкоты, а Михаил, приближаясь к ним на швертботе, кричал:

— Делай, как я!

Ветер звонко доносил его голос, словно Михаил был совсем рядом, в нескольких метрах.

— Откуда... у них яхта? — пробормотал Хихикало. Молчун закивал. Михаил лавировал, щеголяя маневренностью швертбота, и подавал команды:

— Поворот оверштаг!.. Показываю!.. Правый галс!.. Левый галс!.. Делай, как я!

Женька и Мошкины боролись с парусом, тянули за шкоты в разные стороны, а над их головами вскипало море мелкой зыбью до самого горизонта.

— А может, у них плот? — спросил Борис.

— Когда бы они его сделали?! Мы бы знали! — возразил Хихикало.— Не иначе чья-нибудь яхта! Но чья? Где добыли?

— Чья! Где! — взорвался Борис. — Приказывал: следите!

Вдруг от резкого рывка Мошкиных мачта накренилась и рухнула, парус накрыл головы мальчишек.

— Кораблекрушение!— вскричал Борис, вскакивая.— Спасайте!

Капитан обернулся и даже вздрогнул от неожиданности.

Мошкины барахтались на берегу под большущим, привязанным к шесту для сушки белья белым пододеяльником. Ветер пытался раздуть его, как шар, врываясь сквозь квадратное отверстие, через которое обычно заправляют внутрь одеяло. Михаил кружил неподалеку от берега, разбивая носом швертбота волны.

— Ха-ха-ха!.. — захохотали, схватившись за бока, Борис и Хихикало. А Молчун от восторга захлопал руками по голому животу.

Женька и Мошкины, наконец, освободились от пододеяльника и опять начали устанавливать «мачту с парусом».

— А ты говоришь, шлюпку уведем, — заметил Борису Хихикало.— Вон они на берегу и то перевернулись.

— Спокойно, — ответил Борис. — Сначала вотремся к ним!

— В доверие? — оживился Хихикало.

— Куда ж еще? — сказал Борис и многозначительно щелкнул пальцами.

«Никогда бы не согласился...»

В один прекрасный штормовой день, когда волны еще вдали одевались белыми шапками, Михаил и Женька орудовали молотками на своей «верфи». За шумом моря они не заметили, как к ним подошел капитан буксира.

— Нептун в помощь! — приветствовал он их.

— Здравствуйте! — обрадовались ребята.

— Неплохо, — обошел капитан вокруг шлюпки.

— Хорошо! — воскликнул Женька, любуясь своей работой, и почему-то с опаской взглянул на капитана.

Женька не ошибся...

— Значит, в Таллин плыть задумали? — вдруг весело спросил Михаила капитан.

Михаил обернулся к Женьке. Тот поспешно отвел взгляд.

— Предал? — вскипел Михаил.

Капитан положил ему большую ладонь на плечо.

— Почему уж так сразу предал? Он посоветовался со мной как моряк с моряком. И знаешь, коллега капитан, — он так и назвал его «коллегой капитаном», Михаил даже порозовел от смущения, — у Евгения твоего серьезнейшие сомнения в вашей затее.

— Думаете, не справимся? — обиделся Михаил.

— Справиться-то вы, может, и справитесь. А вот отпустят ли вас родители?

Михаил молчал.

— Понятно, — кивнул капитан. — Тайком хотели? Милое дело. Я сам, когда мне лет девять было, словно «морской волчонок» Майн-Рида спрятался в трюме рыбацкой шаланды.

— Ну, и?.. — округлил глаза Женька.

— Вернули, — весело ответил капитан. — С моря вернули, а на берегу выпороли. Я это к чему, — посерьезнел он. — Вот вы все вроде бы продумали. А ведь вас через первый же шлюз на Волго-Донском канале не пропустят. Кто да что? Право на вождение? Откуда и куда, господа?

Михаил продолжал угрюмо молчать.

— Представь,— сказал капитан.— На Волге такое судоходство! Если все, ну, пусть не все, а такие, как вы, начнут по ней рейсовать — половина пароходов на мели сядет.

— Мы же днем, — промямлил Михаил. — А если ночью, то мы зажжем топовые огни на мачте.

— Топовые... Утоповые, — проворчал капитан. — У меня к вам предложение.

Михаил недоверчиво посмотрел на него. — Вместе пойдем. Я с вами. И отца Евгения я

хорошо знаю. Думаю, что и он согласится.

— Мы сами хотели. А так — неинтересно,—разочарованно хмыкнул Михаил, хотя Женька шипел: «Соглашайся! Соглашайся!»

— Ты неправильно понял, капитан. Мы свою яхту соорудим. И будем идти у вас в кильватере.

— Ну, это еще куда ни шло, — повеселел Михаил. — Мы сами по себе? А вы сами по себе?

— Конечно. Только шлюзоваться вместе будем и стоянки будут общие на берегу.

— А вы не передумаете за два-то года? — прищурился Михаил.

— Если я сейчас не передумал, то через два года и подавно. Во-первых, вы значительно подрастете. Во-вторых, опыта поднаберетесь.

А в-третьих...

— А в-третьих, — взволнованно перебил капитана Женька, — маму мою с собой не берите! Она меня сразу в вашу яхту пересадит!

— Обещаю, — заулыбался капитан. — Постараюсь.

— Обещаете или постараетесь? — наседал Женька.

— Обещаю постараться, — ответил капитан.

— Не знаю даже... — вздохнул Михаил.

— Ты о плавании «Ра» слышал? — вдруг спросил капитан.

— Слышал и видел... по телевизору, — сказал Михаил. — А что?

— У них рация была?

— Была.

— Считай, что мы будем вроде бы вашей «рацией» — на всякий случай. И в Азовском море, и на Волге, уж не говоря о Ладожском озере и Финском заливе, очень неспокойно бывает. Подаете «SOS», мы тут как тут. Я не о тебе беспокоюсь, а о твоей команде, — подчеркнул капитан.

— Ладно, — снова вздохнул Михаил. — Согласен. — И хитро спросил:— А как же пятнадцатилетний капитан у Жюля Верна?

— Так тебе же пятнадцать будет, а команде твоей лишь по одиннадцать-двенадцать, — в тон ему заметил капитан.

На это Михаил не нашелся что ответить, зато он сказал другое:

— Ни за что бы не согласился, если б... — и умолк.

— Если б что? — переспросил капитан.

— Не подумал я, что вернуть нас с пути могут, да и в шлюзы не пустят.

— Плохой ты капитан, значит, если все не продумал.

— Он постарается хорошим стать, — торопливо вставил Женька.

— До свидания, — капитан попрощался с ребятами за руку.

— Правда ж, я не предатель? — просиял Женька.

— Ты не предатель, ты — болтун, — сказал Михаил. — А может, и к лучшему... Поживем — увидим.

— Ну, да, — не понял его Женька. — Еще до Олимпиады ох сколько!

Первая неспортивная мечта Бориса

«Нас принимают в команду,— размечтался Борис.— Строим шлюпку вместе. Мишка парусам нас обучит... «На свою голову», — хихикает Хихикало. «А потом... — продолжал Борис, — мы захватим шлюпку...»

Ах, эти мечты! Воображение Бориса рисует удивительные картины. Отчаливает шлюпка от берега, нет, не шлюпка, а стройная бригантина с многоэтажными парусами. Важно крутит штурвал Борис, Михаил прокладывает курс по карте, Женька и Мошкины драют швабрами палубу, а Молчун и Хихикало — впередсмотрящие. Но вот они смотрят назад, а не вперед. Борис подает им знак. Мгновение — Молчун и Хихикало, юркнув в капитанскую рубку, появляются каждый в пиратской треуголке, охотничьих ботфортах, с музейными кремневыми пистолетами в руках.

Борис тоже преображается! В шляпе с огненно-красным пером, с черной повязкой, закрывающей правый (нет, лучше левый) глаз, с тремя кремневыми пистолетами за поясом, он высоко поднимает вверх кривую абордажную саблю.

«Бунт на корабле! — мужественным голосом вопит он. — Всех за борт!»

Воткнув саблю в палубу, он набрасывает ковбойское лассо на перетрусившего Михаила. Рывок — и Михаил шлепается у ног Бориса. Раз-два-три! — Михаил спеленут лассо с ног до головы, туго, витком к витку. Четыре-пять! — Борис, разжав витки веревки своими стальными пальцами, выхватывает у Михаила заветную пробирку с «нитроглицерином». Пробирка летит далеко в море. Ужасающий взрыв! Всплывают оглушенные акулы Черного моря — катраны.

Мошкины, опомнившись, срывают с противопожарного щита топоры. Бах!.. Бах!..—меткие выстрелы Молчуна и Хихикало выбивают топоры из рук кровожадных близнецов. Женька, тоже опомнившись, выхватывает из тайника охотничью двустволку. Бабах!—оглушительный выстрел Бориса расщепляет стволы ружья в разные стороны. (Стволы аж загибаются, как баранки!) «Пощадите! — умоляют Женька и Мошкины, встав на колени. — Мы больше не будем!» По щекам у них могучими ручьями текут слезы!

«Всех за борт! — вновь мужественно вопит Борис, ловко рассекая саблей лассо, опутывающее Михаила. — А то еще утонет, отвечай за него!»

Хихикало и Молчун сталкивают Женьку и Михаила за борт. (До берега рядом — доплывут!) Мошкины затряслись от страха, когда Борис решительно направился к ним, заложив обе руки за пояс, — и спрыгнули за борт сами. (Нет, пусть лучше Мошкины останутся!)

«Сюда!» — командует Борис, бросая им в воду конец каната.

Мошкины послушно карабкаются на борт. (Они будут шкоты травить! Работать!)

Мошкины вовсю работают с парусами, а Борис и компания, удобно развалившись в шезлонгах, загорают на солнышке, потягивая лимонад из бутылок. И внимательно изучают курс, проложенный Михаилом на карте. (Стрелка указывает на необитаемый остров — атолл, когда-то открытый пиратами, а потом Михаилом, который раскопал эту карту в московской библиотеке, потому что дуракам — счастье! А иначе куда ж он собрался плыть?! «Напавтал»? Значит, «На пиратский атолл в тайной лагуне».)

Как это удалось разгадать Борису, не очень-то любившему читать книги? Совсем недавно он листал дома со скуки журнал «Вокруг света», оставленный кем-то из жильцов. И вдруг наткнулся на статью о пиратах. И как-то получилось, что внимание его привлекли слова: «пираты», «атолл», «тайна», «лагуна»... Вот так и совпало внезапно: «На пиратский атолл в тайной лагуне». Из статьи Борис понял, что атолл — это узкий коралловый остров в виде слегка надорванной баранки. А лагуна — это бухта внутри атолла. Пираты любили прятать сокровища на разных атоллах, по берегам лагун!

Но продолжим рассказ о мечте Бориса... Через месяц-другой...

«Земля!» — впервые в жизни говорит Молчун, завидевший с грот-мачты атолл, покрытый пальмами (банановыми).

Корабль бросает якорь в лагуне. (Якорь бросают Мошкины, он тяжелый!) Салют из пушки! (Если удастся ее стянуть со двора краеведческого музея, где она напрасно ржавеет!) И на берег! Ура!

На атолле живут гигантские черепахи, пальмовые крабы, одичавшие свиньи, когда-то завезенные пиратами. И нет ни одной школы! (Необитаемый остров-то).

— А еще, — рассказывал потом о своих мечтах Борис дружкам,— там две развалины: одна — старая крепость с глубокими подвалами и с подземным ходом, а еще — изба, окруженная частоколом, как в фильме «Остров сокровищ»! Живи — не хочу!

— Еще как хочу! — загорелся Хихикало, а Молчун весело кивнул.

— Сокровищ никаких мы, конечно, не найдем, — продолжал Борис,— врать не буду. Ну, разве что в избе —куча пиратского оружия, сабли там, шпаги с драгоценными рукоятками из бриллиантов, изумрудов и плексигласа. Зато в подвалах крепости — старинные бочки с напитками! Лимонад, крюшон, квас — пятисотлетний! Вкусные, ох!..

Хихикало и Молчун мечтательно задумались: ешь себе дикий виноград, втрое крупнее домашнего, пей из старинных кружек смешанный с лимонадом крюшон, а с крюшоном — квас, а с квасом — вкуснейший напиток «Компот венгерский», играй себе в домино — красота!

...Борис, Молчун и Хихикало сидели на песке за каменистой грядой и зачарованно смотрели друг на друга, не видя друг друга.

— А Фантомас? — очнулся Хихикало, взглянув на Молчуна.

— Возьмем с собой, — сказал, остывая, Борис. — Во с какой костью бегать будет! — и широко, до предела, растопырил руки.

Борис и Хихикало помолчали. Молчун тоже «помолчал». Когда он хотел что-то сказать, у него были особенные глаза и вообще такой вид, что можно было подумать: он говорит, а не молчит. Это сразу чувствовалось. Он и в школе-то не говорил, характер такой, как определили врачи-психиатры, к которым водили его родители — любители поговорить. В школе он отвечал на вопросы учителей только письменно. По всем предметам. А поскольку

он делал много ошибок, запятая не там или слово «прибавить» написано «пребавить», то ему все время снижали любую отметку на «единицу». Его напугала в детстве большая собака, и он не «захотел» с тех пор разговаривать. Очень боялся, что заикаться будет. И поэтому не решался. И заставить его никто не мог. Ребята считали его умным за молчание, а он и в самом деле был вовсе не глуп. Когда родители по совету врача купили ему огромного пса, надеясь, что это его излечит (клин, как говорится, вышибают кликом), он, даже молча, так воспитал собаку, что она слушалась Малейшего движения его бровей — а это не каждый сумеет!

— ...Ну а потом в Капитанскую бухту поплывем, в Голубой залив,— грустно сказал Борис, глядя на бурливое море. — Или еще в какую... — вспомнил он разговоры, подслушанные под шлюпкой.

— А потом чего? — спросил Хихикало. Молчун кивнул.

— А ничего! — вскипел Борис. — В домино и здесь играть можно!

— А для чего они туда собираются? — настаивал Хихикало.

— А я почем знаю! С какой-то очень далекой целью, а не просто так. Делай, как я, понял? — съязвил Борис.

Он внезапно понял, что ни в какую пиратскую лагуну Мишка плыть не собирается. Откуда лагуны и атоллы в Черном море возьмутся?

Поэтому весь этот день Борис думал, что же такое сделать «как я», чтобы Мишка и его друзья приняли их в свою команду.

— Придумал! — заявил он вечером дружкам во дворе Молчуна.— Напугаем, а потом спасем! Мишка тогда сам нам все-все доверит!

— А как пугать будем? — спросил Хихикало.

— Проще пареного. Пойдет куда-нибудь Мишка вечером, а ты с Молчуном в масках, рраз его и в мешок! «На помощь!» — закричит Мишка. — «Спасите!» А я тут как тут. Бац — тебе, бац — тебе! А вы: "А-а-а-а!» — и бегом. Мишка пожмет мне руку. «Вовек не забуду,— скажет он. — По гроб жизни запомню! Приходи завтра, — скажет,— в 7.00!»

— Хитрый какой, — расстроился Хихикало. — Мне — бац! Ему — бац! А тебе?

Молчун уныло кивнул.

— Я же вас понарошке, еле-еле, — сказал Борис.

— Ты-то, может, и понарошке, — сомневался Хихикало. — А Мишка, он, может быть, и взаправду. Хорошо еще, если кулаком стукнет, а не колбой с этим... взрывным глицерином по голове!

— Не успеет, — неуверенно убеждал Борис. — Вы его рраз...

— А он — два! Нас обоих! — разволновался Хихикало. — Спасибо. Молчун достал из кармана блокнот и написал: «Не согласен».

— А как же его напугать и спасти?—озадачился Борис.

— Проще пареного, — ответил Хихикало. — Ты на него нападешь в маске, а мы спасем!

«Согласен», — быстро написал в блокноте Молчун.

— Спасибо, — разволновался Борис. — Вам нельзя, а мне, значит, можно... Колбой по голове?!

Взгляд его упал на пса Фантомаса, который самозабвенно гонялся по двору за воробьями.

— Напустим на него собаку, а потом спасем! — воскликнул Борис.— А? — И сам себе ответил: — Гениально!

— Они нас сразу примут! — воскликнул Хихикало. И мрачно сказал: — Нет. Мишка собаку в лицо знает. Догадается.

— Не догадается, — весело заявил Борис. — Сделаем так, по плану..

Когда дружки затаив дыхание услышали, что им предстоит сделать, Хихикало восторженно закудахтал, а Молчун молча «сказал», что план — грандиознейший, похлопав себя ладонями по животу от восторга. Но затем вдруг притих, грустно погладил своего Фантомаса и, вынув из кармана блокнот, написал: «А может не надо? Жалко!»

— Надо, — сказал Борис. — Ничего с твоим псом не случится. Не полиняет.

— Вперед! — воскликнул Борис.

И они отправились в магазин «Парфюмерия». В витринах магазина висели красочные рекламные плакаты. На одном из плакатов была нарисована девушка, она улыбалась, длинные ее волосы поднял ветер, как два крыла. Справа волосы были угольно-черные. А слева — белые, точно снег. На них падали лучи в виде кисточек от коробки с надписью «Лондаколор», изображенной в небе вместо солнца. Все это означало, что можно — за здорово живешь! — запросто перекрасить волосы!

«Может, не надо?» — снова написал Молчун в блокноте.

— Надо, — снова сказал Борис.

Они вошли в магазин и купили заветную коробку «Лондаколора». Фантомас, оставленный на улице, недружелюбно смотрел на них из-за стекла, словно предчувствуя что-то нехорошее. Ведь собакам передается настроение хозяев. А настроение у Молчуна было самое паршивое, об этом догадался бы любой человек, взглянув на него, не то что собака.

Самые худшие опасения Фантомаса оправдались через каких-то полчаса, когда Борис в укромном месте за старой пристанью распечатал коробку и высыпал порошок в таз с водой. Хихикало начал размешивать жидкость широкой малярной кистью. Молчун держал собаку за ошейник. Фантомас, не смея рыкнуть на хозяина, сдержанно рычал на Бориса и Хихикало. Предстоящая процедура ему явно не нравилась.

— Всю жизнь заикаться будут, — затрясся от смеха Хихикало и осекся, посмотрев на Молчуна. — Не бойся, не заикнутся. Мы же их спасем, как только они с перепугу на дерево залезут.

...Михаил, Женька и Мошкины обычно возвращались домой после работы по узкой улочке вдоль говорливого ручья. Вода в ручье была такая холодная, что даже не успевала нагреться, хотя и пробегала долгий путь к морю. Поэтому идти по улочке было особенно приятно душным вечером. Здесь всегда веяло прохладой, словно от вентилятора, поставленного в открытый настежь холодильник.

— Досок-то полным-полно, — тараторил Женька. — А вот с парусом совсем плохо.

И тут... Ужас! Из-за угла выскочил огромный, белый как снег зверь с красной пастью!

«Р-р-р-р!» — зарычал он на весь город. Со зверя падали наземь густые белые капли, а лапы оставляли белые следы.

Следом за ним выскочил Молчун, но «спасать» уже было некого. «Спасаемые» перемахнули через забор. Но они могли бы и не удирать. У Фантомаса была своя цель. Он с ревом плюхнулся в ручей, и вода вокруг него окрасилась в белый цвет,

Из-за угла высунулись Борис и Хихикало. Завидев их, Фантомас выпрыгнул из ручья и, обогнув Молчуна, растопырившего руки, помчался к своим «мучителям». Они с воплем понеслись от него по переулку и с неимоверной скоростью залезли на дерево. Это была тонкая молодая липа, она трещала и гнулась под их тяжестью. Фантомас кружил вокруг деревца, показывая обидчикам внушительные клыки. Завизжав от ярости, он подпрыгнул, содрав когтями длинные ленты коры. Ломая сучья, Борис и Хихикало полезли еще выше.

— Спасите!—завопили они.

Подоспевший Молчун демонически посмотрел на пса и кивнул. Фантомас, виновато потупив глаза, тоже кивнул и сел у ног хозяина. Молчун вынул блокнот и написал крупными буквами:

«Слезайте»,— и показал ребятам.

— Не слезем, — дружно ответили Борис и Хихикало.

Спортучеба: «Испытание на шторм»

— Бешеный, — сказал Женька, когда беглецы отдышались. — Бешеный леопард. Видали, как с него пена капала!

— Конечно, бешеный, — сказали Мошкины. — Первый раз такую зверюгу вижу.

— Откуда он — леопард?!—неуверенно возразил Михаил.

— Откуда? С гор, наверное спустился, — облизал пересохшие губы Женька.

— А чего он в городе не видел? — заметил Михаил. — Зачем он сюда прибежал?

— Я же сказал, потому что бешеный, — отрезал Женька. — Бешеный леопард.

— А может, барс? — буркнул Михаил.

— Ну, пусть барс, — соглашался Женька. — Бешеный барс.

— А по-моему, не барс и не леопард, — задумчиво сказал Михаил. — Похоже, злая собака. Большая злая собака.

— Большая, злая и бешеная собака, — уточнил Женька, — если ты хочешь. Но таких огромных собак не бывает!

— Да хотя бы у Молчуна не меньше, — возразил Михаил.

— Держите меня...— засмеялись Мошкины.— У Молчуна — с большого теленка, а этот — с маленького быка!

— Может, пойдем посмотрим? — предложил Михаил. «Капитану» было стыдно перед

«командой» за свой испуг.

— В другой раз, — отозвались Мошкины. — Завтра. — И заторопились.— Сегодня я спать хочу.

— И я, — пискнул Женька, — сегодня... А ты иди один. За нас не волнуйся.

Но и Михаил не пошел. Наверное, потому, что «не хотел за них волноваться».

Ночью Михаил и Женька долго спорили о собаке-леопарде-барсе, пока тетя Клава не постучала снизу.

— Бешеный барс — ладно, чепуха, хоть и страшно, — шепотом сказал Женька. — Знаешь, я чего больше всего на свете боюсь? Шторма боюсь. Как начнет швырять?

— А Мошкины боятся шторма? — строго спросил Михаил.

— Еще побольше меня, — ответил Женька. — А в плавании много штормов будет: два или три?

— Тысяча три! Особенно на Ладоге, — засмеялся Михаил и значительно пообещал: — Завтра я вам спортиспытание на шторм устрою. Хорошо, что ты мне сказал.

Женька помолчал, поворочался на кровати.

— Мишк, а Мишк...

— Что? — сонно сказал Михаил.

— Считай, что я тебе не говорил... про шторм. Ладно? Тогда и спортиспытание не нужно. Верно, а?

Но Михаил ничего не ответил. Он уже спал.

«Дернуло меня за язык,— рассердился сам на себя Женька, а потом рассердился на Михаила. — А он и рад. Ведь не забудет!»

Женька надеялся, что Михаил, если не забудет, то хотя бы передумает. Утром как назло, даже из окна видно, море было гневное, штормовое, оно катило валы и с неприятным грохотом разбивало о берег. Женька благоразумно не стал напоминать Михаилу о «штормовом испытании», но тот все отлично помнил.

— Так... шторм, — сказал он. — А?

— Не будем? — не выдержал Женька.

— Будем... Сколько, думаешь, сейчас баллов?

— Восемь! — выпалил Женька. — Или девять!

— От силы пять, — сказал Мишка. — Слабовато... Жаль даже... Но ты не огорчайся, что-нибудь посильнее придумаем. Есть у меня мысль.

Женька тут же проклял в душе эту мысль.

Они зашли за Мошкиными, и Михаил повел всех к морю. Близнецы шагали вяло, с неприязнью поглядывая на бушующее море. Женька уже успел им шепнуть по пути об испытании, потому что, как он считал, уж лучше втроем бояться, чем одному. Смелее себя

чувствуешь. Мошкины шли и говорили страшными голосами вроде бы Женьке, а на самом деле стремились запугать своего «капитана».

— Ну и шторм! Все суда на якорях! Выход в море закрыт! Никому купаться не разрешают! Ну и шторм.

Михаил недоуменно взглянул на них, затем понимающе — на Женьку и сказал:

— А-а... Им уже известно.

Но он почему-то привел их не на море, а на старую пристань, к сторожу. Мошкины и Женька сразу повеселели.

— Конечно,— заискивающе улыбнулся Женька Михаилу,—ты правильно решил. Наберем досок, гвоздей. Какие тут испытания, такой штормяга! Десять баллов!

— Не поднимай волну, — ласково сказал ему Михаил и, поздоровавшись со сторожем, спросил, нет ли у него ненужных, списанных бочек.

Сторож сказал, что есть, сколько угодно. Он уже привык к самым неожиданным просьбам ребят.

— Я их вон за тем забором в овраг скатил, — показал рукой сторож. — Целая куча в овраге.

— В овраге!—обрадовался Михаил и загадочно произнес: — Это хорошо, что овраг искать не надо.

— Оврагов у нас сколько хочешь, — Женька не понимал, зачем понадобился овраг.

Ребята обогнули пристань и вышли к глубокому, крутому с этой стороны оврагу. Другой склон оврага был вдвое ниже. На дне оврага действительно лежали бочки. Одни рассыпались, другие были на вид невредимые.

— Отлично, — посуровел Михаил. — Достанем каждому по бочке, каждый заберется в свою и — лети вниз! Почище любого шторма качка.

— Страшно, — задрожали Мошкины.

— А я... — звонко начал Женька, — если влезу в бочку, ни за что не решусь скатиться! Так и буду сидеть!

— Не беспокойся, столкнем, — обнадежил его Михаил.

— Страшно, — снова сказали Мошкины, отступив от края оврага.

— В плавании будет пострашнее, — сдвинул брови Михаил.—Тут испытаете — там не растеряетесь, все привычней будет. И не трусьте! Даже по Ниагарскому водопаду в Америке в бочках спускались!

— Так то — в Америке, — заныл Женька. — Так то — по Ниагарскому! А тут вон какая глубина!

— На берег спишу, — пригрозил Михаил.

Спрятавшись в густых кустах на той стороне оврага, вездесущие Борис, Молчун и Хихикало бесполезно гадали, что здесь происходит. Мишкина команда расчищала дно от обломков, выкатывала наверх бочки, убирала со склонов камни и камешки, железяки и даже щепки.

И вот на краю обрыва выстроены в ряд четыре бочки, положенные набок.

Михаил залез в одну из них.

— Толкайте, — гулко сказал он. — Ну? Приказ слышали?!

Мошкины толкнули — и бочка с грохотом понеслась вниз! Она застряла в пышном кусте бузины на дне оврага, и Михаил, пошатываясь, выбрался из нее. Сел и очумело завертел головой.

— Отлично качает! Почище шторма! — придя в себя, весело закричал он. — Давай! Женька-а, давай!

Сразу последовать за Михаилом Женька не решился. Он спустился по косогору, внимательно осматривая путь, который ему предстояло пройти.

— Рассчитывает,— с уважением сказал Борис.

Женька убрал с дороги крохотный камешек. Взобрался на косогор, помялся, покосился на Мошкиных и нерешительно забрался в бочку. Мошкины толкнули — и бочка полетела, из нее далеко и гулко разносился отчаянный Женькин крик.

Михаил еле успел отскочить в сторону:

— Ты что на меня бочку катишь!

Женька, кряхтя, выполз из бочки, всхлипнул и стал ощупывать себя.

Понеслась третья бочка. Она мчалась необычайно быстро и высоко подскакивала. Вот она подскочила в очередной раз, с грохотом ударившись о дно оврага, и — рассыпалась! Груда обручей и щепок...

И никого!!!

Михаил с Женькой испуганно переглянулись. И тут покатилась четвертая бочка. Оказалось, прежнюю Мошкины пустили пустую на пробу. Потому она так и подскакивала, что была пустая.

Четвертая бочка со страшной скоростью промелькнула мимо Женьки и Михаила. Она летела с такой быстротой, что легко вкатилась по невысокому и пологому другому склону и остановилась только на верху оврага — на той стороне. Из бочки на четвереньках выползли оба брата Мошкины. Они недоуменно уставились вниз, не понимая, как это они оказались вверху, будто совсем и не было головокружительного спуска.

— Ох-ох-ох... — застонали они.

— Свихнулись,—сказал в кустах Хихикало Борису и Молчуну.

— Мо-лод-цы! — похвалил Михаил своих «мореплавателей». И его команда удалилась вслед за ним, прихрамывая и пересчитывая на ходу ссадины, синяки и шишки.

— Сам ты свихнулся, — запоздало ответил Борис, вылезая из кустов.— Попробуй сам. Слабо?

Хихикало убедительно молчал. Борис обошел вокруг бочки Мошкиных, лежащей у склона.

— Эх, была не была, — и забрался внутрь. — Толкайте.

— У тебя ж опыта нет, — отговаривал Хихикало.

— А у них есть? — отозвался Борис. — Они сегодня сами впервые.

— Они каждый день с ума сходят, — утверждал Хихикало. — Привыкли.

— Толкайте, ну!—рявкнул Борис. Хихикало и Молчун посмотрели на него, пожали плечами и так толкнули бочку, что она чуть ли не со свистом загудела в овраг.

К их удивлению, неопытный Борис не только остался жив, но даже цел и невредим. Пошатываясь, как Михаил, он вылез из бочки, покрутил головой и проникновенно произнес:

— Нет, ты посмотри, как здорово!

— Сам смотри, — буркнул Хихикало, разочарованный тем, что Борис не сломал себе ну хотя бы мизинец. Тогда бы знал, как дуракам подражать. Это очень заразительно. Он сам, Хихикало, чувствовал неодолимую тягу тоже спикировать на дно оврага в бочке. И только большим усилием воли справился с этим безумным желанием.

Когда же ушел и Борис с компанией, на краю оврага появился сторож. Он, словно мальчишка, подглядывал все это время за ребятами из-за ограды. Сторож спустился в овраг и, кряхтя, вкатил наверх самую здоровенную бочку. Постоял, подумал. Забрался внутрь. Посидел там немного, точно древнегреческий философ Диоген. Вылез, хмыкнул. Снова задумчиво постоял. И пихнул бочку ногой.

Она с гулом ушла в овраг.

— Наверно, спортсмены, — сказал он, потому что привык по старости размышлять вслух. — Разрядники, — подумав добавил он. — Будущие космонавты, не иначе.

Спасайтесь! Тигр!

Мошкины красили баркас, постанывая, и печально поглядывали на многочисленные синяки друг у друга. С каждой минутой синяки все ярче наливались голубыми, красными, лиловыми и фиолетовыми красками, синяки расцветали, как цветы на клумбе.

— Можно подумать, вас вчерашний леопард покусал,—сказал близнецам Женька, хотя у него самого с Михаилом вид был не лучше.

— Ты на себя посмотри, — посоветовали Мошкины. — Серо-буро-малиновый!

— Вот-вот! А что тетя Клава скажет?! — заныл Женька. — Объявляю забастовку! — Он шваркнул кистью оземь. — Видали по телевизору кино «Стачка»? Они там отказались работать в условиях нечеловеческих!

И только он это сказал, как вдруг...

Но этому «вдруг» предшествовали другие немаловажные события.

...Крах затеи с перекрашенным Фантомасом не давал покоя Борису.

— Первый блин всегда комом, — убеждал он Молчуна. — Надо бы еще разок попытаться.

«Хватит»! — написал Молчун на листке в блокноте.

— Да нет, — уговаривал его Борис, поглаживая свои «бочечные» синяки, — мы теперь по-умному. Вот увидишь.

«Красить не разрешу!» — написал Молчун.

— Ну, последний раз, ей-богу! — упрашивал Борис. — Славка, скажи ему, — обернулся он к Хихикало.

— Ей-богу, — вяло повторил тот и тревожно спросил: — А нас эта псина снова на дерево не загонит?

Они сидели на веранде у Молчуна. Фантомас развалился в углу на старой тигровой шкуре, сильно побитой молью. Голова его лежала на голове тигра, Фантомас грустно косил глазом на хозяина. Но когда он переводил взгляд на его дружков, хвост не шевелился, даже слабо.

— Гениально! — вдруг вскричал Борис. — Ха-ха! Фантомас вскочил и залаял.

— Мы его переоденем в тигровую шкуру, он к ней привык,— представляете!

Молчун потянулся было за блокнотом, но Борис перехватил его руку:

— Да помолчи! Выслушай сначала. Ведь и красить-то собаку не надо. Подвяжем тигровую шкуру, она у тебя страшная, как смерть! А голову собаки в голову тигра засунем!

Молчун снова потянулся за блокнотом, но Борис снова его остановил:

— Помолчи! Знаю. Стеклянные глаза у тигра вынем на время, а дышать собака будет через разинутую тигровую пасть! Зубов-то сколько будет, четыре челюсти! — восхитился Борис. — А хочешь, мы еще пару дырок тигру в носу проделаем для собачьего дыхания! Идет?

Молчун молчал долго, а потом нехотя кивнул. Они взяли шкуру и повели собаку в свое укрытие за скалами, откуда они обычно подглядывали за ребятами, корпевшими над шлюпкой.

Борис не ошибся, Фантомас довольно спокойно отнесся к шкуре тигра, в которую его одели. И впрямь он давно привык к ее виду и запаху. Уже не первый год она служила ему постелью. Вот только голову тигра он сначала не разрешал на себя надевать. Но Молчун сумел-таки «уговорить» его. А еще он надел псу намордник, несмотря на бурные протесты Бориса, который считал, что с четырьмя челюстями «страшилище» будет пострашней.

Они подошли к скалам с тыла и осторожно выглянули;

— Синяки считают, — хихикнул Славка.

— Так. — Борис начал разматывать длинную веревку, предусмотрительно захваченную из дому. — А вообще правильно мы ему намордник надели. Хотя он и лапами может... Ничего, удержим,—бормотал он, — я из-за них в колонию попасть не хочу.

— Никто не хочет, — подтвердил Хихикало. Молчун кивнул.

— Ну, сколько там до них? — нетерпеливо спросил Борис.

— Метров десять запросто, — сообщил Хихикало.

— А веревка — восемь, — ободряюще сказал Борис унылому Молчуну. — Привязывай к ошейнику. Выпускай собаку, и полундра! Не бойся, ничего она с ними не сделает. Втроем-то удержим?

— Удержим,—сказал Хихикало.

— Только не сразу выбегаем спасать, — предупредил Борис.— Пусть Фантомас побольше пробежит, на всю веревку, чтоб испугались!

Молчун озабоченно кивнул.

...И вот тут-то Женька как раз и объявил- «забастовку», вспомнив о фильме «Стачка». Внезапно кот Мошкиных, который приходил на «верфь» поваляться на мягких стружках, вскочил с громким шипением и растопырил шерсть.

Ребята оглянулись. У скалы стоял ТИГР! Немыслимо жуткого вида, облезлый и тонконогий! Глубоко запавшие глаза его казались такими бездонными, будто их и вообще не было! «Агрр-р!» — глухо сказал он.

— Караул, — побелевшими губами прошептал Женька. Все, не сговариваясь, разом приподняли шлюпку и нырнули внутрь. Борт хлопнул о песок. Затем чуток приподнялся — и они увидели, как тигр огромными прыжками ринулся... за уносящимся котом. За тигром волочилась веревка, вот она натянулась и выхватила из-за скалы Бориса, Молчуна и Хихикало. Веревка была намотана у них на руки, они не могли ни удержать загадочного тигра, ни избавиться от него. Связанные с ним одной веревкой, они вихрем промчались мимо шлюпки.

Кот прошмыгнул между двумя валунами. Тигр кинулся за ним и на мгновение застрял. Рванулся, выскочил из своей тигровой шкуры и понесся дальше уже в обличий знакомого пса Фантомаса, увлекая за собой коварную компанию. Вздымая песок, они скрылись вдали.

Заточение

— Теперь все понятно,— ликовал Женька.— Вчерашний леопард — наверняка ихний! Перекрашенный!

Михаил, Женька и Мошкины возвращались домой, весело тараторили, перебивая друг друга, позабыв про синяки и ссадины, на которые с удивлением взирали люди.

— А ты хорошо спрятал шкуру? — спросили Мошкины Женьку.

— Вовек не найдут, я ее закопал! А то вдруг они снова устроят!

Михаил расхохотался и свернул к магазину «Спорттовары».

— Ты куда? — спросили Мошкины. — Я есть хочу.

— Может, у них подходящий трос появился, — ответил Михаил.— Каждый день захожу. Нам трос во как необходим на шкоты! Как же парусом управлять без шкотов?!

— Ребята, вы что, в аварию попали? — ужаснулась продавщица, взглянув на Мишкину команду, густо разрисованную синяками.

— В аварию, — кивнул Михаил.

— Автобус? — с интересом спросила она.

— Трамвай, — ответили Мошкины, поддерживая Женьку, который, словно раненый солдат,

вдруг повис, обняв их за шеи.

— У вас трос капроновый есть? Нам на шкоты для паруса, — сказал Михаил. — Или манильский, или сезаль, а?

— Сейчас нет. Ожидаем к вечеру. Все живы? — спросила продавщица, ей не давал покоя «трамвай, попавший в аварию».

— Все,— буркнул Женька, «придя в себя».

— Вы сразу после перерыва приходите, а не то разберут. Первый раз за все лето получаем. Прозеваете, потом только в октябре завоз будет. А где это случилось? — прониклась к ним сочувствием продавщица.

— Вон там где-то, — неопределенно показал Михаил рукой. — Не прозеваем, большое спасибо.

— Пожалуйста, — продавщица покачала головой.—Надо же, как обошлось. В рубашке родились! Повезло!

...Увидев Михаила и Женьку, тетя Клава, ни слова не говоря, взяла их за руки и отвела на мансарду. Так же молча протерла их синяки и ссадины одеколоном (Женька только повизгивал), сделала примочки и облепила их пластырями с ног до головы.

Молча вышла. Закрыла дверь на ключ. И тут только сказала:

— Мое терпение лопнуло. Будете здесь сидеть, пока не пройдет.

— Тетя!.. Ну, тетя!.. — вскричали они. — Миленькая!

Снова тягостно проскрипел замок, тетя Клава предусмотрительно заперла их на второй оборот ключа.

— Мы здесь не можем сидеть, — Михаил нервно заходил по комнате. — Время необратимо, и так в обрез!

— Как — необратимо? — спросил Женька.

— Время только вперед бежит, — объяснил Михаил, — в будущее. А в будущем нам троса не видать. Сегодня могут разобрать — и прощай.

— Я понял, — грустно сказал Женька. — Все пропало.

Часть IV

«Я СПЕШУ НА ЗОВ»

«Лови кота»

— Что же делать-то? — сказал Женька. — Ждать?

— У моря погоды?! — огрызнулся Михаил. Походил по комнате и выглянул в оконце. С крыши спускался толстый шнур от телевизионной антенны и исчезал в форточке на первом этаже.

— Выдержит? — спросил Михаил.

— Крепкий, — неуверенно ответил Женька.

Михаил подтянул шнур к окну, подергал, еще сильней — шнур не поддавался.

— Выдержит, — сказал Михаил и полез по шнуру вниз.

— Михаил! — раздался голос тети Клавы. — Миха-и-ил!

Михаил так и застыл, вцепившись в шнур. Тетя Клава стояла в дверях летней кухни с большим и, наверное, тяжелым половником:

— Это еще что за новости? А ну, марш обратно!

И Михаил поспешно влез обратно.

— А антенна-то, антенна! — спохватилась во дворе тетя Клава.

— Если ты антенну погнул, — сказал Женька, в котором вдруг проснулся «хозяин»,—ты ее чинить будешь. Как я телевизор смотреть стану?!

— Отстань ты, — пробурчал Михаил. — И без тебя... Трос не успеем купить... Какое тут плавание без снастей! Как будем парусом управлять?

— Да у нас и паруса нет.

— Конечно! Будем здесь торчать, у нас ничего не будет! — Михаил на цыпочках подошел к двери, приложил ухо и махнул Женьке рукой. — Давай сюда газету..

Женька недоуменно смотрел, как Михаил подсовывает газету под дверь.

— Есть один способ надежный, — шепотом сказал тот. — Я в книжке про майора Пронина читал.

Михаил выдернул из стены гвоздь, вставил его в замочную скважину, надавил, и ключ за дверью упал на газету.

— Готово, — и втянул газету вместе с ключом.

— Ух ты! — шепотом воскликнул Женька.

Михаил задернул шторы, быстро скатал одеяла и накрыл их простынями так, что, войди тетя Клава, ей показалось бы, что Михаил с Женькой лежат себе и мирно спят.

— За мной! — Михаил открыл дверь.

Они начали осторожно спускаться и вдруг замерли. Навстречу им поднималась тетя Клава с двумя тарелками окрошки в руках. Увидев их, она вскрикнула и уронила тарелки. Ребята вихрем помчались вверх. Позади доносились могучие шаги тети Клавы.

Она ошеломленно взглянула на дверь. Ключ был на месте. Потянула дверь на себя — открылась.

— Мы думали, нас простили,—тут же затараторил Женька.— Глядим — открыто.

— Неужели я забыла... — пробормотала тетя Клава и снова взглянула на ключ. Вышла, снова закрыла дверь на два оборота. — Останетесь без обеда! — и стала спускаться. Вернулась, опять посмотрела на ключ. Подергала дверь — закрыто. Подумала, положила ключ в карман халата и ушла, недоверчиво оглядываясь.

— Все пропало,—сказал паникер Женька.

— А Мошки! — Михаил, отдернув шторы, взял подзорную трубу и навел ее на дом Мошкиных, стоящий на пригорке за соседним двором. Близнецы, чинно сложив на коленях руки, сидели возле открытого окна, а мать обрабатывала им примочкой многочисленные синяки.

— Тоже досталось, — сказал Михаил. Мать что-то сердито сказала Мошкиным и удалилась.

— Зеркало, — приказал Михаил. Женька торопливо сунул ему в руку зеркальце. И Михаил пустил в путь пронзительный солнечный зайчик, он пробежал по траве мимо тети Клавы, поливающей груши, затем юркнул в щель забора соседнего двора, быстро пересек его, прошелся по стене пристройки, попал во двор Мошкиных (тут за солнечным зайчиком погнался пушистый кот, но не догнал) и стрельнул ярким светом в глаза близнецов. Они замахали руками, словно отгоняя пчел, и высунулись в окно.

Михаил перегнулся далеко через подоконник и закричал:

— Мо-о-шки-и!..

— А ну, тихо! — взорвалась тетя Клава, у которой, наконец, действительно лопнуло терпение. — Здесь кругом отдыхающие поголовно отдыхают после обеда, а он орет, как гудок на работу. Не то забью окно гвоздями, сидите тогда в духоте — дождетесь!

— А молча говорить можно? — спросил Михаил.

— Можно, — оторопела она.

Он схватил сигнальные флажки и отчаянно просемафорил близнецам «сигнал бедствия».

Борис и компания, притаившиеся на крыше соседского сарая и уже давно наблюдавшие за странными действиями Михаила, вытянули шеи.

— А я считаю, пошли отсюда,—сказал Хихикало. — Последишь так вот за ними, а потом... тебе же и достанется. И все ты: «Напугаем! Спасем!» Ну что, напугали? Спасли? Плакала тигровая шкура. Вот увидишь, отец с Молчуна три шкуры спустит, если узнает, что эта пропала!

Молчун кивнул и написал в своем блокноте:

«Уже узнал».

— Больно было? — посочувствовал Борис. Молчун кивнул.

— Но ты не признался?

Молчун помотал головой.

— Умница, — похвалил Борис. — Не проболтался. А следить надо. Мишка зазря ничего не делает. Что-то они опять задумали. — И снова приставил к глазу половинку театрального бинокля.

— Даже я ничего не понимаю, — озадачился Хихикало, глядя, как мелькают в окне флажки.

Молчун кивнул.

— Ничего не понимаю, а ты? — в один голос сказали друг другу Мошкины.

— Они не поймут, — сказал Женька Михаилу. Не знают.

— Вижу, — расстроился Михаил. — Я думал, а вдруг знают. А еще на море живете! Самый важный, самый короткий сигнал не знаете: «СОС»! Все моряки сразу на помощь приходят!

Но Мошкины оказались догадливыми. Хоть они и не поняли сигнала, зато они сообразили, что зачем-то нужны Михаилу. Поэтому они, зная, что у него есть подзорная труба, стали писать на тетрадочных листках большие буквы и показывать в окно:

«МЕНЯ ЗАПЕРЛИ».

— Их тоже на ключ, — сказал Михаил. Новые буквы: «ЕСЛИ ВЫПУСТЯТ, ЗАЙДУ».

— Зайдут, — Михаил стукнул кулаком о кулак. — Зайдут, когда солнце зайдет!

— А может, раньше? — сказал Женька. — Может, успеют до закрытия «Спорттоваров»?

— Да больше нам и не на что надеяться, — Михаил тяжело сел на кровать.

— Что же делать? — привычно спросил Женька.

— Хорошо бы пожар по-нарочному, — задумчиво пробормотал Михаил. — Дыму надымить без огня и к окну. Пожар! Пожар! Сразу выпустят. А пока разберутся, мы в «Спорттовары» сбегаем.

— Влетит, — поежился Женька.

— И так влетело. Хуже не будет, — убедительно заметил Михаил.— Ну, накажет, опять запрет. А мы и так заперты, только сейчас мы без троса. А то у нас трос будет!

— Ага, — закивал Женька. — А чего жечь? Бумагу?

— Бумага горит. Дом сгорит, — Михаил суетливо выдернул из-под кровати свой чемодан, порылся и вконец расстроился. — Ну, вот. Я свой фотоаппарат в Москве забыл!

— А зачем он? — оторопел Женька.

— Фотопленка! От нее дыму, как на пароходе, а огня нет! Сейчас такую пленку выпускают — неогнеопасную.

— А диафильмы годятся? — спросил Женька.

— Еще бы!

Женька торопливо раскрыл шкаф. Там стояли проектор и коробка с диафильмами.

— Вот! — гордо сказал он и взял один из них. — «Чапаев», — развернув ленту, определил он и засопел. — Жалко...

Так он просматривал и откладывал одну ленту за другой, не зная, какую выбрать:

— «Красная шапочка», «Буратино», «Петя и волк», «Мальчик с пальчик», — Женька чуть не плакал, так жалко ему было свои сокровища.

— Ну, тогда не надо, — пожалел его Михаил.

— Надо, надо, — отчаянно сказал Женька, отвернулся, взял ленту наобум и, не глядя, быстренько завернул в бумагу.

— Вот!—радостно заявил он. — Какая — не знаю!

...Тетя Клава уже занималась другим делом. Она варила варенье в большущем тазу.

В окне чердака появились Михаил и Женька.

— Пожар! Пожар! — пронзительно завопили они.

Тетя Клава замерла с половником в руке. Из окна повалил дым!

— Спасайте детей! — истошно закричал старичок в пенсне, глава обширной семьи отдыхающих, которым тетя Клава сдала веранду и летнюю кухню.

Михаил и Женька заскользили вниз по кабелю телевизионной антенны. В калитке образовалась пробка! Жильцы с чемоданами рвались на улицу! Михаил и Женька никак не могли пробиться!

Они бросились к забору, но тут тетя Клава схватила их за руки.

— Боже ты мой! От меня ни на шаг! — приказала она, не выпуская их.

Шум ! Гам! Крик! Сбегались соседи, прохожие!

— Я вызвал пожарников!—закричал кто-то. — Едут.

— Мы больше не будем! — испугался Женька.

— Чего не будем? — подозрительно спросила тетя Клава.

— Пленку... жечь,—и Женька заревел.

...Михаил и Женька сидели у оконца и уныло ковыряли вилкой жареную рыбу. В комнате было голо! Ни одежды, ни одеял, ни простыней, ни даже матрасов. Только панцирные сетки кроватей. Их, как известно, не подожжешь.

Во двор настороженно вошел старичок.

— Извините,—сказал он тете Клаве, — я тут пенсне потерял...— пошарил по земле рукой, поднял пенсне и заспешил на улицу.

— Куда вы? — жалобно сказала тетя Клава. У него нервно дернулась щека. Он натянуто улыбнулся и скрылся в доме по соседству. Очевидно, семейство отдыхающих успело снять другую квартиру.

Михаил и Женька ели рыбу и не отрывали глаз от дома Мошкиных.

— Глянь, дает! — неожиданно засмеялся Женька. Игривый кот во дворе Мошкиных носился за перышками и бумажками.

— Кто?

— Барсик. Кот Мошкиных,— ответил Женька.— Он в их комнате под диваном живет. Глупейший котяра. Помнишь, как он за твоим лучом от зеркала погнался? Глупее даже Славки Хихикало.

— При чем тут кот, — вяло отозвался Михаил. — Я о другом думаю. Ну, выпустят их... Пока они раскачаются, пока к нам зайдут, только время потеряют. А трос вдруг и кончится. Последние метры раскупят — и конец. Им от своего дома к магазину близко. Вот если б они сразу в магазин побежали!

— Конечно. Он у них рядом, — рассеянно подтвердил Женька и вновь засмеялся.—Да ты на кота взгляни — умора!

— При чем тут кот! — вскипая вновь, сказал Михаил и застыл как истукан.

— Ни при чем, — ответил Женька и вытаращил глаза.—Ты чего?!

— Кот... как раз... при чем,—со значением произнес Михаил.— Где зеркало? Скорей!

Как и надеялся Михаил, дразнящий солнечный зайчик, игривый и яркий, медленно ускользая от пушистых лап кота Барсика, привел его прямо к их дому.

Заскучавшие было наблюдатели — Борис, Молчун и Хихикало уставились на кота.

— Что-то задумали, — снова сказал Борис. — У них голова варит, — и постучал пальцем по макушке Славки Хихикало, — не то, что у тебя.

— У меня, может, поболе варит, — оскорбился тот. — Просто не видно.

— Верно. Она у тебя не стеклянная, — усмехнулся Борис, — поэтому отодвинься. Не заслоняй. — И опять прильнул к биноклю.

Михаил кинул вниз рыбью голову. Кот мгновенно съел и задрал голову.

— Зачем он тебе? — спросил Женька.—Скучно?

— Нужен. Нитки есть?

— Есть...

— Ну, быстрей же!

Михаил привязал рыбку к нитке и бросил на последнюю ступеньку наружной лестницы.

Кот сразу же направился туда. Михаил тянул нитку, и Барсик послушно семенил за рыбой.

— Кис-кис-кис, — Михаил втянул рыбку на подоконник. Кот вспрыгнул на перила балкончика, другой прыжок в окно — Михаил схватил его за шиворот, опустил на пол и закрыл окно.

— Будет нашим связным, — он быстро написал записку и вложил в нее свою заветную десятирублевку. — Погуляет, домой вернется. По теории вероятности. Куда ему деться?

— Потрясающе! — только и смог вымолвить Женька.

— Только больше не кормить. А то не скоро к Мошкиным вернется.— Михаил снял с ноги носок, сунул туда записку с деньгами.— Они сразу увидят — у него на шее что-то висит. Прочтут записку и порядок,— с этими словами он привязал свой драгоценный носок к шее кота. — Открывай окно.

Оказавшись на балкончике, кот уходить не хотел, разгуливал по перилам и умоляюще глядел на них.

— Гав-гав!—рявкнул на кота Женька. И Барсик умчался вниз.

— Погуляет полчасика и домой, — заявил Женька. — Мы ему волчий аппетит раздразнили.

— Лишь бы деньги не потерял, — волновался Михаил.— Первые и последние.

Барсик отошел немного от дома и лег.

— Лег, — ужаснулся Михаил.

— Домой, Барсик! Домой! — зашипели они на него сверху. Кот нехотя встал и направился — не домой. На улицу.

— Не переживай, — утешал Женька Михаила. — Он хорошо дорогу домой знает.

— А он каждый день домой возвращается? — настойчиво выпытывал Михаил, опасаясь, что не видать им теперь не только троса, но и денег.

«Ну и дурень же я! — ругал он себя в душе.—Кому деньги доверил!»

А Женька знай бубнил:

— Не заблудится. Четыре месяца у них живет, ни разу не пропадал.

— Я Мошкиных в записке припугнул, что если они не постараются, то мы вокруг света не поплывем,—деловито сообщил Михаил Женьке.

— Почему... вокруг света? — удивился Женька. — Это еще когда будет! Мы же в Таллин собрались.

— Вот именно — в Таллин, — ответил Михаил. — А вдруг записка чужому в руки попадет. Про Таллин-то все поверят, а про кругосветку — никто.

— А Мошкины догадаются? — почесал затылок Женька.

— Ясное дело. Помнишь, я им говорил, что после Таллина, может, и в кругосветку пойдем? А они сказали, что до Таллина и назад почти кругосветка и получится. Да не в этом дело, — отмахнулся Михаил. — Главное, они поймут, что нам шкоты позарез нужны!

Борис, машинально наведя на кота бинокль, вдруг узрел у него на шее странный полосатый пакетик.

— Лови кота! — жутким голосом приказал он Молчуну и Хихикало.

Вторая неспортивная мечта Бориса

Это долгая история — как поймали кота. Потому что его ловили, пожалуй, часа полтора. Он прятался под бревнами, под крылечками, залезал на деревья и даже на телеграфные столбы. Ему, наверное, не нравилось, что трое мальчишек со зловещим видом и с растопыренными, как у садовых чучел, руками всякий раз заходят к нему с разных сторон, перемигиваются и громко шипят друг другу: «тсс-тсс», а ему, коту: «кис-кис». И просят: «Ну иди сюда, рыженький!» А может быть, он подумал, что они играют и решил доставить им удовольствие? Об этом знает только сам Барсик.

Когда кота поймали и освободили его от этой неудобной тряпки на шее, он никак не хотел уходить от ребят и все терся о ноги Бориса, пока тот развязывал носок. И Барсик, очевидно,

недоумевал, зачем они его так долго ловили, а теперь гонят прочь:

— Пшел, пшел, рыжий!

Когда Борис доставал из носка записку, из нее выпали деньги.

— Десяточка, — зачарованно произнес Хихикало, наклоняясь. Борис оттолкнул его и положил десятку в карман.

«Нас тоже заперли, — прочитал он. — Если сумеете выйти, быстро купите трос капроновый, 50 метров. А не то разберут, и никакого «Вокруг света» не будет. Михаил Енохин».

— А? — поднял голову Борис. — Слыхали? Куда задумали? Вокруг света!

— Вот заливают! — захихикал Хихикало. — Вокруг журнала «Вокруг света» они поплывут!

Молчун хотел было кивнуть, но предусмотрительно взглянул на Бориса.

— Вокруг света! — с завистью сказал Борис. — Вся страна узнает!

— Да что там вся страна, — на ходу перестроился Хихикало. — Весь мир!

— Вокруг света мы, конечно, не поплывем, — задумчиво сказал Борис. — Кому это надо?

— Потонем,—согласился Хихикало.

— Захватим шлюпку, — продолжал Борис. — Спрячемся где-нибудь в тайной бухте. Месяцев на пять-шесть...

— Учиться в школе, значит, не будем, — широко улыбнулся Хихикало.

— ...А домой письма присылать будем с марками: Австралия, Чехословакия, Монгольская Народная Республика, — размечтался Борис.

— Постой, — перебил его такой же неуч Хихикало. — Ну, в Австралии и Чехословакии вроде бы есть какие-то моря или океаны. А в Монголии, кажись, нет, я ее недавно на карте случайно видел.

— Пустяки. Кто у меня дома разбираться станет? Лишь бы марки были заграничные, — заявил Борис и повторил: — Будем посылать письма... Вроде бы плывем. — Он зачарованно смотрел на голубое небо. — Уходим вначале налево от пристани, а через полгода подплывем справа. Все поверят, что мы земной шар обогнули! Вы только послушайте. Представляете, какая встреча будет!

И они послушали... И они представили...

Шлюпка под высоким парусом, зияющим дырами, гордо приближается к пристани в сопровождении военных кораблей, теплоходов и бесчисленного множества яхт, шлюпок и моторок!

На пристани — весь город от мала до велика! Даже все грудные в детских колясках и все древние старики в инвалидных колясках!

«А все отдыхающие в соломенных шляпах», — сказал Борис.

Иностранцы, увешанные сувенирными значками, с русской матрешкой в одной руке, с фотоаппаратом — в другой! С табличкой: «Родные и близкие» стоят родители Бориса, Молчуна и Хихикало, их близкие и дальние родственники! Шеренгу «родных и близких»

замыкает пес Фантомас, увенчанный в честь Молчуна большим лавровым венком!

Другая табличка: «Товарищи и друзья!»С ней гордо стоят все те мальчики и девочки, которых обижали Борис и его компания!

Третья табличка: «Помощники»! Ее восторженно вздымают на палке Михаил, Женька и братья Мошкины!

Журналисты, кинохроника, радио и телевидение! Отдельно стоят Вицин, Моргунов, Никулин и Папанов с длиннющим плакатом: «Тоже обещаем никогда не хулиганить!»

В руках у советско-американского экипажа космонавтов «Союз— Аполлон» красочный транспарант: «Приветствуем на родной земле!»

Сводный (сведенный из всех городов страны!) духовой пионерский оркестр и детский хор Большого театра (недавно его выступление по радио передавали!) исполняют песню: «Капитан, капитан, улыбнитесь!» (На международных языках, чтоб все понимали!)

Борис улыбается в усы. Усы внезапно съезжают набок, он ловко и незаметно поправляет их. Неузнаваемо изменился и облик других «вокругморяплавателей»! Ветер треплет пышные бакенбарды Молчуна и Хихикало. (Обросли в долгом плавании!)

Шлюпка швартуется у причала. Тотчас же почитатели подхватывают шлюпку вместе с героями и несут к постаменту, специально сооруженному из гранита во славу небывалого путешествия! Постамент окружен цепями и якорями. По пути шествия Бориса, Молчуна и Хихикало осыпают живыми и синтетическими цветами. Кто-то (ошалев от восторга!) бросает им свой абонемент на будущий чемпионат мира по хоккею!

«Не деритесь из-за него, — говорит своей компании Борис, — всем по абонементу дадут. Сборная мира вручать будет! А этот лишний».

Шлюпка водружена на свое каменное ложе. Окончились бесконечные интервью, фото-киносъемки, объятия родных и близких, друзей, товарищей и помощников.

Начинается самое интересное! Тысячи мальчишек и тысячи девчонок выстроились в очередь за сувенирами. Очередь такая длинная и так хорошо продумана (охраняется конной милицией), что извивается по всем-всем площадям, проспектам, улицам и переулкам города, ни разу не пересекаясь. И каждый мальчишка, и каждая девчонка несут свои сокровища: духовое ружье, перочинный ли ножик, планер, футбольный мяч, голубей или щенка с длинной родословной... — всего не перечислить!

Снисходительно осмотрев каждое подношение, Борис кладет его в общую кучу, а взамен отламывает от борта шлюпки щепку или отрезает клочок от паруса — на память.

«Щедрый дурень» Хихикало в обмен на духовое ружье отдает штурвал какому-то мальчишке. (Тот с почтением целует легендарный штурвал!) Но скупой умница Молчун с криком: «Не дам!» (голос проявился!)— вырывает штурвал и отламывает от него только одну спицу.

Счастливчик прижимает к груди драгоценную спицу и идет вдоль очереди, провожаемый завистливыми взглядами.

Восторженно блестят глаза Бориса, Молчуна и Хихикало при виде высоченной горы богатых даров.

— Вот это да! — протянул Хихикало, когда Борис закончил свой удивительный рассказ. Молчун кивнул. Снова кивнул. А потом закивал очень часто.

— Ну, ясно, надо к ним обязательно втереться! Это мы и раньше решили! А вот как? Как? — загорелся Хихикало.

— А это видишь? — Борис сунул ему под нос Мишкину записку и деньги. — Говорил, надо следить! Мы — им, тогда и они — нам! Понял?

— Понял,— ахнул Хихикало.

— Сейчас или никогда! — воскликнул Борис.

— Сейчас! — как эхо откликнулся Хихикало. «Сейчас!» — быстро написал в блокноте Молчун.

— Пошли в «Спорттовары», — непререкаемо сказал Борис.

«На кошкины деньги»

Напрасно Михаил и Женька с секунды на секунду ожидали появления Мошкиных под своим окном с тугой бухтой капронового троса в руках. И напрасно ожидали, хоть на худой-то конец, появления кота Барсика у Мошкиных. Ну и, конечно же, напрасны были их ожидания, что тетя Клава, которая все время маячила во дворе, возьмет и смилостивится, освободит их из «темницы»: грянут праздничным барабанным боем ее шаги на лестнице, веселым звонком прозвенит замок, скрипкой зазвучит открываемая дверь, и тетя проникновенным баритоном воскликнет: «Темницы рухнут, и свобода вас встретит радостно у входа!» Нет, все это очень напрасные ожидания. Тетя Клава нашла себе уйму дел во дворе: чинила забор, подрезала кусты лавра, выбивала ковер — и ясно было, что эти занятия она себе придумала, чтоб не скучать на посту, как часовой.

Когда же темнота заставила ее покинуть двор, Михаил повторил свой рискованный спуск по телевизионному шнуру. Только на сей раз он благополучно добрался до земли. Женька с опаской следил за ним из окна, свет на мансарде у них был предусмотрительно потушен. Михаил заторопился к калитке, обо что-то споткнулся, и вдруг все кругом зазвенело, застучало, загрохотало. У тети Клавы сразу распахнулось окно.

— Михаил, домой! — крикнула она в темноту. — Хочешь, чтоб я тебя назад в Москву отправила?!

И как она догадалась, что во дворе Михаил?! А у калитки по-прежнему что-то звенело и стучало!

— Миша! — повысила голос тетя Клава.

— Я выпутаться не могу... — жалобно ответил невидимый Михаил.

— Как запутался, так и выпутывайся, — посоветовала тетя Клава. Когда Михаил наконец-то оказался в комнате (тетя Клава все-таки ему помогла и отвела на мансарду за руку), он угрюмо спросил:

— Консервные банки?

— Консервные, — улыбнулась тетя Клава, затем ушла, позабыв пожелать племянникам «спокойной ночи», но не забыв запереть дверь.

— Какие еще... банки? — огорошено спросил Женька.

— Такие... Из-под тушенки, — насупился Михаил. — Опутала все кругом рыболовной жилкой, шагу ступить нельзя. И банок понавесила и в траве, и в кустах. Сигнализация, — протянул он. — И когда она успела?

— А как она тебя в темноте признала? — спросил Женька.

— Как... — передразнил Михаил. — Сам подумай. Кто же там мог быть, кроме меня. Не ты же.

Больше Михаил не пытался выйти, потому что слишком глубоко задумался над угрозой тети: « В Москву отправлю!»

Утром, когда тетя Клава принесла «заключенным» завтрак, Михаил твердо сказал:

— Не будем завтракать. Объявляем голодовку.

— Ах, объявляете... — протянула она.—Да я вас за это обеда лишу.

Женька озабоченно взглянул на Михаила.

— От ужина мы тоже отказываемся, — заявил тот.

— Да-да, — закивал Женька. — Отказываемся... Но не от компота. Правда, Миш? Тетя, ты не забудь побольше принести.

Наверное, это и решило дело. Тетя Клава расхохоталась и вышла, почему-то забыв запереть «узников».

— Эй, на берегу! — крикнула она из палисадника. — Насиделись? Будете знать! Выходите!

Михаил и Женька метнулись к двери.

Они примчались к воротам дома Мошкиных. За оградой выросла мать близнецов и сурово сообщила:

— Их дома нет.

— Я же их сейчас в окне видел, — невинно соврал Женька.

— Сказала: нет, — отрезала мать. — Они наказаны. Я гляжу, вы тоже в синяках, как жирафы.

— У жирафов темно-желтые пятна, — заметил Михаил.

— И у вас тоже. Значит, слава богу, проходят, — мать Мошкиных пошла к дому.

— Скажите, пожалуйста, — сказал Женька ей вслед, — вчера ваш кот прибегал? И во сколько?

Мать резко обернулась.

— Я сейчас милицию позову!

Пришлось уносить ноги, раз она правду за насмешку принимает!

— Как думаешь, купили они? — невесело спросил Женька Михаила.

— Как же, как же... Я теперь только на кота надеюсь, что он деньги не потерял.

Они решили проведать шлюпку, как она там, а потом опять наведаться к Мошкиным: как они там. Возможно, кот вернулся ночью, а Мошкины нашли записку и деньги только сейчас.

В «Спорттовары» Михаил даже не заглянул — расстраиваться только: денег нет, да и трос, наверное, весь разобрали. Лучше уж мучительная надежда, чем безнадежные мучения.

Когда они, миновав старую пристань, вышли к заброшенному пляжу, до них донесся какой-то непрерывный металлический стук.

— Это у нас! — встревожился Михаил.

Они бегом обогнули скалистую гряду и... остановились.

На берегу кипела работа! Молчун и Хихикало вовсю стучали молотками, отбивая на валуне ржавчину с якорной цепи. Рядом с ними сидел Борис и яростно полировал рашпилем зубья небольшого якоря, о котором так мечтал Михаил.

Работа сразу же прекратилась...

— Уходите отсюда! — пронзительно закричал Женька.

— Привет, — как ни в чем не бывало сказал Борис.

— Привет, — безмятежно сказал Хихикало. А Молчун поздоровался интеллигентным кивком головы.

— Уходите! Уходите! Уходите! — заверещал Женька.

Михаил стоял как столб, не врытый в землю. Казалось, качнет ветерком, и он упадет. Такой у него был вид неустойчивый.

— Не ори, — попенял Борис.

— Чего орешь? — тоже мягко сказал Хихикало. А Молчун снисходительно посмотрел на Женьку, будто укоряя: ну чего ты тут разорался?

— Вступаем в твою команду — нахально заявил Борис. Важно достал из шлюпки какой-то пухлый полотняный тючок и гордо швырнул Михаилу под ноги. Тючок развернулся — в нем была связка капронового троса.

— На кошкины деньги,—сказал Борис.

— Кота перехватили, — захихикал Хихикало и умолк.

Михаил, не веря самому себе, не мог оторвать глаз от сокровища у ног.

— Миша, — умоляюще начал Хихикало, — ну, прими нас... Ну, чего ты?

А Молчун понурился и, словно плача, начал тереть кулаками глаза.

— Последний. Еле-еле успели купить,—сообщил Борис. Михаил молчал.

— Для себя все, да? — запсиховал Борис.

— Жилы, — поддакнул Хихикало, а Молчун кивнул.

— Мы не жилы, — обиделся Женька.

— А еще пионеры, — протянул Борис. — Настоящие пионеры так не поступают.

Михаил по-прежнему смотрел вниз. Но уже не на трос. А на башмак Бориса с развязанным шнурком. Перехватив его взгляд, Борис понимающе подмигнул, наклонился и завязал шнурок.

— Эй, эй! Меня выпустили! — донеслось издали. Весело подпрыгивая, к ним бежали братья Мошкины.

— Ладно,—сдался Михаил, сурово оглядел Бориса и компанию,— Только уговор — не выдержите наше новое «спортивное» испытание, не примем.

— Испытывай,—с готовностью сказал Борис. — Все выдержим.

— Говори — что, — потребовал Хихикало. Молчун кивнул.

— Я еще не придумал, — признался Михаил. — Испытание должно быть самым тяжелым.

Новое «спортивное» испытание

На следующий день все собрались у шлюпки. Каждый должен был предложить самое трудное испытание.

— Сад поливать, — уныло сказали Мошкины.

— Землю копать, — тяжело сказал Хихикало.

— Яблоки продавать, — хмуро сказал Борис.

«Белье стирать», — написал Молчун на листке в блокноте.

— Да, — согласился Михаил. — Это уже кое-что. Хорошо бы найти какие-нибудь детские ясли и все там перестирать, до единой пеленки. Вот тогда бы мы точно увидели, кто из нас отсеется!

— Придумал на нашу голову, — зашипел Борис, толкнув Хихикало локтем.

— Но нам не доверят, — продолжал Михаил. И все повеселели. — А жаль, трудное это дело...

— Полы мыть не легче, — сказал Женька, еще ничего не предлагавший. — Вот в школе мыть полы заставляют дежурных. Хорошо еще, что только свой класс, а не всю школу до чердака! Надорваться можно!

Михаил встал:

— Решено. В какой вы школе учитесь?

— В пятой приморской, — нехотя ответил Борис.

Женька насупился, предчувствуя, что сболтнул что-то лишнее.

— Сколько там этажей? — спросил Михаил.

— Пять, — буркнул Хихикало. — А может, выберем другую, какую пониже? — он сразу все понял.

— Это на нас семерых-то, — заметил Михаил, — пять этажей?!

— А две лестницы! — рассердился Борис. — Шутка? По сто десять ступеней каждая!

— Отлично! Про лестницы-то я и забыл! — обрадовался Михаил.— Нас же семеро. Пять этажей и две лестницы — то что нужно!

— И вовсе не нужно, — заныл Женька. — Почему это нам с Мошкиными тоже испытание? Мы уже давно в команде! Это вот им — испытание! Вымоют школу — тогда их и примем!

— Нечестно! — сказал Михаил. — Как мы можем другим испытание давать, если не знаем: выдержим ли сами!

— Верно! — горячо подтвердили Борис и Хихикало. А Молчун кивнул. Мыть всю школу одним им явно не хотелось.

— А классы тоже надо или одни коридоры? — поднял руку Хихикало и тут же схватил подзатыльник от Бориса.

— Конечно, и классы, — простодушно ответил Михаил.

— Идем к завхозу проситься школу мыть? — дружно сказали Мошкины.

— Проситься не будем. Это неинтересно, — отчеканил Михаил. — Тайно начнем, когда стемнеет.

— При свете луны? — поинтересовался Борис, подумав что так даже лучше: не различишь потом, где вымыто, а где — нет.

— Я потом с фонариком проверю, — словно угадав его мысли, ответил Михаил.

...В этот раз не охраняли дома ни Михаила с Женькой, ни братьев Мошкиных, и они смогли поздно вечером улизнуть, хоть и боялись, что их отсутствие вдруг обнаружат. Но кто же мог подумать, что они способны даже дойти до мысли такой: удрать куда-то так поздно, раз этого им никто не запрещал и не запирал на ключ.

Ну, а Борис, Молчун и Хихикало ушли из дому совершенно спокойно. Каждый, во-первых, спал в саду. Во-вторых, никогда не задумывался о каком-то распорядке дня, по которому почему-то полагается детям ночью спать. А в-третьих, они в любой момент могли сказать (Молчун письменно), что сговорились пойти на ночную рыбалку. Словом, это не было для них проблемой. Они жили летом вольготно: домой приходили только есть и спать, да и то в любое время. Родители давно махнули на них рукой. А если и покрикивали на них, то для порядка, в который не верили. Отец Бориса, например, вообще гордился самостоятельностью сына. «Он у меня не лопух. Может за себя постоять», — говаривал он своим соседям по базарному прилавку. В одном только он был подчас неумолим: хочешь не хочешь, а торгуй фруктами тогда, когда он, отец, никак не может по какой-нибудь причине. «Помогай семье, не обижай, и семья тебя не обидит, поможет»,— изрекал он, вручая сыну трояк или пятерку с принесенной им, сыном, выручки. Когда школа жаловалась на Бориса, на его плохое поведение и не менее плохую учебу, отец отвечал: «А вот Валерий Чкалов — он тоже был не Сахар Медович. И в школе хулиганил, и в последующей жизни — кино такое видели?! А вышел в большие люди — дай бог всякому!»— «Какое ж это у Чкалова хулиганство? — возражали ему. — Неоправданный риск, безрассудная отвага — такое у него бывало. Но зато потом...» — «И у моего будет ПОТОМ, откуда вы знаете? А что мой отчаянный — для этого тоже нужны риск и отвага! И вобче он у нас долго не задержится — в морское училище определю на главного механика пароходов! Там ух как зарабатывают!» Вот и попробуй с ним поговори.

...У школы собрались в одиннадцать вечера. Все пришли с тряпками, с ведрами, а Хихикало — с чайником. #

— А чайник зачем? — спросил Михаил. — Чаи гонять?

— Не гонять, а брызгать,—сдержанно ответил Хихикало.—Полы брызгать, а потом тряпкой размазывать.

— Не размазывать, а мыть, — строго поправил его Михаил.— Только неудобно с чайником-то. А ты подумал, где будешь тряпку выжимать?

— Выжимать, — хихикнул Хихикало. — Что она — штанга или гиря?

— Сам ты... гиря,—рассердился Михаил.

— Чайник, — уточнил Борис.

— Он же удобный, большой, — неуверенно защищался Хихикало.

— А я разве говорю, что ты — маленький чайник?! — усмехнулся Борис. — Большой чайник.

— Шутишь, — наконец, понял иронию Хихикало и надулся. Видно было, что в школе совсем недавно провели ремонт. Во дворе стояли верстаки, трубогибочный стол и подмостья для штукатуров, заляпанные известкой.

— А там, внутри, все наверное, чисто после ремонта, — обрадовано намекнул Хихикало на то, что они не перетрудятся.

Михаил дернул ручку двери. Дверь была заперта.

— Я сейчас, — он пошел вдоль школы, приглядываясь к окнам.

— Интересно, когда ты после ремонта чистоту видел? — огорошил Хихикало Женька.

— Значит, вдвое трудней придется, — вздохнул Борис.

— Втрое, — мстительно заметил «чайник»-Хихикало.

— Придумал работенку, — угрожающе зашептал Борис на ухо Женьке. — Полегче не мог сочинить?

— Случайно с языка сорвалось, — сконфузился тот.

— Жаль, что не вместе с языком, — пожалел Борис.

— Кончайте ругаться. Давайте дело делать, я спать хочу, — заныли братья Мошкины.

Михаил, обогнувший школу, вновь появился около «бригады уборщиков»:

— Вот там форточка открыта.

...Хихикало, как ни странно, оказался прав. В школе после ремонта было чисто. Даже при свете Мишкиного фонаря, а не то что луны, заглядывающей в большие окна, было видно, что полы так и сверкают! Но Михаил сказал:

— Абсолютной чистоты не бывает. Даже в космосе полным-полно космической пыли. Вот, — он провел чистым носовым платком по новеньким керамическим плиткам в коридоре. Платок сразу посерел.

— Начали! — воскликнул Михаил.

Ребята наполнили ведра и чайник водой в рукомойниках и разбрелись по этажам. Михаилу достался пятый, Женьке — четвертый, Мошкиным — третий и второй, Молчуну — первый, а Борису и Хихикало — две лестницы.

Хорошо, что были закрыты на ключ учительская, библиотека, актовый и спортивный залы, химический, биологический, физический и лингофонный кабинеты. Иначе бы, как сказал потом Борис: «Мы принесли бы домой по скелету». — «Как так? — засомневался Хихикало. — Он у нас всего один в школе. А биологический кабинет закрыт!» «По своему. Каждый по своему скелету, чайник», — растолковал Борис.

Да, Михаил убедился, что полы мыть — не чай пить. Этаж казался бесконечным, хотя и было там всего-то четыре класса и коридор. К счастью, ни в одном из классов не стояли парты — пусто. Попробуй подвигать их для уборки взад и вперед и снова после уборки взад и вперед! Вероятно, старые парты вывезли, чтобы заменить новыми — современными, похожими на столики.

На весь этаж у Михаила ушло два с половиной часа — он нет-нет, да и посматривал на светящиеся уличные часы за окном.

Закончив работу, Михаил бросил тряпку в пустое ведро и, постанывая от изнеможения, сделал как бы «производственную гимнастику», сгибая и разгибая корпус, пока не почувствовал, что позвоночник вновь стал прямым.

Затем, посвечивая фонариком, пошел проведать остальных. Лестница, по которой он спускался, была на редкость чистая.

«Молодец Борис!» — сказал про себя Михаил.

Но лестница оказалась чистой лишь до четвертого этажа. Не слышно было ни позвякивания ведра, ни шороха, ни звука.

Бориса он обнаружил в одном из классов. Положив руку под голову, он сладко спал в уголке.

Михаил его разбудил, свирепо тряхнув за плечо. Вначале Борис бессмысленно хлопал глазами, не узнавая. А когда вспомнил, схватил ведро, тряпку и, ни слова не говоря, умчался к своей лестнице.

Женька спал в другом классе на том же четвертом этаже. Мошкины — вдвоем! — на третьем. Молчун — на первом. А Хихикало — на верхней площадке второй лестницы. Всех приходилось тормошить, и все беспрекословно, кроме Женьки, страшась гнева «капитана», стремительно продолжали прерванное дело. Один Женька по обычаю начал ныть:

— Я устал. Я давно не высыпаюсь, потому что ты по ночам храпишь. У тети Клавы спроси, ну, спроси!

Но Михаил был не такой дурак, чтобы бежать и спрашивать у тети Клавы: храпит ли он по ночам. Он молча взял Женькину тряпку и начал сам мыть класс.

— Шуток не понимает! — пробудился к действию Женька и выхватил у него тряпку. — У тебя своя есть!

Еще с час Михаил как дозорный ходил по лестницам и по этажам. Пытался помочь, но все его гнали, опасаясь: «Не хитрит ли? А потом вдруг скажет: ты не выдержал испытания, тебе помогали!»

Неразлучные близнецы Мошкины так и вымыли вдвоем свои два этажа.

— Третий лишний, — заявили и они Михаилу, когда он напрашивался им в помощь.

Всеобщий труд Михаил оценил на «четверку с плюсом». Самому нерадивому — Женьке он поставил «тройку». Ему-таки пришлось помогать, иначе бы он и до утра не успел.

Когда они под утро вылезли во двор школы и закрыли за собой форточку, Борис внезапно схватился за Женькино плечо.

— Я не меньше твоего устал, — запричитал тот, вырываясь.

— В плавании будет тяжелее, — привычно произнес Михаил.

— Не будет, — уверенно ответил Борис.

Они добрели до перекрестка, вяло пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

Мошкины уходили, по-братски поддерживая брат брата. Михаил заботливо вел Женьку. А Борис, Молчун и Хихикало ковыляли, повиснув от усталости друг на друге, один на другом и другой на других.

Спортучеба: «Направление ветра»

— Повторим, что такое галс? — поучал Михаил, расхаживая перед своей командой, сидящей у шлюпки. — Борис!

Борис вскочил и отчеканил:

— Чтобы определить положение шлюпки относительно ветра, — есть такое спортивное слово «галс». Если ветер задул в правый борт — парус на левом борту — шлюпка идет правым галсом.

— Правильно, — одобрил Михаил. — Вячеслав!

Встал Хихикало.

— А что такое левый галс?

— Левый... — промямлил Хихикало. — Ну, вот... был правый... а теперь левый.

— Садись, — рассердился Михаил. — Евгений!

Женька вскочил.

— Если ветер дует в левый борт — парус на правом борту — шлюпка идет левым галсом.

— Правильно, — кивнул Михаил.

Хихикало завистливым шепотом сказал Молчуну:

— Женьке-то хорошо. У него отец капитан. Женька все с пеленок знает.

— Какой ветер называется «противным»? — спросил Михаил. — Вячеслав!

— Опять меня?! — нехотя встал Хихикало. — Противным?.. Ну... В лицо когда дует. А не в спину.

Все захохотали.

— Почти правильно, — одобрительно заметил Михаил. — Ветер, дующий прямо или почти прямо в нос шлюпки, называется «противным» или «лобовым». Садись.

Хихикало сел и важно надулся.

— А какой ветер называется «галфинд»? — Михаил посмотрел на Мошкиных.

Они одновременно поднялись и отчеканили:

— Ветер, дующий прямо или почти прямо в борт шлюпки, называется «галфинд».

— Молодцы, — похвалил Михаил и вопросительно взглянул на Молчуна. — Ну а ветер, дующий прямо или почти прямо в корму?

Молчун наморщил лоб и, взяв палочку, начертал на песке слово «фордевинд».

— Умница! — обрадовался Михаил.

— Ну не больше, чем я,—заревновал Хихикало и пожаловался Борису: — Загонял он нас совсем! Мы геометрию еще не проходили.

— Проходили, — строго сказал Михаил, услышав его слова. — Я тоже в школе не проходил. Меня в спортивной секции научили. Показываю снова, — устало произнес он и стал чертить палочкой «углы» на песке. — Это прямой угол — 90 градусов. Разделим пополам — получится 45 градусов. А вот так примерно 80 градусов. Если ветер дует отсюда, в пределах от 10 до 80 градусов от носа шлюпки, то название этого ветра — «бейдевинд». Дошло?

— Понял, — внезапно ободрился Хихикало, вглядываясь в чертеж. — Если бы в школе все так объясняли — на песке, а не на доске, я в отличниках бы круглых ходил!

Занятия продолжались.

— Переходим к действию ветра на парус, — Михаил заглянул в записную книжечку: — «Благодаря форме паруса даже при самом неблагоприятном ветре, «бейдевинд», шлюпка может двигаться вперед... На парус действует воздушный поток».

— Конечно! Парус как крыло у птицы! — загорелся Борис.

— Верно, — сдержанно ответил Михаил. — Но у птиц нет подводной части, как у шлюпок. Значит, на шлюпку кроме ветра действует еще и... Что?

— Вода! — хором крикнули Мошкины.

— А когда про ветер все изучим, — робко спросил Хихикало, — тогда уже все-все? Больше учиться не будем?

— Будем,—сказал Михаил. — Тогда мы перейдем к влиянию крена и дифферента на управление шлюпкой. Потом — к бегучему такелажу грота. Затем...

— Головушка моя!—простонал Хихикало, прервав его.

«Снабженцы»

Не хватало всего: гвоздей, шурупов, не было мачты для паруса. Да и самого паруса не было. А на парус деньги нужны! Паруса на свалке не валяются!

«Так мы на парусах в Таллин никогда не уплывем, даже и через три лета», — мрачно размышлял Борис. Он и его компания уже знали, что означает кодовое название «Напавтал». Но им больше нравилось: «Напавосвет» — на парусах вокруг света. Такое название Борис придумал. Он и его компания по-прежнему мечтали похитить шлюпку — но только полностью оснащенную! Мечтали научиться у Михаила навигации и управлению парусом. Мечтали совершить «обманную» кругосветку. Но их раздражало то, что шлюпка все еще далека от завершения. Глядишь, и лето кончится, а они не успеют выполнить свой хитрый план.

Однажды Борис сказал Михаилу:

— Мишк, вы стройте, а нам лучше снабжение поручи!

— Действуйте, — согласился Михаил.

И Борис со своей компанией начали действовать. В тот же день с большой тележкой, позаимствованной у отца Бориса, «снабженцы» отправились по дворам.

Они остановились около старичку, сидящего на лавочке, и Борис деловито сказал:

— Металлолом собираем. У вас есть?

— Цветные металлы, — уточнил Хихикало. — А вообще, любые. Старичок рысью проследовал в сарай и мгновенно вернулся с помятым чайником и дырявым медным подносом.

— Молодцы!—он погладил Молчуна по голове. Молчун кивнул.

— На переплавку, — сказал Борис парню у следующего дома. Парень быстро притащил лист дюраля.

— Мартенам! — сообщил Борис женщинам в соседнем дворе. Жители дружно несли старые тазы, миски, кастрюли, алюминиевую проволоку, погнутые бронзовые краны. А мужчина в соломенной шляпе подарил большущий кусок свинца.

— Хотел на донные грузила, но для такого дела ничего не жаль!

Жители, довольно улыбаясь, смотрели, как ребята, с трудом толкая тяжело нагруженную тележку, покатили ее во двор школы. Скрывшись за школой, «снабженцы» подналегли и выкатили тележку на соседнюю улицу через другую калитку.

Остановились они у приемного пункта вторсырья, и Борис, постучав в закрытое окошко, зычно спросил:

— Кто-кто в теремочке живет?

В окошко высунулся подслеповатый приемщик:

— Давай на весы.

Хихикало подмигнул приятелям и побежал куда-то вдоль забора. Приемщик распахнул ворота. Борис и Молчун с тележкой проследовали за ним под красочным плакатом на

высоких стойках: «Сдавай старье нам как сырье! Металлы вторичные будут первичные!»

Борис и Молчун взвешивали свой груз партиями. Все сразу не взвесишь. Как известно, за железо — одна цена, за медь и олово — другая.

Приемщик записывал. «Снабженцы» относили металлолом за угол к общей куче и, отодвинув доску в заборе, незаметно передавали Хихикало. Славка, быстренько обежав вокруг, относил те же самые тазы и кастрюли обратно на тележку.

— Да что у вас там — залежи? — удивлялся приемщик, показывая куда-то за ворота.

— Ага, — кивал Борис. — Не меньше чем у вас!

— А вы бы снова на тележке, — предлагал он.

— Не надо, — отнекивался Борис, кивая на спешащего Хихикало. — Он у нас двужильный.

Наконец, Хихикало умаялся, и решили закончить.

— Больше нет, — сказал Борис. И получил деньги.

— Ну, мы в расчете. Заходите еще, — приветливо кивнул приемщик, поправляя очки на веревочке. — Рад.

— И мы,— ответил Борис. Хихикало захихикал, Молчун кивнул. И они заторопились прочь.

...Если бы сторож лесопилки не дремал в тенечке, он узрел бы удивительную картину. Сквозь щель забора на территорию склада просунулась рука с длинным остроконечным крючком. Тюк! — острие крючка с размаху воткнулось в одну из досок, сложенных в штабель. Доску подтянули к щели, перевернули на ребро, и она с тоненьким скрипом исчезла за оградой.

В зарослях бузины, за оградой, Молчун и Хихикало принимали доски, которые Борис вытаскивал крючком, и аккуратно складывали на тележке. '

...Затем нечто удивительное случилось и на стадионе.

Когда разрядник по прыжкам в высоту воткнул в песок длинный фибергласовый шест и, разминаясь, сделал круг по беговой дорожке, — шеста на прежнем месте уже не было. Вместо него торчала какая-то сучковатая жердина.

А Борис, Молчун и Хихикало, держа шест под мышкой, уносились прочь по пустынному, изнывающему от зноя переулку.

Они пробегали мимо двора Бориса, и тут их внезапно окликнул Борисов отец:

— Эй! Сейчас московский прибывает, — привычно забубнил он. — Срочно везите фрукты на вокзал. О цене договоримся. Все, что сверх, — вам. По рукам?

— Нам некогда, — ответил Борис. — Мы рыбу ловить.

— У тебя, я гляжу, одна рыбалка на уме! — вскипел отец. — Каждый день целыми днями на море пропадаешь! А рыбы домой не приносишь! Да кто ж на такую толстую удочку ловит?! — уставился он на шест. — Не удочка, а мачта!

— Ага, — просиял Борис.

— Ты теперь никогда ничего не получишь от меня, — подчеркнул отец. — Тунеядец! Чему вас только в школе учат! Вас учат родителям по дому помогать?

— По дому, а не по вокзалу, — огрызнулся Борис.

— Что, что?! — взорвался отец.

На крыльцо вышла мать, высокая плечистая женщина, и приказала мужу:

— Не барин. Сам фрукты отвезешь. У нас с тобой детства не было, так пусть хоть у сына будет! Иди, иди, сынок, рыбку лови, — ласково сказала она.

— А где моя тележка? — буркнул отец.

— Сам ищи, — сказала мать и важно удалилась. Отец взглянул на Бориса.

— Наверное, пропала, — безмятежно ответил Борис.

— Сам вижу, что пропала! — гаркнул отец. Ребята помчались к морю.

Знал бы отец Бориса, что тележка спрятана за углом, в густом бурьяне на пустыре, только бы они ее и видели вместе с досками! Отец бы с ходу заявил: «Пусть только заявится тот, кто увел ее со двора и нагрузил без спросу?!» А сам поспешил бы к себе во двор — разгружать, ворча под нос: «Тележка — моя, а я вот не помню, что было в ней, когда ее стащили?! Попробуй докажи!»

— У нас дома один я — мужчина, — похвастался Борис дружкам.— Отец маму слушается, а она — меня.

— А что я говорил?!—ликующе закричал Женька, увидев доски и шест. — Я сразу сказал: надо их сразу забрать! Надо было их еще раньше забрать в нашу команду!

— Молодцы, — изумился Михаил и подозрительно взглянул на сияющих «снабженцев». — Где взяли?

— Там их нет, — хихикнул Хихикало. — Нам подарили. Ей-богу!

— Кто подарил?

— Да отец мой, — не моргнув глазом сказал Борис, грозно покосившись на Славку. — Отец говорит: «Мне для тебя никогда ничего не жаль! Все что хочешь, проси!»» Вон они только сейчас это слышали. Слышали? — обернулся он к дружкам.

— Слышали, — подтвердил Хихикало. — На всю улицу орал! «Ничего не жалко!» — орал. «Проси, что хочешь!» — орал.

Молчун закивал.

— Доски отцу не нужны, они на паркет не годятся!—уверял Борис. — Ему дубовый паркет нужен.

— Повезло, что дубовый, — поверил Михаил. — На кладбище кораблей одно гнилье осталось. Я сегодня был. — И улыбнулся. — А нам доски в самый раз. Мы из них весла выстругаем.

— Весла,—согласился Борис. — А шест... мачту мы в «Спорттоварах» купили.

— Ну да, — подтвердил Хихикало. — На стадионе... Около стадиона, — спохватился он.

— Мачта — блеск! — воскликнули братья Мошкины.

— А вот и деньги, — Борис показал Михаилу пятнадцать рублей. — Мы металлолом сдали. И еще сдадим. Будут деньги на парус! За мной! — приказал он своей компании.

— Вы куда? — крикнул Михаил убегавшим «снабженцам».

— Харчи в тренировочное плавание запасать, — отозвался Борис.— Теперь-то быстро шлюпку закончим, раз мы за снабжение взялись.

— Колбасу вареную не берите, — наказал Михаил.

— Это и козе понятно, — откликнулся Борис. — Копченую!

— Мировые ребята, — восхищенно сказал Женька.

— Почти каждый человек не такой, каким он поначалу кажется, — изрек Михаил. — Я об этом читал где-то.

— Верно, — согласился Женька. — Вот я сам такой — не такой. Я не такой, каким кажусь.

— А какой ты? — полюбопытствовали Мошкины.

— Лучше и умнее, — подумав, серьезно ответил Женька. И повторил:— Мировые они ребята, почти как я.

А «мировые ребята» в эту минуту уже добывали пропитание. Из отдушины погреба, покачиваясь на веревочке появилась банка варенья.

— У нас в погребе чего только нет! — похвастался Борис, осторожно поставив банку на тележку.

Вслед за ней появились: кусок сала, густо обсыпанный солью, круг копченой колбасы, стеклянный баллон с маринованными огурцами, бидончик с топленым Маслом, связка сушеных бычков...

— У нас в подвале припасов тоже полно, — захихикал Хихикало. — Айда.

Молчун ткнул себя пальцем в грудь и кивнул.

— Куда столько? — ужаснулся Михаил, взглянув на тележку с провиантом.

— Я как Джон Сильвер, — гордо сказал Борис. — Он у капитана Флинта тоже снабженцем был! Видал кино «Остров сокровищ»?

— Пропадет же. Вот что, — решительно сказал Михаил. — У вас есть подвал?

— У всех... есть подвал, — растерянно ответил Борис.

— Вот и сложите пока все по подвалам, на холоде, — приказал Михаил.

И пришлось «снабженцам» везти весь провиант обратно. С Михаилом не поспоришь!..

Спортучеба: «Займемся навигацией»

Вечером, когда тетя Клава заворожено смотрела передачу «Спокойной ночи, малыши», Михаил и Женька потихоньку выбрались из дому и залезли на крышу сарая, там их уже

ожидали братья Мошкины и компания Бориса. Михаил и Женька сели рядом.

— Займемся навигацией, — объявил Михаил и достал из кармана компас.

Светящаяся стрелка переместилась, закачалась и замерла — он остановил ее рычажком.

— Север, — определил Борис.

— Норд — по-английски, — сказал Михаил. — А Большую Медведицу видите?

Все задрали головы.

— И Малую, — ухмыльнулся Хихикало. Борис толкнул его локтем, и тот умолк.

— А Полярную звезду? — спросил Михаил.

— Не-а, не вижу, — признались Мошкины. — Может, вон та, сбоку?

— Вот она, — Михаил протянул руку. — Путеводная звезда мореплавателей.

Небо было источено мириадами мигающих огней: звезды, солнца, планеты... Небо было похоже на море, и даже казалось, что шум прибоя доносится не от настоящего моря, а с этой бескрайней высоты.

— А вот Гончие Псы... Кассиопея... Козерог...

— Где? Где? — вертел головой Хихикало.

— Чтобы определить курс корабля по звездам, — начал Михаил... Сарай, словно корабль, плыл в темноте, точно по курсу светящейся стрелки компаса.

«Так держать»

Михаил приколотил подкильную полосу и пошарил рукой по песку. Гвозди опять кончились.

— А где наши «снабженцы»? — сердито спросил он Женьку.

— Ты же их сам снова послал всякие материалы искать.

— Послал, послал, — проворчал Михаил. — А Мошкины где?

— За ними увязались. Сам же разрешил.

— Разрешил, — буркнул Михаил. — А они и рады. Время-то идет.

Он выдернул из-за пояса сигнальные флажки и яростно замахал ими. Как говорится, душу отвести!

— Ты чего? — оторопел Женька.

— Да это я так... «СОС»... Гвоздей нет... — грустно ответил Михаил.

Небольшая моторка отвалила от борта буксира, стоящего на рейде, и заскользила к берегу. Она шла легко и красиво, вздымая носом брызги. Михаил с Женькой восторженно следили за ней.

— Нам бы такую, — прошептал Женька. Моторка почему-то неслась в их сторону.

— Кто это? — Михаил приложил ладонь козырьком к глазам, закрываясь от слепящего солнца.

Лодка ткнулась в песок. Из нее выпрыгнул молодой матрос Нестерчук со знакомого буксира друга-капитана.

— Это опять вы? — строго сказал он.

— Мы,— растерялись ребята. — А что... опять?

— Кто «СОС» передавал?

— Я, — смутился Михаил.

— «СОС» — дело серьезное, — нахмурился Нестерчук. — На такой сигнал все корабли с курса сворачивать обязаны. Не знаете?

— Знаю, — потупился Михаил. — Понимаете, гвозди кончились.

— Он не нарочно, а с отчаяния, — вступился за него Женька.— Он пошутил.

Нестерчук забрался в лодку, пошарил в кормовом отсеке и протянул ребятам какой-то ящичек, обтянутый парусиной.

— В следующий раз не шутите!

— А чего... это? — Михаил удивленно смотрел на ящичек.

— Гвозди, — ответил матрос. — Или это не вы «СОС» передавали.

— Мы,— Женька жадно схватил увесистый ящичек с гвоздями.

— Извините, — виновато и радостно улыбнулся Михаил. — Это я... в никуда сигналил.

— Везде люди, — улыбнулся матрос. Столкнул моторку и отчалил. Михаил замахал флажками в ответ. Матрос, не останавливая моторку, тоже замахал флажками.

— Ты что сказал? — с завистью спросил Женька.

— Спасибо.

— Большое?

— Очень большое.

— А он?

— А он сказал: «Так держать!»

— Покажи мне, как?

Михаил показал. И Женька тоже просемафорил матросу «Так держать».

Когда заявились «снабженцы» с Мошкиными и принесли целую сумку каких-то кривых гвоздей, Женька небрежно сказал:

— У нас свое снабжение. Морское!

И кивнул на ящичек с новенькими промасленными гвоздями.

— Вот это да! —с завистью протянул Борис, когда узнал про нечаянный «СОС» и нежданный подарок. — Ведь запросто можно по сто раз на день сигналить! Подавай сигналы и получай, что хочешь!

— С этим сигналом не шутят, — нахмурился Михаил, совсем как матрос Нестерчук.

— А я не шучу,—торопливо сказал Борис. — Я шучу, что не шучу. Ты только научи нас. Во как пригодится!

Хихикало, поняв его по-своему, захихикал. А Молчун кивнул.

— Согласен, — сказал Михаил.

И Мошкины были срочно отправлены домой делать сигнальные флажки. Для образца Михаил, вздохнув, вручил им свои и предупредил:

— Не испачкайте. И не поломайте.

— А можно и мы? — спросил Борис. — А то они такого натворят!

— Остальные за работу! — приказал Михаил. И Борис послушно взялся за молоток.

...После обеда команда «Напавтала», каждый с новенькими флажками, выстроилась строго по росту возле шлюпки.

Михаил прошелся вдоль шеренги. Борис держал флажки неправильно. Михаил молча поправил. Затем отошел от строя и встал на кнехт.

— Начнем, — звонко сказал он, подняв флажки.

— Куда смотришь? — Борис толкнул локтем Хихикало, который смотрел на чаек. — Учись, дурень!

Молчун заговорил

Отремонтированная шлюпка сияла, как...

— Как магазинная! — сказали братья Мошкины.

Гордо устремлялась в небо мачта — фибергласовый шест.

Наконец-то были куплены паруса для шестивесельного яла: фок и кливер—на деньги «снабженцев», сделавших несколько рейсов с металлоломом и вновь обманувших приемщика. Паруса хранились у Женьки в сарае. А сегодня он их принес почему-то с таким гордым видом, словно добыл их лично сам.

— Гляньте! Гляньте! — суетился Женька, разворачивая паруса.— Я твоего тигра, — он важно взглянул на Молчуна, — ну, шкуру тигриную — в самую середину кливера зашил! Красиво?

Хихикало взглянул на кливер, в центре которого красовалась, словно распятая, тигриная шкура и затрясся от смеха.

— Человек старался, а ты,—сердито сказали ему Мошкины.

— А что? — хмыкнул Борис. — Сразу впечатляет. Тигр на парусе, а? Жаль, парус маловат, — определил он на глазок. — С тигром ты, Женька, здорово придумал! Красиво,—и погладил тигровую шкуру. Молчун кивнул.

— А она питательная? — поинтересовался Женька. — Или нет? Ну, в случае голода в пути. Помнишь, по телевизору «Золотую лихорадку» Чарли Чаплина показывали? Он башмак вареный ел, а съесть не смог!

— Скажет тоже, — оскорбился Борис. — Это же тигр. Если его шкуру целый день варить в трудную минуту, одного навару — на неделю! Правда, Мошки?

— Правда, — улыбнулись Мошкины. — Не синтетика.

— Съел? — подмигнул Борис Женьке.

— Съем, — подмигнул ему Женька. И ребята рассмеялись.

И тут заявился Михаил. Он хмуро уставился на кливер с тигриной шкурой.

— Кто придумал? — хмуро спросил он.

— Я!— гордо заявил Женька. — Я у тети Клавы целую неделю шить учился. Она так удивилась: «Зачем тебе?» А я...

— Значит, научился шить? — сказал Михаил.

— Ага! — ликовал Женька. — Все руки исколол, пока тигра к парусу пришил. Мы с Борей посоветовались, он сказал, что кожа — она съедобная. Прибьет нас вдруг к острову в шторм. Все съедим, а у нас еще и парус с тигром! Я тайком пришивал, — похвастался он. — Здорово тебя удивил?

— Здорово. Как пришивал, так и расшивай. С твоим тигром кливер ни свернуть, ни развернуть нельзя!

— Правда? — опечалился Женька. — А я так старался!

— Что, съел? — со смешком заметил Хихикало.

Женька мрачно покосился на него и принялся так же мрачно отпарывать тигровую шкуру.

— А сейчас последнее «спортивное» испытание, — сказал Михаил.— «Испытание на взгляд»!

— Чего-чего? — струхнул Женька.

— На... «вэ... зэ... гэ...» — четко выделил буквы Михаил. И повторил:— На взгляд. Ну, не испытание даже, а так... научиться надо попробовать. Молча мысли по взгляду читать. Если научимся, в путешествии во как пригодится!

Компания Бориса настороженно переглянулась.

— Я в школе пытался угадывать, — продолжал Михаил. — Вот взглянешь на кого-нибудь и сразу понимаешь: уроки не выучил или с уроков в кино удрать хочет.

— Точно говорит, — беспокойно прошептал Хихикало Борису.— Со мной сколько раз бывало. Учитель на меня взглянет, а я сижу спокойненько, на него гляжу, всю волю в кулак соберу. А

он мне: «Опять домашнее задание сделать не успел?»

— Случится буря, — вдохновенно говорил Михаил. — Все мы держимся крепко, ревет кругом, голоса не слышно, и внезапно... смывает Женьку за борт. Уносит его волна, смотрит он в отчаянии на нас, слова сказать не может, а мы читаем его мысли: «Спасите! Мама-а... Ау-у!» Угадал?

— Ни за что не угадаешь! — обиженно сказал Женька.

— Ну, а если серьезно: вдруг заклинило руль, смотришь ты рулевому Молчуну в глаза, — Михаил посмотрел на Молчуна, тот поспешно отвел взгляд. — И все понимаешь: срочный ремонт необходим! Можем взглядом переговариваться. Давайте попробуем? Кто первый?

— А хоть бы я, — Хихикало смело шагнул вперед. Михаил свел брови, уставился прямо в его глаза.

— Ну, о чем я думаю? — спросил Хихикало. Михаил опять свел брови и безнадежно сказал:

— Ни о чем.

— Правильно, — ахнул Хихикало.

Михаил взглянул было вновь на Бориса, но тот снова отвернулся, делая вид, что отряхивает плечо.

Теперь настала очередь Молчуна — Михаил уперся взглядом в его глаза. Широко раскрытыми круглыми глазами Молчун заворожено смотрел на Михаила.

— А ты что-то скрываешь, — шутливо произнес Михаил.—Сейчас угадаю, лучше сам признавайся.

И неожиданно, словно загипнотизированный пронзительным Мишкиным взглядом, Молчун внезапно... заговорил:

— Это не я... Это Борька придумал: вашу шлюпку захватить! Борька нас подговорил, — торопливо раскрывая рот, бормотал он, будто боясь остановиться и умолкнуть навсегда, — в плаванье... без вас... и не в Таллин, а вокруг света... И не вокруг света!.. Захватим шлюпку... Уйдем... В бухте спрячемся, там жить будем, а по ночам письма в почтовые ящики носить, у Борьки всякие марки заграничные, все поверят, что вокруг света плывем, а мы не поплывем, полгода пройдет, приплывем к пристани, и всю шлюпку по кусочкам менять будем ребятам, а они нам — ружье духовое, удочки, все, что хотим.

Он умолк.

Было тихо. И никто вообще не смотрел друг на друга.

— Уходите! — твердо сказал Михаил.

— Тоже мне мысли читает, — убито сказал Борис. — Ну, если честно, собирались мы захватить шлюпку! Так когда это было! А этот Молчун разговорился! Мало ли что думали! Думали да передумали!

— Мы им еще устроим! — подобострастно сказал Хихикало.

— А ну тебя! — вскипел Борис.

— Предатели! — тихо сказал Михаил.

Борис медленно пошел прочь. Хихикало и Молчун поплелись за ним. Хихикало дал Молчуну подзатыльник.

— Трепло.

Молчун остановился, тоскливо посмотрел приятелям вслед и пошел в другую сторону. А Борис шел, не оборачиваясь, и бросал гальку в полосу прибоя.

— Боря, ты не бойся, — хихикнул сзади Хихикало. — Никуда они не поплывут.

— Отстань, — замахнулся на него Борис. Хихикало отскочил и побежал в город.

Михаил, Женька и Мошкины грустно стояли возле шлюпки.

— Ловко ты все узнал, — сказал Женька Михаилу. — Их надо было давно проверить!

— Да нет... Я и не думал...Я просто хотел потренироваться,—растерянно пробормотал Михаил.

Предательство

— Пусть забирают!—Михаил яростно выбрасывал из шлюпки все, добытое «снабженцами»: запасные доски, скобы, корзины, мотки веревок, спасательные круги. Паруса: фок и кливер. И даже мачту — фибергласовый шест — выбросил.

— И трос нам не нужен! — вгорячах заявил он. Но Женька схватил бухту троса и сел на нее:

— На наши деньги куплено.

Они не знали, что над ними сгущаются еще более мрачные тучи...

Хихикало развил бурную деятельность! Он прибежал на стадион. Он заискивающе спросил у спортсмена, уныло стоявшего под планкой со сломанным бамбуковым шестом:

— Это у вас недавно что-то пропало?

— Где он??? — вскричал спортсмен.

— Там, — показал рукой Хихикало, — где пляж заброшенный. Шестик ваш мальчишки на мачту себе унесли.

Затем он примчался в приемный пункт вторсырья. Он заискивающе сказал подслеповатому приемщику:

— Тут к вам недавно мальчишки приходили, металл сдавали. Помните?

— Разве все упомнишь.

— Ну, они по пять раз вам одно и то же сдавали. Купили вас.

— Купили! — взвился приемщик. — Они меня надули!

— Ага, — подтвердил Хихикало. — Они себе из ваших денег парус на шлюпку купили. Вон там они окопались — на заброшенном пляже.

Он ринулся к родителям Мошкиных. Он заискивающе сказал:

— Они утонуть могут. Маленькие еще! Жалко!

К тете Клаве:

— Это Мишка ваш — заводила! Кругосветного капитана из себя строит! В опасное плавание Женьку заманивает!

К отцу Молчуна:

— Я знаю, где ваш тигр прячется.

К отцу Бориса:

— А хотите скажу, где ваша тележка стоит? Только никому не говорите, что я сказал. Сами узнали, ладно? — предупреждал он его, как и всех.

Но Борисов отец был кремень человек. Он цепко схватил Хихикало за руку:

— Веди. Ты не рвись, не рвись! Пусть только тебя потом тронут! Расхитители! И отца своего зови! Идем, идем! А мой где? Отвечай!

Первым на причал со стадиона прибежал спортсмен-разрядник. Он схватил мачту — свой фибергласовый шест, угрюмо взглянул на путешественников, топнул ногой и убежал.

Михаил сидел на борту шлюпки, опустив голову.

Старичок из пункта вторсырья аккуратно скатал в рулон паруса в счет компенсации убытков, покачал головой: «Стыдно обманывать!» — и засеменил прочь.

— Вон они, — послышался голос Славки Хихикало. — Вон!

Показалась толпа родителей и родных. Трое отцов влекли за руки своих сыновей: Славку, Бориса и Молчуна.

— У вас что, уже погрузка? — испуганно спросил кто-то из родителей.

— А если бы вы утонули? — бросилась к Мошкиным мать.

— А я не утону!—твердо сказали Мошкины.

— Нет, если бы вы утонули? — настаивала она.

— А Евгений где? — тревожно спросила тетя Клава. — Жив?

— Здесь я, — высунулся над бортом шлюпки Женька.

— Так, — грозно сказала она, сразу успокоившись. — Куда вы собирались плыть? Молчишь, да? Я кого спрашиваю, Михаил? — Она обернулась к Хихикало.— А ну-ка, сообщи ему, куда они собирались плыть?

— Скажи, деточка, — попросил его отец.

— В Таллин, — пробурчал Хихикало. — А потом вокруг света!

Борис мрачно взглянул на него.

— Так куда же вы все-таки собирались плыть? — повторила тетя Клава.

— Нет, это потом вокруг света. Еще не скоро, — зачастил Женька.— А пока поучиться. А через два лета — на Олимпиаду. На парусную регату в Таллин.

— Интересно, кто придумал этот кошмар? — сурово спросил отец Бориса, заботливо осматривая свою тележку.

— Я, — твердо ответил Михаил, подняв голову.

— Мы все придумали, — заголосили Мошкины, стараясь его хоть как-то выручить.— Он так говорит, потому что он капитан. А мы все сами хотели в плавание!

— Тихо,—строго сказала им тетя Клава. — Послушай, Михаил, давай договоримся по-хорошему! Можешь ты все это выбросить из головы?

— Не могу, — решительно ответил Михаил.

— Не можешь... — с сожалением сказала тетя Клава.—Тогда собирай вещи.

— Правильно, — поддержал ее отец Хихикало.

— А вы лучше за своим присматривайте, — оборвала его тетя Клава.— Ваш тоже хорош!

— Ну, знаете ли!—возмутился он.— Если на то пошло, из всех только мой честный! Кто нам глаза раскрыл? Он!

— Расхитители, — ворчал отец Бориса. — Понатащили!

— Да при чем тут они? — уныло сказал Борис. — Я сам все принес. И никто меня не просил. И шест, и доски. И приемщика обманул. И тележку твою прикатил...

— Вот видите,—торжествующе показал пальцем отец Хихикало на Михаила и Бориса.—Два сапога пара. И моего сынулю сюда замешать хотели!

А отец Молчуна вдруг весело сказал Михаилу:

— Большое тебе спасибо. Мой-то заговорил, наконец. И как тебе это удалось? Шокотерапия?

— Я с перепугу, — пробасил Молчун. — А разве так уж плохо на шлюпке плавать, папа?

— Конечно, хорошо, — ответил отец. — Но... — взглянул он на других родителей, — взрослых надо слушаться, — уклончиво заметил он.— Иди играй.

Все возвращались домой. Гомонили Мошкины, ссорились и что-то доказывали друг другу родители.

Михаил, Женька и Молчун шли рядом.

Тетя Клава, отчетливо понимая, что роковые слова произнесены и что бесполезно больше толочь воду в ступе, отстала от них. Не хотела мешать прощанию.

— Ты не волнуйся, что мы этим летом не потренировались, — тихо говорил Женька. — Следующим летом приедешь и наверстаем, а?

— А где шлюпка зимовать будет? — вдруг спросил Михаил.

— Найдем!—заверил его Молчун. — У меня во дворе...

— Или у меня, — вставил Женька. — Или у Мошкиных!

— Лучше у тебя, — заметил Молчун. — У тебя отец капитан, в плавание ходит. Он всех уговорит. И нас отпустят.

— Подумаем, — сказал Михаил. — А капитану буксира — морской привет. Он был прав... во всем. Даже в том, о чем и не говорил. Предупреждал только.

Михаил неторопливо укладывал в чемодан свои сокровища: подзорную трубу, компас, сигнальные флажки, книги и карту. Женька сидел на кровати и горестно глядел на него.

...Когда Михаил, Женька и тетя Клава вышли из автобуса у аэропорта, они не заметили, что следом за ними, нахлобучив отцовскую соломенную шляпу на глаза, выскользнул Борис.

— Ты, Михаил, на меня не обижайся, — виновато говорила тетя Клава. — Я просто боюсь за тебя с твоими затеями. В конце концов, я за тебя отвечаю, ты еще маленький. И ты должен это понимать, ты уже не маленький. Приедешь на будущий год с папой и с мамой, тогда, пожалуйста, делай, что угодно!

Они зарегистрировали билет. Борис, скрываясь, перемещался вслед за ними. Как много он сейчас дал бы за то, чтобы выручить Михаила. Ну хотя бы как-нибудь, тайно, по пути к самолету обменяться с ним одеждой. И тогда, если смотреть со спины, тетя Клава, возможно, никак не узнает, что вместо Михаила — Борис. Та же клетчатая рубашка, рюкзак, чемоданчик... Вот только рост?!

«Как мальчик вытянулся за лето!» — скажет она, принимая Бориса за Михаила.

А уж Михаил-то в соломенной шляпе Бориса, надвинутой на глаза, сумеет улизнуть с летного поля.

Ну, а Борис, попав в самолет, запросто выберется обратно через люк грузового отсека. Вон через тот, куда по транспортеру подают тяжелые вещи...

Или другой план: пусть Михаил войдет в самолет, пусть!.. Борис проник бы в грузовой отсек, оттуда — в салон и вывел бы Михаила к люку... Самолет отрывается от земли... Вон он уже над морем... А у Бориса припасены два большущих мужских зонта. Они могли бы запросто выпрыгнуть с зонтами — и спланировать на воду! А тут их уже встречает шлюпка «Напавтал»! На борту — Женька, Молчун, братья Мошкины! Они бросают им спасательный круг! А огромные паруса, наполненные ветром, то закрывают, то открывают горизонт!

Но что это?

«Внимание! Объявляется посадка на самолет, вылетающий рейсом 283-м до Москвы. Пассажиры приглашаются на посадку».

Поздно, поздно... Люди пошли к стоящему вдали самолету. Машут руками Женька и тетя Клава. В толпе улетающих мелькнула клетчатая Мишкина спина с зеленым рюкзаком...

Взревел самолет, разбежался и взлетел, провожаемый множеством глаз.

Тетя Клава смахнула слезу. И вздрогнула!

Она первая увидела. Еще ни Женька, ни Борис не увидели. И невольно улыбнулась.

Маленькая знакомая фигурка с чемоданчиком и рюкзаком.

Михаил шагал обратно по огромным бетонным плитам аэродрома — к выходу в город, над которым высилось море.